
В.П.ЗАГОРОВСКИЙ
Изюмская черта

В. П. ЗАГОРОВСКИЙ

ИЗЮМСКАЯ ЧЕРТА

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1980

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Воронежского университета

Рецензенты: д-р ист. наук Я. Е. Водарский,
д-р ист. наук А. П. Пронштейн

В книге «Изюмская черта» доктор исторических наук В. П. Загоровский продолжает исследование русских укрепленных линий XVII века, начатое монографией «Белгородская черта» (1969). По архивным документам автор выясняет историю строительства 530-километровой укрепленной линии — «Изюмской черты», находившейся в пределах современных Белгородской и Харьковской областей, определяет ее точные географические контуры, ее значение в истории заселения южной окраины России русскими и украинцами, в борьбе Российского государства с Крымским ханством и Турцией.

Издание рассчитано на научных работников, учителей, студентов, а также на всех интересующихся историей нашей страны и родного края.

З $\frac{10604\text{-}001}{М174(03)\text{-}80}$ 6-80

ВВЕДЕНИЕ

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. ТЕРМИН «ИЗЮМСКАЯ ЧЕРТА». ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР. ИСТОЧНИКИ

нигу «Изюмская черта» можно рассматривать и как самостоятельное исследование и как продолжение монографии «Белгородская черта», опубликованной в 1969 г.[1] Изюмская черта — это укрепленная линия Русского государства, построенная в основном в 1679—1680 гг. на заключительном этапе одной из первых русско-турецких войн. Она проходила в пределах современной Белгородской области РСФСР и современной Харьковской области УССР и тянулась примерно на 530 км в длину. Отдельные укрепления Изюмской черты хоро-

[1] См. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. Из рецензий на монографию можно выделить две наиболее обстоятельные: Лысцов В. П. Рец. на кн.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. — Подъем (Воронеж), 1971, № 5, с. 140—142; Hellie R. Рец. на кн.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. — Journal of Modern History, 1970, vol. 42, № 4, p. 653—655.

шо сохранились до наших дней; особенно выделяется многокилометровый земляной вал в Красногвардейском районе Белгородской области, называемый местными жителями «Турецким валом».

Сооружение Изюмской черты в XVII в. было закономерным явлением. Изюмская черта строилась хронологически вслед за Белгородской чертой и русскими укрепленными линиями в Поволжье. Укрепленные линии, или «черты», возводились в России и прежде. Так, с середины XVI в. существовала «черта» к югу от Оки, названная значительно позднее историком А. И. Яковлевым «Засечной чертой». Строительство русских укрепленных линий продолжалось и после сооружения Изюмской черты.

Если говорить о XVII в., то Заокская («Засечная») черта со второй четверти века перестала играть сколько-нибудь существенную роль в борьбе России с Крымским ханством. Ее последний ремонт, проведенный в 1638 г., в военном отношении оказался совершенно ненужным, — татары до черты уже не доходили. К 40-м гг. XVII в. решающее значение в отражении татарских вторжений приобретает Белгородская черта; район русско-татарских столкновений перемещается от Оки на сотни километров к югу. 800-километровая Белгородская черта проходила от р. Ворсклы к р. Челновой через Белгород, Корочу, Новый Оскол, Острогожск, Коротояк, Воронеж, Усмань, Козлов.

Не случайно завершение основных работ на Белгородской черте в 1653 г. совпадает по времени с решением Земского собора о включении Украины в состав Русского государства, о воссоединении Украины с Россией. Сооружение Белгородской черты не только позволило закрыть от татарских вторжений и заселить обширный район юга России, но и явилось важным мероприятием в подготовке России к войне с Польшей за Украину. Южный фланг русских войск в войне 1654—1667 гг., в отличие от Смоленской войны 1632—1634 гг., был надежно прикрыт Белгородской чертой.

В 50—60-х гг. XVII в. район русско-татарских столкновений в западной части Белгородской черты постепенно перемещается все дальше к югу. Здесь, «за чертой», вырастают русские и украинские поселения. В 70-х гг. Турция предпринимает крупное наступление

против России и Украины. По приказу турецкого правительства крымский хан Селим-Гирей безуспешно пытается в 1673 г. «проломить» Белгородскую черту. Турция предъявляет претензии на территорию Украины. В 1677 и в 1678 гг. турецкие войска вторгаются на Украину, ведут наступление на приднепровский город-крепость Чигирин, готовятся к походу на Киев. Русский и украинский народы дали тогда достойный отпор иноземным захватчикам.

Именно в этот период, на заключительном этапе русско-турецкой войны 1673—1681 гг.[2], была возведена Изюмская черта. Сооружение Россией мощных укрепленных линий уже оправдало себя в длительной и трудной борьбе с татарами, было проверено жизнью. Новая укрепленная линия как бы отодвинула западную половину Белгородской черты еще на 150—200 км к югу, защитив уже существующие «за чертой» города и слободы, создав новый крепкий заслон на пути татарских вторжений. Изюмская черта строилась совместно русскими и украинцами, являя яркий пример тесного сотрудничества двух братских народов в борьбе против иноземных захватчиков.

В общем виде цель нашей работы заключается в продолжении изучения истории русских укрепленных линий XVII в., начатого монографией «Белгородская черта», восстановлении забытых страниц славной боевой истории России — истории совместной борьбы русского и украинского народов против иноземных захватчиков, дальнейшем изучении сложного, многогранного процесса заселения и освоения южных окраин России. Непосредственной целью нашего исследования является выяснение конкретной истории сооружения Изюмской черты, определение ее географических контуров, ее значения в первые годы существования. Историю Изюмской черты мы попытаемся показать в тесной связи с социально-экономической и военно-политической обстановкой на юге России в 70—80-х гг. XVII в.

Для того чтобы за русской укрепленной линией, построенной в середине XVII в. от р. Ворсклы через Белгород до р. Челновой, прочно закрепилось название

---

[2] Предлагаемая нами датировка этой войны обосновывается ниже.

«Белгородская черта», понадобилось после завершения строительства 10—15 лет. Причем здесь были по меньшей мере два ускоряющих фактора: во-первых, границы военно-административной единицы — Белгородского разряда точно совпадали с краями укрепленной линии и, во-вторых, на всю черту распространялась власть белгородского воеводы.

В отличие от Белгородской черты, новая укрепленная линия, построенная южнее ее в 1679—1680 гг., не успела получить единого общепризнанного названия. В документах XVII в. она обычно называется или «Новопостроенной чертой», или «Новой чертой». Иногда она даже мыслится частью Белгородской черты и на нее распространяется наименование «Белгородская черта».

Выражение «Изюмская черта» в официальных правительственных распоряжениях почти не употреблялось. Для этого были свои основания: город Изюм, хотя и находился в середине черты, не стал ее официальным центром; к тому же новая укрепленная линия, как и Белгородская черта, оказалась в подчинении у белгородского воеводы.

Все же из документов видно, что выражение «Изюмская черта» было известно современникам и употреблялось в быту в конце XVII в. Приведем в качестве примера один любопытный эпизод. В 1695 г. ливенец Федор Кривцов, арестованный в Белгороде за кражу лошади, сообщил властям о будто бы известном ему крупном поселении раскольников за пределами крайних русских городов. Кривцов, по его словам, за несколько лет до этого был «в степи за Изюмскою чертою и нашел на реке, на Красной вершине, у Кошлянских тернов, раскольников с 700 человек». Посланные для проверки казаки не обнаружили раскольников. Кривцова предписано было бить «на козле нещадно» и сослать в Сибирь. Возможно, что говоря об «Изюмской черте», Кривцов имел в виду не всю укрепленную линию, а только входившие в нее укрепления в районе Изюма. Для нас это в данном случае не так важно. Важен сам факт употребления интересующего нас термина. Следует добавить, что выражение «Изюмская черта» употреблено не только в рассказе Кривцова, но и в правительственном распоряжении о его наказании[3].

[3] ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 1778, л. 44, 46.

В научную литературу термин «Изюмская черта» применительно к *укрепленной линии, построенной* в 1679—1680 гг. от г. Усерда до р. Коломака, был введен в советское время профессором А. А. Новосельским. Дореволюционные русские историки его не употребляли по весьма простой причине: они почти ничего не знали об этой укрепленной линии. Изюмская черта фактически осталась вне поля зрения дореволюционных русских и украинских историков, даже такого крупного, как Д. И. Багалей.

Общую оценку теоретических позиций Д. И. Багалея и его вклада в разработку истории русских укрепленных линий XVII в. на юге страны мы дали в книге «Белгородская черта». Излагать еще раз взгляды этого несомненно талантливого ученого нет необходимости, напомним только, что Д. И. Багалей главную роль в заселении и освоении южнорусских окраин отводил правительственной инициативе. Его теория приоритета русской правительственной колонизации юга перед колонизацией народной не раз подвергалась критике со стороны советских историков.

Д. И. Багалей ввел в научный оборот огромный фактический материал, но крупнейших строительных работ, проходивших на юге России в 1680 г., как это ни странно, не заметил. В своей монографии «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» он пишет только о том, что в 1680 г. генерал Г. И. Косагов «осматривал две линии, из коих одна шла от Цареборисова[4] вверх по Северскому Донцу и по речке Мже до старого вала, а другая — до того же старого вала от Гомолецкого леса; под старым валом здесь, очевидно, разумеется тот вал, который находился между рр. Можью и Коломаком. Итак, это были береговые укрепления р. Донца, которые потом продолжались по течению р. Мжи»[5].

На самом же деле Г. И. Косагов в данном случае не «осматривал две линии», — их еще не было, — а писал о двух возможных вариантах проведения новой черты. Это становится совершенно ясным при сопостав-

[4] Название написано Д. И. Багалеем на украинский лад. В русском написании обычно употребляется «Царев-Борисов».

[5] Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887, с. 296.

лении донесения генерала с другими документами того же года. По первому варианту укрепленная линия прошла бы от Царева-Борисова вверх по Северскому Донцу и далее к западу по берегам р. Мжи[6]. По второму — линия шла бы южнее р. Мжи. Как мы увидим далее, избран был второй вариант, сторонником которого был генерал Г. И. Косагов.

Д. И. Багалей заметил, что «с 1681 г. начинается усиленное заселение южной части Слободской Украйны, лежащей в пределах нын. Изюмского уезда Харьковской губернии»[7]. Но почему именно с 1681 г.? Не потому ли, что данная территория была защищена к 1681 г. «Новой чертой»? Ясного вывода о влиянии новой укрепленной линии на ход заселения края в 80-х гг. XVII в. Д. И. Багалей не сделал.

В заключительной части своей монографии, говоря об основании г. Изюма и деятельности харьковского полковника Григория Донца, Д. И. Багалей на мгновение вновь возвращается к событиям 1681 г. и к «Новой черте». Д. И. Багалей здесь справедливо отмечает, что новая укрепленная линия пришла на смену Белгородской черте. Он пишет: «Время построения Изюма совпадает с постройкою укрепленной черты в пределах Слободской Украйны, заменившей собою известную Белгородскую черту, которая теперь уже потеряла в значительной степени свое прежнее значение»[8]. Тут же без достаточных оснований Д. И. Багалей отводит главную роль в возведении новой укрепленной линии харьковскому полковнику Г. Донцу.

Как мы видим, отдельные сведения об Изюмской черте разбросаны в монографии Д. И. Багалея по разным местам. Дать историю сооружения новой черты и ее географическое описание Д. И. Багалей не смог ни в монографии «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» (она была крупнейшей исследовательской работой ученого), ни в своих последующих трудах.

Из числа других работ Д. И. Багалея следует, на наш

---

[6] Сейчас эта река называется «Мжа». В XVII в. реку обычно называли «Мож».

[7] Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, с. 440.

[8] Там же, с. 534.

взгляд, остановиться еще на одной. Мы имеем в виду научно-популярную книгу на украинском языке «Історія Слободськой України», вышедшую в 1918 г., более чем через тридцать лет после его «Очерков». В новой работе Д. И. Багалей определяет основные этапы борьбы с татарами в пределах интересующей его Слободской Украины и на соседних землях для второй половины XVII в. по следующей примерной схеме. Сначала в середине XVII в. русским правительством была построена Белгородская черта. Затем украинские переселенцы заселили территорию Слободской Украины и сами (без участия русских войск) вели борьбу с татарами. Слободская Украина, населенная лишь украинскими переселенцами, по словам Д. И. Багалея, представляла «единый военный плацдарм»[9] впереди Белгородской черты. Для защиты Слободской Украины в конце 70-х и начале 80-х гг. XVII в. под руководством харьковского полковника Г. Донца была возведена «Новая линия». Но татарские набеги продолжались. Позже, в XVIII в., строится Украинская линия, а затем и другие укрепления.

По этой схеме получается, что и строительство «Новой линии» (Изюмской черты), и борьба с татарскими вторжениями в пределах Слободской Украины в целом являлись делом лишь украинских переселенцев. Это, конечно, неверно. Об участии русских людей в строительстве «Новой линии» Д. И. Багалей не говорит ни слова.

В книге «История Слободской Украины» Д. И. Багалей попытался связать строительство укрепленной линии с татарским набегом 1680 г. Этим он сделал определенный шаг вперед по сравнению со своими «Очерками» в освещении истории Изюмской черты. Определить же географические контуры «Новой линии» и выяснить историю ее сооружения Д. И. Багалею, как мы уже отмечали, не удалось.

В работах Д. И. Багалея помимо пробела в освещении истории Изюмской черты встречаются отдельные фактические ошибки и неточности. Главная причина таких ошибок видится нам в излишнем «доверии» ученого к документам XVII в., вышедшим из Разрядного при-

---

[9] Багалій Д. І. Історія Слободськой України. Харьков, 1918, с. 52.

каза. Нам уже однажды довелось приводить примеры географических ошибок московских подьячих, повторенных Д. И. Багалеем[10]. Определенную роль, видимо, сыграл и метод работы Д. И. Багалея с документами, хранившимися в то время в Московском архиве министерства юстиции (ныне эти документы находятся в Центральном государственном архиве древних актов). В начале своего научного пути Д. И. Багалей поспешил опубликовать прочитанные им документы XVII в., но после выхода в свет двух томов его «Материалов» (1886 и 1890 гг.)[11] в основном прекратил археографические изыскания в Московском архиве министерства юстиции. В результате неясности и противоречия, возникшие при публикации отрывочных, в значительной мере случайных документов, в дальнейшем Д. И. Багалеем не были устранены.

Так обстояло дело и с приведенным выше донесением генерала Г. И. Косагова. Документ был снабжен длинным заглавием, которое начинается так: «Книги описные и мерные новой черте...». В архиве сохранилось лишь начало описания. Д. И. Багалей опубликовал найденный им отрывок в первой книге своих «Материалов», сообщив при этом, что у документа «конца нет»[12]. Понять полностью смысл документа по напечатанному отрывку нельзя. Сопоставления же публикации с другими архивными документами Д. И. Багалей так и не сделал.

Главную роль в сооружении не вполне понятной для него «Новой черты» Д. И. Багалей отвел харьковскому полковнику Григорию Донцу. Задолго до Д. И. Багалея эту же мысль высказал русский церковный историк и статистик Ф. Гумилевский, автор пятитомного капитального труда «Историко-статистическое описание Харьковской епархии»[13]. Ф. Гумилевский слагает Г. Донцу на-

---

[10] См. Загоровский В. П. Указ. соч., с. 160—162, 165.

[11] См. Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии. Харьков, 1886; Он же. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Харьков, 1890 (далее — Багалей Д. И. Материалы...).

[12] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 81—84.

[13] [Гумилевский Ф.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. М., 1852—1857, кн. 1—3; Харьков, 1857—1858, кн. 4—5.

стоящий панегирик. Вот несколько фраз из него: «В звании полковника он оказался столько же смелым начальником военных дружин, столько же умным администратором и инженером. На протяжении 200 верст по берегу Донца устроены при нем в опасных местах укрепления. На протяжении почти 100 верст с 1675 г. продолжен и м (разрядка наша.— *В. З.*) Перекопский вал, до него шедший только на 7 верст»[14].

Книга Ф. Гумилевского ценна включением в нее документов, взятых автором из различных архивов, в том числе документов Чугуевской приказной избы XVII в.[15] Определенный интерес для нашей темы представляют также приводимые Ф. Гумилевским статистические и историко-географические сведения, в частности сообщения о сохранявшихся при нем земляных валах.

Научно проанализировать приводимые документы Ф. Гумилевскому не удалось. Да и документов второй половины XVII в. для освещения истории края в его распоряжении было явно мало. Ф. Гумилевский допускает фактические ошибки в рассказе о возникновении г. Изюма; в одном месте, приводя документ 1681 г., упоминает о «Новопостроенной черте», в другом месте пишет, что «охранная линия» у г. Нового Перекопа была устроена «около 1675 г.»[16]

Из работ дореволюционных русских и украинских историков, имеющих отношение к теме нашего исследования, можно выделить также книгу Е. Альбовского «Харьковские казаки», изданную в 1914 г.[17] Надо сказать, что более ранние работы Е. Альбовского выглядят заметно слабее по сравнению с названной книгой. Монографию «Харьковские казаки» ему удалось написать на хорошей источниковой базе. Автор внимательно изучил многочисленные документы Белгородского стола Разрядного приказа, выяснил конкретные факты из ис-

---

[14] [Гумилевский Ф.]. Указ. соч., кн. 2, с. 57.

[15] Документы Чугуевской приказной избы долгое время находились в Харьковском филиале Центрального государственного исторического архива Украинской ССР, затем были перевезены в Киев. Они используются далее главным образом по выпискам, сделанным нами в Харькове в 1967 г., частично — по публикации Ф. Гумилевского.

[16] [Гумилевский Ф.]. Указ соч., кн. 2, с. 270, 273.

[17] См. Альбовский Е. Харьковские казаки. Вторая половина XVII ст. (по архивным источникам). СПб., 1914.

тории освоения и заселения в XVII в. территории вокруг Харькова.

Привлекает внимание терминологическая четкость в работе Е. Альбовского, в частности, его анализ терминов «Слободская Украина», «слободские полки». Е. Альбовский выступает против употребления этих терминов применительно ко второй половине XVII в. Говоря о выражении «Слободская Украина», Е. Альбовский в общем справедливо пишет: «Название это делается официальным значительно позднее. Нам не известно ни одного документа XVII в., который бы хоть раз назвал этот край «слободскою» Украйною, полки — «слободскими», черкас — «слобожанами» [18].

Все же суждение Е. Альбовского по данному вопросу слишком категорично. Хотя в официальной переписке XVII в. выражений «Слободская Украина» и «слободские полки» действительно нет, зато эпизодически встречаются выражения «слободские города», «слободские украинские города».

Приведем сначала два примера по архивным документам.

Первый относится к 1668 г. Гетман Иван Брюховецкий, изменивший тогда России, попытался привлечь на свою сторону сумского полковника Герасима Кондратьева. Он пишет в Сумы о том, что харьковский полковник Иван Серко перешел, мол, на его сторону, выступил против московских ратных людей и уже выбил их «з многих украинских слобоцких городов» [19]. Второй пример свидетельствует об употреблении интересующего нас выражения в Москве. В декабре 1680 г. в Разрядном приказе в связи с опасностью татарского вторжения была сделана запись о необходимости послать грамоты воеводам «в украинные и в слобоцкие городы» [20].

Выражения «слободские украинские города» и «слободские города» имеются также в рассказе запорожского писаря Быхоцкого, записанном в Москве в 1680 г. и приведенном С. М. Соловьевым в его книге «История России с древнейших времен» [21].

---

[18] Альбовский Е. Указ. соч., с. 97.

[19] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 608, л. 107—108.

[20] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 568.

[21] См. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 231.

Становится ясным, что географическому понятию «Слободская Украина» предшествовало употребление более типичного для XVII в. выражения «слободские города»[22].

Вернемся, однако, к книге Е. Альбовского. Строительство укрепленной линии (Изюмской черты) не стало предметом его особого внимания, поскольку вся черта в целом выходила далеко за пределы поселений харьковских казаков. Е. Альбовского интересовали лишь укрепления в пределах территории Харьковского и Изюмского полков. Вслед за Д. И. Багалеем Е. Альбовский не сумел разобраться в географических контурах укрепленной линии. Он пишет о вале, который тянулся «от г. Царева-Борисова по рр. Донцу и Мжу до Коломака»[23], хотя фактически план устройства укрепленной линии по р. Мже не был осуществлен, и валы прошли южнее этой реки.

Нам представляется также, что Е. Альбовский не смог взглянуть достаточно широко и объективно на ход борьбы русского и украинского народов против татарских вторжений в последней четверти XVII в. Перечисляя татарские набеги, он как бы не замечает результатов этой борьбы, общего и весьма серьезного изменения военной обстановки в пользу России.

Кроме рассмотренных книг Ф. Гумилевского, Д. И. Багалея и Е. Альбовского, мы не видим в дореволюционной российской историографии серьезных и достаточно самостоятельных научных исследований, тесно связанных с нашей темой.

Ничего определенного об Изюмской черте не сообщают авторы работ по истории военно-административного устройства восточной Украины, писавшие до Д. И. Багалея: П. Головинский, Н. Гербель, Г. Квитка, молодой И. Срезневский — впоследствии видный лингвист и академик[24]. Позже, когда речь заходила о заселении южных окраин России, о борьбе с крымскими татарами,

[22] Хорошо известны по источникам аналогичные выражения: «замосковные города», «северские города», применявшиеся для обозначения определенной русской территории в XVI—XVII вв.

[23] Альбовский Е. Указ соч., с. 135.

[24] См. Головинский П. Слободские казачьи полки. СПб., 1864; Гербель Н. Изюмский слободской казачий полк. СПб., 1852; Квитка Г. Ф. Записки о слободских полках. Харьков, 1883; Срезневский И. И. Историческое изображение гражданского

о русских укрепленных линиях XVII в., историки, изучавшие смежные проблемы, ссылались обычно на Д. И. Багалея[25].

Специального исследования об Изюмской черте не было опубликовано и в советское время. Из числа советских исследователей, касавшихся в своих работах в той или иной мере интересующего нас вопроса, на первое место, несомненно, должен быть поставлен профессор А. А. Новосельский. Блестящий знаток архивных документов, автор целого ряда исследований по социально-экономической и политической истории южной окраины России XVII в., редактор обобщающего коллективного труда советских историков «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», А. А. Новосельский впервые привлек внимание историков к Изюмской черте.

Как уже отмечалось выше, именно А. А. Новосельский назвал новую черту, построенную в начале 80-х гг. XVII в., Изюмской, он определил ее как «третью черту», сооруженную Россией в ходе борьбы с Крымским ханством и Турцией. Эти мысли были высказаны А. А. Новосельским сначала в 1948 г. в рецензии на книгу Н. А. Смирнова «Россия и Турция в XVI—XVII вв.». Отмечая многочисленные погрешности Н. А. Смирнова, А. А. Новосельский, в частности, писал: «Если автор пожелал остановиться на обороне южных границ Русского государства в XVII в., следовало, конечно, говорить не об одной черте, а о трех: заоцкой, самой старой, Белгородской, возникшей в 30—40-х годах, и Изюмской (по Донцу), возникшей в конце 70-х и начале 80-х годов»[26]. В дальнейшем А. А. Новосельский не раз упоминал об Изюмской черте в своих исследованиях, но обстоятельно заняться этой укрепленной линией ему так и не довелось[27].

Краткое упоминание об Изюмской черте имеется в соответствующем томе «Очерков истории СССР», в раз-

---

устроения Слободской Украины со времени заселения до преобразования в Харьковскую губернию. Харьков, 1839. Из названных работ лучшей в научном отношении является книга П. Головинского.

[25] См., например: Благовещенский Н. А. Четвертное право. М., 1899, с. 434.

[26] Вопросы истории, 1948, № 2, с. 135.

[27] В свое время А. А. Новосельский посоветовал серьезно заняться изучением Изюмской черты автору этих строк. В 1962 г. я

деле о русско-турецкой войне. Автор раздела Я. Е. Водарский впервые в научной литературе правильно датировал основные работы по сооружению Изюмской черты 1679—1680 гг. Вслед за А. А. Новосельским он характеризовал Изюмскую черту как «третью в XVII в.»[28]. Упоминал об Изюмской черте Я. Е. Водарский и в своих последующих работах.

В 1977 г. вышло в свет фундаментальное исследование Я. Е. Водарского «Население России в конце XVII — начале XVIII века», написанное в историко-демографическом и историко-географическом плане. Я. Е. Водарский поместил в этой книге карту, на которую нанес Изюмскую черту; он небезуспешно попытался показать влияние Изюмской черты (как и других русских укрепленных линий XVII в.) на процесс заселения южнорусских и восточноукраинских земель[29].

В то же время в некоторых серьезных исследованиях, рассматривавших историю борьбы России с Крымским ханством и Турцией или проблемы заселения юга России в XVII в., места для Изюмской черты не нашлось. Рассмотрим в этом плане монографии Н. А. Смирнова и А. Г. Слюсарского.

К сожалению, совершенно прошел мимо Изюмской черты Н. А. Смирнов[30]. Он явно преувеличил успехи турок и татар в борьбе с Русским государством в целом в XVII в. и в 80-х гг. XVII в., в частности. В развернутом вступлении к своему исследованию Н. А. Смирнов писал: «В 80-х годах XVII в. турки совместно с крым-

---

собирался начать работу над книгой «Белгородская черта». Мне казалось неудобным приступать к исследованию, не поставив в известность А. А. Новосельского, не получив, если можно так сказать, его разрешения. В ноябре 1962 г. я специально приехал в Москву и пришел к А. А. Новосельскому. «Против Вашей работы над книгой «Белгородская черта», я, конечно, не возражаю, — сказал в ответ на мой вопрос Алексей Андреевич. — Но займитесь лучше Изюмской чертой. О Белгородской черте мы кое-что знаем, об Изюмской черте не знаем ничего». Публикацией данной монографии я в некоторой мере выполняю пожелание профессора А. А. Новосельского.

[28] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 529.

[29] См. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977, с. 172—179.

[30] См. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. — Учен. зап. МГУ. М., 1946, вып. 94, т. 1—2.

скими и ногайскими татарами стараются прорваться со стороны Азова в плодородную Левобережную Украину. Они неоднократно осаждают Валуйки, даже берут в плен воеводу Михаила Мезенцева со многими русскими людьми. Под 1684 г. отмечено новое нападение на г. Тор (Славянск) и захват в плен 500 человек. Наконец, их отряды пришли под Полтаву, Булуклею, село Степановку (видимо, Н. А. Смирнов имеет в виду Спеваковку. — *В. З.*) и везде громили мирных жителей. Особенно тяжело пришлось крестьянам на речках Самаре, Орели и у Соляных озер. Не встречая организованного отпора (разрядка наша. — *В. З.*), турки жгли города и деревни, угоняли скот, забирали в плен большое количество людей»[31].

Но ведь как раз сами перечисленные Н. А. Смирновым географические пункты говорят об организованном отпоре русских и украинцев иноземным захватчикам. Все названные Н. А. Смирновым места находятся либо на Изюмской черте, либо за чертой! Из приведенных выше фактов напрашивается четкий логический вывод: через черту турки и татары уже не прорываются, огромная территория уже защищена от вторжений врага! Разве это не организованный отпор?

Если бы Н. А. Смирнов располагал документами об Изюмской черте, представлял ее географические контуры, он бы, как нам кажется, вывода об отсутствии организованного отпора туркам и татарам в 80-х гг. XVII в. не сделал.

Крупным исследованием последнего времени, тесно связанным с нашей темой, является монография профессора А. Г. Слюсарского «Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв.»[32]. Достоинства названной работы несомненны. Автору удалось собрать и обобщить с правильных методологических позиций большой конкретно-исторический материал, показать исторические связи и сотрудничество русского и украинского народов в XVII—XVIII вв. Географически А. Г. Слюсарский ограничил свое исследование как раз той территорией, по которой прошла Изюмская черта, во всяком случае — значительная ее часть. Вполне

---

[31] Смирнов Н. А. Указ. соч., т. 1, с. 26.

[32] См. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. Харьков, 1964.

охватывают время сооружения черты и хронологические рамки исследования.

Однако А. Г. Слюсарский в своей работе все внимание сосредоточил на социально-экономической истории южнорусских и восточноукраинских земель[33]. При этом вопросы социальной истории и экономики края он рассматривает тематически, в пределах весьма значительных по времени исторических периодов. Такая структура книги привела к тому, что конкретная история борьбы русского и украинского народов с татарскими вторжениями в 70—80-х гг. XVII в. осталась вне внимания автора. А. Г. Слюсарский, к сожалению, не ставит вопроса о влиянии построенной в то время укрепленной линии на ход заселения и освоения края. О «Новой черте» А. Г. Слюсарский кратко упоминает лишь в связи с донесением генерала Г. И. Косагова по поводу строительства г. Изюма в 1681 г.[34] Как и Д. И. Багалей, А. Г. Слюсарский не дает описания строительства «Новой черты» и ее географической локализации.

Тщетно было бы искать фактические данные об истории строительства Изюмской черты в работах русских и украинских советских историков, посвященных смежным темам; в лучшем случае, как, например, в монографии В. М. Важинского о южнорусских однодворцах XVII в.[35], встречаются лишь отдельные упоминания о черте. Ничего определенного об Изюмской черте не сообщают и научно-популярные краеведческие издания.

В «Советской исторической энциклопедии» специальной заметки об Изюмской черте, к сожалению, нет, но термин «Изюмская черта» употребляется. Об Изюмской черте кратко сообщается в статье, посвященной русско-турецким войнам XVII—XIX вв. Автор статьи Г. П. Мещеряков в целом правильно определил место Изюмской черты в истории русско-турецкой войны 1676—1681 гг. Он пишет: «В 1679—80 противник ограничивался набегами крым. татар, к-рые были отражены благодаря

[33] А. Г. Слюсарский вслед за Д. И. Багалеем употребляет термины «Слобожанщина», «Слободская Украина» применительно к XVII в. Как уже отмечалось выше, в документах XVII в. таких терминов нет, они появляются лишь в XVIII в.

[34] См. Слюсарский А. Г. Указ. соч., с. 106.

[35] См. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974.

вновь построенной Изюмской засечной черте»[36]. Конечно, Изюмская черта, как и Белгородская, не была в полной мере «засечной чертой». Лесные засеки занимали сравнительно небольшое место в системе укреплений Изюмской черты. Называть Белгородскую и Изюмскую черты «засечными чертами», на наш взгляд, не следует.

Не нашлось места для заметки об Изюмской черте и в Украинской советской исторической энциклопедии. В соответствующем томе помещена небольшая статья по истории Изюмского полка, но об укрепленной линии на территории Изюмского полка в статье даже не упоминается[37].

Проведенный только что общий историографический обзор по исследуемой нами теме показывает, что до настоящего времени Изюмская черта оставалась практически неизученной и даже неизвестной широкому кругу историков. Мы объясняем этот на первый взгляд странный факт состоянием источников. Дело в том, что опубликованных компактных документов, освещающих конкретную историю сооружения Изюмской черты, нет. Опубликованное Д. И. Багалеем донесение генерала Г. И. Косагова, как уже отмечалось выше, без сопоставления его с другими документами может лишь запутать исследователя. Познакомиться же с массой архивных документов об Изюмской черте никому из наших предшественников по изучению истории южной окраины России в достаточной мере не удалось.

Территория, по которой прошла Изюмская черта (верховья р. Коломака, земли за р. Мжой, берега Северского Донца в среднем течении, низовья р. Оскола, берега р. Валуя), стала частью Российского государства задолго до строительства черты, еще в XVI в. Важную роль в закреплении всех этих земель за Россией сыграла во второй половине XVI в. русская сторожевая служба в южной степи и особенно установка пограничных знаков экспедицией Михаила Тюфякина и Матвея Ржевского на конечных точках русских станичных разъ-

---

[36] Советская историческая энциклопедия. М., 1969, т. 12, с 374—375. Мы сохранили особенности написания, употребленные в энциклопедии. Изюмская черта показана и на помещенной в статье карте.

[37] См. Апанович Е. М. Ізюмський полк.— Радянська енциклопедія історії України. Київ, 1970, т. 2, с. 242.

ездов в 1571 г.[38] Некоторые излишне пристрастные или не вполне осведомленные историки в разное время пытались оспаривать принадлежность территории «Слободской Украины» к Русскому государству не только в XVI в., но даже в XVII в.[39] На наш взгляд, вопрос этот настолько ясен, что на нем нет необходимости останавливаться.

Основными источниками для нашего исследования, как и при работе над монографией «Белгородская черта», послужили неопубликованные рукописные документы XVII в., хранящиеся в различных фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА). Как и следовало ожидать, особенно много ценных сведений дал обширный фонд Разрядного приказа (№ 210). Важнейшие документы о строительстве Изюмской черты отложились в этом фонде, в столбцах Белгородского и Севского столов.

Иногда историк-исследователь при изучении событий трехсотлетней или четырехсотлетней давности сталкивается с недостатком источников. Здесь же, при изучении Изюмской черты XVII в., мы обнаруживаем явление прямо противоположное: документов так много, что нет физической возможности их изучить. Чтобы читатель был в курсе дела, сделаем несложный арифметический подсчет.

В столбцах Белгородского стола Разряда имеется 1911 дел (единиц хранения). Большинство дел состоит из нескольких сотен листов, написанных мелкой скорописью XVII в.; встречаются дела и по полторы-две тысячи листов. Всего в столбцах Белгородского стола Разряда хранится около миллиона листов рукописных текстов. Ежедневно читать, мысленно продумывать, делать выписки, сопоставлять с уже прочитанным и изученным можно, скажем, 200 листов рукописей. В этом случае исследователь (не занимающийся, добавим, ничем другим, что практически невозможно, но мы рассматриваем теоретический вариант) потратил бы на ознакомление с документами, отложившимися в столбцах Белгородского стола, 14 лет.

---

[38] См. Загоровский В. П. Указ. соч., с. 56—60.

[39] Обзор мнений по вопросу о государственной принадлежности территории Слободской Украины в XVII в. приведен в книге А. Г. Слюсарского (см. Слюсарский А. Г. Указ. соч., с. 10—15).

Конечно, не все столбцы Белгородского стола имеют непосредственное отношение к нашей теме; в первую очередь представляют интерес документы 70—80-х гг. XVII в. Но ведь кроме столбцов Белгородского стола надо просмотреть и другие архивные дела: документы о социально-экономической и военно-политической истории южной окраины России XVII в. имеются в рукописных книгах Белгородского стола, в столбцах Севского, Приказного, Московского, Денежного, Безгласного столов, в Делах разных городов, в Разрядных вязках...

Мы говорили пока лишь о фонде Разрядного приказа, имеющем, кстати, в ЦГАДА хорошие описи[40]. А фонды Поместного приказа, Турецких дел, Крымских дел, Донских дел, карты Межевого архива? В них также имеется масса практически не введенных еще в научный оборот, не известных исследователям документов, связанных с нашей темой. В некоторой мере документы всех этих фондов ЦГАДА использованы в нашей работе, как и документы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного исторического архива Украинской ССР, Государственного архива Воронежской области. Из документов ЦГВИА нами привлечен картографический материал XVIII в., в частности планы городов, находившихся (за несколько десятилетий до составления планов) либо на Изюмской черте, либо в непосредственной близости от нее.

В Разрядном приказе в XVII в. составлялись «памяти», «выписи», различного рода справки, но настоящего подробного учета оборонных и строительных работ на юге России, как нам представляется, не велось. Разрядный приказ ведал территорией Белгородского полка, так же обстояло дело и с Севским полком. Получаемые с южной окраины России документы обычно откладывались в Белгородском или Севском столах Разрядного приказа и практически «тонули» в текущем делопроизводстве.

Зачастую через 20—30 лет дьяки Разрядного приказа уже не могли выяснить время основания того или иного города на юге России. Так, в столбце № 1020

---

[40] См. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1894—1921, кн. 9—20.

Белгородского стола сохранилась справка об основании новых городов в пределах бывшего Путивльского уезда. Документ был составлен в Разрядном приказе в 1681 г. по запросу Приказа Большого дворца;к этому времени на территории бывшего Путивльского уезда появились новые города Белгородского и Севского полков. В справке перечислено 10 городов: Недригайлов, Карпов, Обоянь, Сумы, Лебедин, Суджа, Мирополье, Белополье, Краснополье, Межиречи; даты же основания указаны лишь для восьми. Любопытно, что время возникновения двух городов дьяки Разрядного приказа установить так и не смогли [41].

Иногда для справок в Разрядном приказе использовались Белгородские годовые сметные книги, сохранившиеся в ЦГАДА и рассмотренные нами довольно подробно в монографии «Белгородская черта». После создания Белгородского полка и организации Белгородской разрядной избы (канцелярии) воеводы подчиненных Белгороду городов стали посылать годовые отчеты-сметы (о количестве служилых людей, вооружения, боеприпасов, о состоянии укреплений) не в Москву, а в Белгород [42]. Воевода Белгородского полка пересылал эти сметы в Москву, в Разрядный приказ, где Белгородские годовые сметные книги переписывались.

Говоря об использовании Белгородских годовых сметных книг в качестве исторического источника, следует отметить одну деталь. В Белгородских годовых сметных книгах обычно записывалась не дата основания города, а дата последней перестройки городских стен. Это обстоятельство создавало почву для последующих ошибок, которые делали сначала приказные дьяки, а затем и историки. В свое время такую типичную ошибку допустил Д. И. Багалей, который принял перестройку стен г. Доброго в 1677 г. за строительство нового города и написал в связи с этим, что города на Белгородской черте возникали вплоть до 1677 г. [43] На самом же

---

[41] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1020, л. 362—363.

[42] Даже после того, как административным центром Белгородского полка стал вместо Белгорода Курск, Белгородские годовые сметные книги продолжали составляться в Белгороде.

[43] См. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, с. 213.

деле Добрый стал городом на возводимой Белгородской черте еще в 1647 г., когда в нем была построена деревянная крепость и появился собственный воевода[44].

Любопытная переписка возникла осенью 1680 г. между воеводой Белгородского полка П. И. Хованским и подчиненным ему по должности воронежским воеводой М. И. Вырубовым. П. И. Хованский остался очень недоволен присланными в Белгород из Воронежа сметными книгами, поскольку в них не указывалась дата основания Воронежа. Он пишет воронежскому воеводе: «Те сметные книги написаны несправчивы, город Воронеж построен в 179-м году у реки Воронежа, на Крымской стороне, а до 179-го году город Воронеж с которого году построен, того в сметных книгах не написано. И тебе б, по указу великого государя, отписать к нам в Белгород безо всякого мотчанья тотчас: город Воронеж до 179-го году, в котором году построен?»[45]. М. И. Вырубов ничего определенного о дате основания Воронежа ответить П. И. Хованскому не смог. Он сообщает только, что «город Воронеж до 179-го году построен был острогом, и тот острог згнил, и на том месте построен город вновь рубленой во 179-м году»[46]. Со времени основания Воронежа до запроса П. И. Хованского прошло около сотни лет (с 1585 г. до 1680 г.). Фактические данные об основании города за такой большой срок забылись, воронежскому воеводе не могли помочь и старожилы.

Среди сводных документов Разрядного приказа выделяется по своему значению один, тесно связанный с темой нашего исследования и уже опубликованный в свое время в печати. Мы имеем в виду так называемую «Выписку в Разряде о построении новых городов и черты». Этот документ был опубликован в конце прошлого века в «Известиях Тамбовской ученой комиссии» (Тамбов, 1892, вып. 33, с. 47—56) по копии, сделанной в Московском архиве министерства юстиции русским археографом А. А. Голомбиевским[47].

---

[44] См. Загоровский В. П. Указ. соч., с. 134, 231—232.

[45] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5, с. 645.

[46] Там же.

[47] Название документа дано А. А. Голомбиевским, номер архивного дела в публикации не указан. Наши многолетние попытки

Как хорошо видно по содержанию, документ был составлен в Разрядном приказе летом 1681 г. Он является своеобразной исторической справкой о татарских нападениях на Русь со времен Батыя, о строительстве русских городов и укрепленных линий на юге страны.

В справке кратко, но последовательно описывается строительство «Новой черты» в 1679—1680 гг., указываются руководители работ на каждом этапе сооружения черты; сообщается о географических контурах новой черты: «от Усерда к городу и лесу Палатову..., от Палатова до Валуйки..., от Валуйки к Цареву-Борисову..., от Царева-Борисова вверх рекою Северским Донцом и от Донца, промеж Гомолченского лесу по переполяньям до Валок и до речки и до города Коломка», указывается протяженность земляных валов и лесных засек, называются построенные на черте «черкасские» городки.

В заключение автор исторической справки высказывает интересные соображения о назначении новой черты, показывает историческую связь между ней и Белгородской чертой: «И та новопостроенная черта и по ней новопостроенные городы от приходов воинских людей прежней Белогородской черты и по ней построенным городам и городом же, которые за тою чертою, стала много в защиту и в оборону и в надежную крепость». Историческая справка 1681 г. выходит за пределы обычных документов справочного характера, постоянно составлявшихся в Разрядном приказе перед принятием того или иного решения. На наш взгляд, «Выписка в Разряде о построении новых городов и черты» является не только ценным историческим источником, но и своеобразным памятником русской исторической мысли XVII в.

Казалось бы, документы, связанные с крупным военным строительством на юге России в 1679—1680 гг., в частности распоряжения о назначениях воевод, найдутся в широко известных, изданных еще в середине прошлого века «Дворцовых разрядах». Однако опублико-

---

найти подлинник в ЦГАДА (куда перешли дела бывшего Московского архива министерства юстиции) не привели к успеху, несмотря на деятельную помощь сотрудников архива Т. С. Ивановой и Н. М. Васильевой. Полагаем, что А. А. Голомбиевский взял в свое время для снятия копии несколько листов из архивного дела и не вернул их на место.

ванные «Дворцовые разряды» ничего ценного для изучения Изюмской черты не дают. Назначения воевод Белгородского полка и руководителей работ на Изюмской черте в 1679—1680 гг. (И. Б. Милославского, П. И. Хованского, П. В. Шереметева) не получили отражения в четвертом томе «Дворцовых разрядов», охватывающем документы последней четверти XVII в. Издатели этого тома просто воспользовались отдельными выписками профессора И. Д. Беляева из архивных дел и прямо сообщили в предисловии о том, что опубликованные документы «суть только отрывки Дворцовых разрядов»[48].

Говоря о других печатных источниках, используемых нами, следует отметить из числа дореволюционных изданий уже упомянутые в историографическом обзоре публикации Ф. Гумилевского и Д. И. Багалея. Много ценных документов, хронологически и тематически связанных с историей строительства Изюмской черты, было опубликовано в «Трудах Воронежской ученой архивной комиссии», особенно — в пятом выпуске этого издания[49]. Несомненный интерес представляет также статейный список русских посланников В. М. Тяпкина и Н. М. Зотова, опубликованный Одесским обществом истории и древностей[50]. Русские посланники по пути в Крым осенью 1680 г. пересекли только что построенную Изюмскую черту и оказались внимательными наблюдателями.

Для решения социальных и историко-географических вопросов, связанных с заселением территории, по которой прошла Изюмская черта, весьма полезным оказалось многотомное издание документов, «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», осуществленное советскими историками и археографами в 1954—1976 гг.[51] Мы использовали еще целый ряд печатных источников, ссылки на которые читатель найдет

[48] Дворцовые разряды. (с 1676 г. по 1701 г.). СПб., 1855, т. 4, с. I.

[49] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5.

[50] Статейный список посланников В. Тяпкина и Н. Зотова. — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850, т. 2, отд. 2.

[51] Крестьянская война под предводительством Степана Разина/Сборник документов. М., 1954—1976, т. I—IV.

в тексте. В целом же, повторяем, основным видом источников для написания книги стали неопубликованные, архивные документы XVII в.

Как и во время работы над монографией «Белгородская черта», много ценных сведений дали автору поездки по описываемым в книге местам, сопровождавшиеся осмотром сохранившихся укреплений Изюмской черты. Находясь на месте действия, видя окружающий рельеф, лучше понимаешь стратегические преимущества тех или иных укреплений XVII в., замыслы русских военачальников. Лишь после осмотра берегов р. Мжи в ее нижнем течении и рельефа местности у Северского Донца вблизи г. Змиева автору этих строк стали в полной мере понятны стратегические преимущества плана генерала Г. И. Косагова, предложившего летом 1680 г. «передвинуть» намеченную к строительству новую укрепленную линию с берегов р. Мжи в район расположенных южнее лесов и рощ. Непосредственный осмотр дал возможность также установить форму и назначение интересных оборонительных конструкций, не встречавшихся на Белгородской черте и не вполне понятных по описаниям, — так называемых «зубцов» на Полатовском земляном валу.

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ЮГЕ РОССИИ ПЕРЕД СООРУЖЕНИЕМ ИЗЮМСКОЙ ЧЕРТЫ

1. Белгородская черта и Белгородский полк

оскольку книга «Изюмская черта» является продолжением монографии «Белгородская черта», представляется целесообразным кратко изложить некоторые общие положения, факты и выводы нашей предыдущей работы.

Местность, по которой прошла Белгородская черта, в разное время называлась по-разному. Для конца XVI — первой трети XVII в. — это часть южнорусского «Поля», для середины и второй половины XVII в. — это район «городов Белгородского полка» или «Белгородский разряд»; в настоящее время — это центрально-черноземные области Советской России и северо-восток Украины.

Вольная народная колонизация[1] «Поля» в XVI в. началась раньше правительственной. Старейшим элементом в составе населения «Поля» было казачество, складывавшееся в значительной мере из русских кресть-

[1] Слово «колонизация», как известно, употребляется в двух значениях. В данном случае мы имеем в виду под «колонизацией» заселение и освоение новым населением незаселенных или запустевших территорий.

ян и холопов, бежавших на юг от крепостного гнета. Активная правительственная колонизация «Поля» развернулась в последних двух десятилетиях XVI в.; в конце XVI в. на полевой окраине России было построено (или возобновлено на старых городищах) восемь городов: Воронеж, Ливны, Елец, Белгород, Курск, Оскол, Царев-Борисов, Валуйки. Постоянное сочетание, переплетение вольной народной и правительственной колонизации, наметившееся в XVI в. и сохранявшееся в XVII в., составляет важную особенность колонизационного процесса на юге России.

В 20-х гг. XVII в., перед сооружением Белгородской черты, полевая окраина России была заселена весьма слабо и неравномерно. Плотность населения в Воронежском уезде, например, составляла всего 0,5 человека на квадратный километр. Рост численности населения, развитие экономики края тормозились грабительскими набегами крымских и ногайских татар. Места вновь возникавших русских поселений определялись не только природными условиями, но и путями татарских набегов. Города, села, деревни располагались, как правило, в стороне от татарских степных дорог, под защитой лесов и рек.

Население полевой окраины России состояло в основном из мелких служилых людей и крестьян. Крупное феодальное землевладение ко времени строительства Белгородской черты сложилось лишь в одном районе полевой окраины — на среднем течении р. Воронежа; в ходе возведения Белгородской черты (40-е гг. XVII в.) оно было почти полностью ликвидировано и здесь. С 1637 г. царское правительство осуществляло на юге политику «зака́зных городов», по которой приобретение земель крупными феодалами из числа думных и московских чинов в южных уездах страны запрещалось. Эта мера защищала землевладение мелких служилых людей юга и объективно способствовала успеху в сооружении Белгородской черты.

Главным занятием южнорусского населения и экономической основой его существования было земледелие. В первой половине XVII в. в южнорусском черноземном крае сохранялось еще много нераспаханных земель — «диких полей». Кроме земледелия, развито было скотоводство, существовали различные промыслы.

В южной части полевой окраины страны, между крайними русскими городами и поселениями донских казаков, находились обширные фактически незаселенные территории, сдаваемые жителям края в виде «ухожьев» или «юртов» для рыбной ловли, сбора меда диких пчел, добычи пушных зверей. Наибольшее развитие ухожьи получили в пределах территорий Воронежского и Белгородского уездов, в бассейнах Дона и Северского Донца.

Со времени образования Русского централизованного государства Крымское ханство стало опасным южным соседом и врагом России. В XVI в. и в первой половине XVII в. до сооружения Белгородской черты крымские татары регулярно совершали набеги на рязанские, тульские, северские земли России, уводили в полон русских людей, грабили страну, мешали заселению и освоению южнорусского черноземного края. Население южной окраины России вело с татарами мужественную и тяжелую борьбу. Это была подлинно народная война, в ней участвовали все жители края, она пронизывала жизнь, быт населения.

Началом строительства Белгородской черты следует, по нашему мнению, считать возведение козловских укреплений, окончанием — инспекционные поездки по черте думного дьяка С. И. Заборовского и формирование Белгородского полка. Конкретная история строительства Белгородской черты охватывает, таким образом, время с 1635 г. по 1658 г.

В сооружении Белгородской черты принимают участие жители различных районов России, в том числе московские и новгородские стрельцы, переселенцы с Украины, но основная тяжесть работ ложится на плечи населения русского Черноземного края.

В связи со строительством Белгородской черты в крае происходят серьезные социальные перемены: заметно уменьшается процент крестьян, увеличивается число мелких служилых людей, — последние начинают составлять явное большинство населения в городах и уездах на черте. Русское правительство проводит милитаризацию существующего в отдельных местах у создаваемой черты крестьянского населения, переводит крестьян в драгунскую службу (районы Доброго, Сокольска, Белоколодска).

В 1653 г., перед началом русско-польской войны за Украину, сплошная укрепленная линия от р. Челновой до р. Ворсклы, не называвшаяся еще, однако, Белгородской чертой, была в основном готова.

В 1658 г. в связи с формированием Белгородского полка были окончательно определены географические контуры и края новой укрепленной линии. Белгород стал центром Белгородского полка и новой военно-административной единицы — Белгородского разряда, а укрепленная линия — «черта» в пределах территории Белгородского разряда постепенно получила название Белгородской черты.

Белгородская черта прошла от р. Воскл на западе, до р. Челновой на востоке. Общая протяженность Белгородской черты — около 800 км (по нашему подсчету — 798 км). Черта делилась на 25 участков: Олешнинский (25 км), Вольновский (40 км), Хотмыжский (45 км), Карповский (24 км), Болховецкий (11 км), Белгородский (45 км), Нежегольский (30 км), Короченский (35 км), Яблоновский (40 км), Новооскольский (24 км), Верхососенский (14 км), Усердский (42 км), Ольшанский (20 км), Острогожский (20 км), Коротоякский (40 км), Борщевский (12 км), Костенский (12 км), Воронежский (48 км), Орловский (28 км), Усманский (55 км), Белоколодский (15 км), Романовский (18 км), Сокольский (25 км), Добровский (40 км), Козловский (90 км). Восточнее Белгородской черты русские укрепления были продолжены в сторону Тамбова и Симбирска.

В 1658 г. на юге России была осуществлена военно-административная реформа, основным содержанием которой было создание и постоянное существование крупного воинского соединения — Белгородского полка. В подчинение белгородского воеводы переводилась подвижная армия, составленная в основном из полков нового (или «иноземного») строя — рейтарских, драгунских, солдатских [2], а также все население на довольно значительной по размерам окрестной территории. Административная власть белгородского воеводы стала рас-

[2] В исторической литературе рейтарские, драгунские и солдатские полки XVII в. иногда именуются полками «иноземного строя». Не отказываясь от употребления такого термина, отметим, что в документах XVII в. он не встречается.

пространяться на «города Белгородского полка»; эта территория получила наименование Белгородского разряда.

8 июня 1658 г. воевода Г. Г. Ромодановский официально получил в Белгороде под свое командование от одного из руководителей Разрядного приказа думного дьяка С. И. Заборовского подвижную армию — Белгородский полк в составе 19 252 человек. Полк был сформирован из населения 44 уездов. Среди командиров отдельных частей большинство составляли иностранцы.

В 1658 г. в состав Белгородского полка входили 3 рейтарских полка (2400 человек), 4 драгунских полка (5000 человек), 6 солдатских полков (9202 человека), сотни дворянской конницы (2050 человек) и приказ московских стрельцов (600 человек) [3].

Рейтары представляли собой конницу, драгуны могли сражаться и в конном и в пешем строю, солдаты составляли пехоту. Рейтары, драгуны и солдаты вооружены были огнестрельным оружием, холодное оружие занимало второстепенное место. Самой почетной и ответственной считалась рейтарская служба. Рейтарские полки были сформированы в основном из дворян и детей боярских. Позже из числа рейтар выделилась наиболее привилегированная группа — копейщики, и в Белгородском полку были образованы «копейные шквадроны», а затем и «копейный полк».

Ко времени строительства Изюмской черты, за 20 лет существования Белгородского полка, в его структуре произошли изменения. Об одном из них — выделении копейщиков из числа рейтар — мы уже упомянули. Сотни дворянской конницы, не показавшие высоких боевых качеств в русско-польской войне, были вскоре в Белгородском полку упразднены. Дворяне и дети боярские сотенной службы переводились в рейтары. Упразднены были и драгунские полки; «драгунская

---

[3] История создания Белгородского полка в 1658 г. изложена нами в книге «Белгородская черта» (см. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969). Краткие сведения о составе Белгородского полка и изменениях в его структуре во второй половине XVII в. имеются в исследовании А. В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.» (М., 1954). В этой содержательной монографии профессор А. В. Чернов глубоко рассмотрел и общие вопросы истории вооруженных сил России XVII в.

служба» на территории Белгородского разряда стала уделом лишь поселенных драгун [4].

Важным изменением в структуре Белгородского полка явилось включение в него «черкасских полков», сформированных из украинских переселенцев. По росписи 1668 г. в составе Белгородского полка находились четыре черкасских полка: Острогожский (1546 человек), Сумской (1281 человек), Ахтырский (1424 человека), Харьковский (1135 человек) [5].

Белгородский полк был полурегулярным войском. После окончания военных кампаний и походов его ратные люди распускались по домам. Во время русско-польской войны за Украину, в сложной внешнеполитической обстановке конца 50-х — начала 60-х гг. XVII в., ратные люди Белгородского полка участвовали в боях на Украине, действия Белгородского полка способствовали закреплению Левобережной Украины в составе Русского государства.

Белгородский полк был создан в военное время, в годы русско-польской войны. Вопросы дислокации полка в мирное время, выбора мест расположения полковников и командного состава рейтарских и солдатских полков, мест сбора ратных людей в будущем, естественно, потребовали пристального внимания после Андрусовского перемирия, завершившего длительную войну 1654—1667 гг. Осенью 1667 г. заметно было также явное затишье в татарских набегах. В документах Разрядного приказа тогда отмечалось, что «с польским королем перемирье, а татарские вести миновались» [6]. 30 сентября 1667 г. тогдашнему воеводе Белгородского полка Ю. Н. Борятинскому было предписано распустить служилых людей по домам, а полковников и начальных людей расписать «в городы по местам» [7].

24 октября 1667 г. служилые люди полковой службы были распущены из-под Ахтырки. Вскоре, в январе 1668 г., Ю. Н. Борятинский предложил следующую схему расположения командного состава рейтарских и сол-

---

[4] Местами сосредоточения поселенных драгун в пределах Белгородского разряда были Сокольск, Добрый, Белоколодск и Костенск.

[5] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 55.

[6] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 622, л. 42.

[7] Там же, л. 1.

датских полков на юге России в мирное время. По плану Борятинского командиры конных рейтарских полков должны были размещаться в Белгороде (полковник Михаил Гопт и полковник Григорий Полтев с начальными людьми своих полков), Обояни (полковник Федор Вормзер); Мценске (полковник Денис Фонвизин), Туле (полковник Яган Гулиц), Козлове (полковник Франц Ульф), Ельце (полковник Петр Скаржинский), Ефремове (подполковник Еремей Марлет), Старом Осколе (полковник Иван Сас), Добром (полковник Любим Везевский) и Новосиле (майор Ицыхель Буларт). Из перечисленных выше городов лишь три (Белгород, Козлов и Добрый) находились непосредственно на Белгородской черте, большая часть полковников рейтарских полков располагалась севернее укрепленной линии, там, где проживало больше дворян и первостатейных детей боярских, записанных в копейщики и рейтары. Все полковники пехотных солдатских полков должны были размещаться в городах на самой Белгородской черте: Яков Лесли — в Белгороде, Самойло Вестов — в Карпове, Хрестьян Любенев — в Яблонове, Яган Фанзагер — в Воронеже, Дирик Граф — в Коротояке[8].

План Ю. Н. Борятинского в полной мере осуществить не удалось, поскольку военная передышка оказалась очень короткой. Но нас в данном случае интересует другое. Схема размещения полковников рейтарских и солдатских полков на юге России, предложенная Борятинским, отражала географические особенности расселения различных социальных групп из числа мелких служилых людей полковой службы. У Белгородской черты, в уездах, подверженных татарской угрозе, должны были находиться полковники и «начальные люди» солдатских полков. Именно здесь проживало большинство солдат-однодворцев. Севернее, под надежной защитой Белгородской черты, преобладали в какой-то мере привилегированные социальные группы — рейтары и копейщики. Здесь и планировалось разместить командный состав рейтарских полков.

Одновременно для удобства военного управления Разрядный приказ попытался осуществить такое переформирование Белгородского полка, чтобы в каждом из

[8] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 622, л. 1—4, 37—39.

рейтарских и солдатских полков служили люди одного уезда. Воеводе Ю. Н. Борятинскому предписывалось: «А того остерегать накрепко, чтоб одного города люди в разных полкех и городех не были, а были б все одногородцы в одном полку»[9]. Принцип службы людей одного города в одном полку в полной мер соблюсти не удалось. Ю. Н. Борятинский доносил, что это сделать «никоторыми мерами не мочно», если не переводить служилых людей из одного чина в другой. Но такой перевод противоречил бы социальной политике русского правительства. Тут же Борятинский сообщает, что в копейщики выбраны «изо всех городов лучшие люди»[10]. Перевод южнорусских служилых людей из одного чина в другой как раз ущемил бы интересы этих «лучших людей» (дворян и детей боярских, владевших крепостными крестьянами) — социальной опоры феодального государства на юге.

Той же зимой 1667/68 года в Разрядном приказе возник план довольно крупной перестройки военного управления на юге России. Намечалось города Белгородского полка «расписать надвое», т. е. разделить Белгородскую черту и Белгородский разряд на две самостоятельные части с центрами в Белгороде и Воронеже. По составленному в Разрядном приказе перечню к Белгороду следовало приписать из числа городов «в черте» — Мценск, Курск, Обоянь, Суджу, Сумы и Лебедин; из числа городов «по черте» — Яблонов, Корочу, Болховец, Карпов, Хотмыжск, Вольный, Ахтырку, Олешню и Боромлю; из числа городов «за чертой» — Харьков, Валки, Колонтаев, Городной, Красный Кут, Нежегольск, Салтов, Печенеги, Чугуев, Змиев, Маяцкий, Тор, Валуйки, Царев-Борисов, Балаклею, Двуречный и Мурафу. В случае осуществления этого плана Воронежу должны были подчиниться из числа городов «в черте» Чернь, Новосиль, Ливны, Чернавск, Старый Оскол, Землянск, Елец, Талецкий, Ефремов, Дедилов, Епифань, Данков и Лебедянь; из числа городов «по черте» — Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогожск, Коротояк, Урыв, Костенск, Орлов, Усмань, Белоколодск, Сокольск, Добрый, Козлов, Бельский,

---

[9] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 622, л. 6.
[10] Там же, л. 28.

Челновой, Лысые Горы и Тамбов[11]. Более обширный по территории планируемый Воронежский разряд, как нетрудно заметить, не должен был выдвигаться «за черту»[12], тогда как территория урезанного Белгородского разряда в значительной мере оказалась бы «за чертой». Несомненный интерес представляет также идея включить в число подчиненных Воронежу городов Тамбов и передать тамбовскую линию укреплений в подчинение воронежскому воеводе.

Попутно заметим, что дьяки и подьячие Разрядного приказа в данном проекте не избежали традиционных географических ошибок в связи с Белгородской чертой. Неправильно были определены как города «по черте» Ахтырка и Боромля; фактически первый из них находился «за чертой», а второй — «в черте»[13]. Ошибка была допущена и по отношению к Нежегольску, который на самом деле находился на Белгородской черте, а в списке оказался в числе городов «за чертой».

План разделения Белгородского разряда и Белгородской черты на две части в 1668 г. осуществлен не был, как нам представляется, в связи с резким обострением обстановки на Украине. России изменил тогда гетман Левобережной Украины И. Брюховецкий, против него выступил ориентировавшийся на Турцию гетман Правобережной Украины П. Дорошенко. Междуусобную войну на Украине попытались использовать в своих интересах крымские татары. Ратным людям Белгородского полка в 1668 г. вновь пришлось участвовать в боях.

Хотя в 1668 г. намеченная реорганизация в управлении Белгородским разрядом и Белгородской чертой не состоялась, но вообще говоря, территория, подведомственная воеводе Белгородского полка, в 50—60-х гг. XVII в. претерпела заметные изменения. Выделился сравнительно небольшой по размерам Севский полк, к которому отошли западные города Белгородского разряда. Более четко была определена граница территории Белгородского полка на севере.

По росписи 1677/78 года в пределы Белгородского

---

[11] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 622, л. 47—49.

[12] Мы имеем в виду в данном случае лишь заселенную территорию южнорусских уездов, а не зону «откупных ухожьев».

[13] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 164—168.

разряда входил 61 город: Ахтырка, Балаклея, Белгород, Белоколодск, Бельский, Богодухов, Болховец, Боромля, Валки, Валуйки, Верхососенск, Вольный, Воронеж, Городной, Данков, Добрый, Елец, Епифань, Ефремов, Землянск, Змиев, Карпов, Козлов, Колонтаев, Коротояк, Короча, Костенск, Краснокутск, Краснополье, Курск, Лебедин, Лебедянь, Ливны, Маяцкий, Мерефа, Мирополье, Мценск, Нежегольск, Новосиль, Новый Оскол, Обоянь, Олешня, Ольшанск, Орлов, Острогожск, Салтов, Сокольск, Старый Оскол, Суджа, Сумы, Талецкий, Урыв, Усерд, Усмань, Харьков, Хотмыжск, Челновой, Чернавск, Чернь, Чугуев, Яблонов[14]. Следует учесть, что в этот официальный список не вошли укрепленные городки и слободы «за чертой», в которых в 1677 г. не было воеводского управления (Водолага, Мурафа, Печенеги, Соколов, Изюм, Двуречная и др.). Не вошел в список и дворцовый г. Романов — своеобразный, не подчинявшийся белгородскому воеводе «остров» внутри территории Белгородского разряда.

В 70-х гг. XVII в. административным центром Белгородского разряда вместо Белгорода стал более спокойный и более далекий от татар Курск. Там теперь находился воевода Белгородского полка, там размещалась его канцелярия — Разрядная изба. Однако Белгород продолжал сохранять роль главного города на черте. Любопытно, что сметные книги Белгородского разряда по отчетам городских воевод продолжали ежегодно осенью составляться в Белгороде, а не в Курске.

В связи с формированием Белгородского полка несколько изменилось значение традиционных «полковой» и «городовой» служб для служилых людей на юге России. Для населения в пределах Белгородского разряда «полковой службой» стала считаться служба именно в Белгородском полку, в составе входивших в него рейтарских, драгунских (пока эти полки существовали), солдатских или черкасских полков.

Запись в полки и перевод из городовой службы в полковую в южных русских городах осуществлялись обычно во время «разборов», проходивших под руководством представителей Разрядного приказа. Первый такой массовый «разбор» прошел в 1653 г., второй, в ре-

---

[14] ДАИ, СПб., 1875, т. 9, с. 219—220.

зультате которого был образован Белгородский полк, — в 1658 г. В 60—70-х гг. Разрядный приказ провел на юге еще ряд «разборов», в ходе которых были сформированы Севский полк, черкасские полки, увеличена численность Белгородского полка.

Если для правительства в рассматриваемое нами время важно было увеличить количество служилых людей «полковой службы» на юге, то сами служилые люди стремились обычно нести более легкую «городовую службу». Типичной в этом отношении является челобитная чугуевских солдат, которые, ссылаясь на разорение после татарского набега 1678 г., просили «пожаловать за то их разоренье и одиночество, и за скудость», и записать «из солдат в городовую службу»[15].

Подобные просьбы оставались обычно без внимания. Неоднократные «разборы» служилых людей на юге страны приводили к пополнению и увеличению числа подвижных полков, но не числа служилых людей городовой службы. Убыль в служилых людях городовой службы полностью не возобновлялась. Мужчин из семей служилых людей городовой службы правительственные разборщики записывали, как правило, в полковую службу.

Документы свидетельствуют о том, что в 70-х гг. XVII в. количество служилых людей «городовой службы» во многих южнорусских городах заметно сократилось. В 1679 г. жители г. Болховца (Болхового) подали коллективную челобитную, прося освободить их от работы на Полатовском земляном валу. Прежде, «в прошлых годех» в городовой службе болховчан было 545 человек, теперь осталось — 378. Многие, как сообщают челобитчики, «безвесно розбежались». Болховецкие дети боярские, казаки, стрельцы, пушкари далее пишут: «А из домов наших дети наши и братья, и свойственники служат тебе, великому государю, полковую службу»[16].

В 70-х гг. XVII в. в связи с резким обострением русско-турецких и русско-татарских отношений численность Белгородского полка по сравнению с 50—60-ми гг. возросла. Много новых солдат было записано в Белгород-

[15] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, № 105, л. 50.

[16] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1302, л. 530.

ский полк во время «разбора 181-го года», который проводил весной и летом 1673 г. стряпчий Гавриил Тухачевский. В 1674 г. в Белгородском полку числилось «ратных людей и черкас» — 28 378 человек[17]. Белгородский полк принял самое непосредственное участие в русско-турецкой войне, его ратные люди сражались под Чигирином и в 1677 и в 1678 г.

В течение первых двадцати лет существования Белгородского полка (1658—1678), со дня создания полка до начала строительства Изюмской черты, воеводой Белгородского полка был почти бессменно князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Наиболее значительный перерыв в его деятельности на юге России за это время приходится на середину 60-х гг., когда воеводами Белгородского полка побывали С. И. Львов, Б. А. Репнин и Ю. Н. Борятинский. Но уже весной 1668 г. мы вновь видим Г. Г. Ромодановского в прежней и хорошо знакомой ему должности.

Если говорить о военной деятельности Г. Г. Ромодановского на юге России, то в ней, на наш взгляд, он был более полководцем и военным администратором, чем инженером. Он не выдвигал предложений о строительстве новых укрепленных линий, его требования о ремонте старых укреплений на Белгородской черте носили зачастую формальный характер. Как мы увидим далее, попытка сооружения новой укрепленной линии (Изюмской черты) на подведомственной Г. Г. Ромодановскому территории была предпринята в 1678 г. по сути дела без его участия. Во время походов 70-х гг. Г. Г. Ромодановский возбудил ненависть временно подчиненных ему московских стрельцов и был убит во время стрелецкого восстания в Москве 15 мая 1682 г.

В 1683 г. в составе Белгородского полка находились 1 копейный полк (в него входили жители 25 городов), 7 рейтарских полков — Курский, Белгородский, Обоянский, Ливенский, Козловский, Мценский и Елецкий; 13 солдатских полков — Курский, Белгородский, Старооскольский, Яблоновский, Хотмыжский, Ефремовский, Коротоякский, Мценский, Елецкий, Усманский, Воронежский, Козловский и Добренский. Отметим, что названия рейтарских и солдатских полков свидетельство-

---

[17] ЦГАДА, разр. вязки, оп. 5, ед. хр. 32, л. 2.

вали о наличии в данном полку жителей определенного уезда, но не о полном укомплектовании полка представителями одного города (уезда). Так, в Яблоновском солдатском полку среди 1011 солдат было 443 яблоновца, остальные являлись жителями Усерда, Ольшанска и Острогожска. Из 1099 солдат Воронежского полка воронежцами были 580 человек. Лишь Курский рейтарский полк в 1683 г. был полностью укомплектован курянами[18].

Об участии служилых людей Белгородского полка в строительстве Изюмской черты мы скажем особо во второй главе. Здесь же, заканчивая раздел о Белгородском полку, отметим, что рост численного состава полка в 70—80-х гг. XVII в. происходил за счет пехоты (солдат). И в абсолютном выражении и относительно к другим группам служилых людей Белгородского полка солдаты стали составлять явное большинство. Так, в 1687 г. («по разбору 195-го году») в Белгородском полку было 18 929 солдат, 6312 рейтар, 1020 копейщиков[19]. Число солдат превышало число рейтар и копейщиков в два с половиной раза.

2. Южнорусские солдаты XVII века

На расселении солдат Белгородского полка, особенностях их боевой службы, землевладения и быта мы хотим остановиться подробнее. Это представляется целесообразным по ряду причин. Во-первых, в рассматриваемое нами время (70—80-е гг. XVII в.) в пределах территории Белгородского разряда солдаты являлись многочисленной и весьма типичной социальной группой среди мелких служилых людей. Во-вторых, солдаты Белгородского полка приняли активное участие в строительстве Изюмской черты в 1679—1680 гг. В-третьих, при характеристике различных групп южнорусского населения в монографии «Белгородская черта» мы не уделили солдатам достаточного внимания. Не уделили по вполне понятной причине: во время основных работ по строительству Белгородской черты солдат на юге еще не было.

---

18 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1055, л. 215—230.
19 Там же, № 1406, л. 1043.

Исследовательские работы, в которых говорилось бы более или менее обстоятельно о южнорусских солдатах XVII в., можно в прямом смысле слова пересчитать по пальцам. Это монография А. В. Чернова, недавняя статья В. М. Важинского, а также наша статья [20], основные положения которой приводятся ниже.

Четыре первых солдатских полка у Белгородской черты были сформированы в 1653 г. в составе 6863 человек. В ходе формирования в 1658 г. Белгородского разрядного полка в него было включено 5511 «старых солдат» (набора 1653 г.) и 3691 солдат нового набора. В состав Белгородского полка вошло шесть солдатских (пехотных) полков: Белгородский, Яблоновский, Козловский, Усердский, Верхососенский и Карповский. В каждом полку насчитывалось по 1400—1600 человек.

Первыми солдатами на Белгородской черте стали в 50-х гг. XVII в. родственники мелких служилых людей — их дети, братья, племянники. В солдатские полки записывали взрослых мужчин из семей мелких помещиков — детей боярских, а также из семей стрельцов, казаков, пушкарей, поселенных драгун. Так, в Воронежском уезде было набрано к 1658 г. в солдатскую службу 624 человека, в Белгородском — 881, в Коротоякском — 438, в Усманском — 545, в Козловском — 1914. Солдаты вооружались огнестрельным оружием — мушкетами, имели они и холодное оружие — шпаги. В походах солдатские полки составляли пехоту. Офицерский состав был в основном укомплектован из приглашенных в Россию иностранцев (командирами шести солдатских полков в 1658 г. были Ф. Фанбуковен, Я. Лесли, Я. Ронорт, Ф. Вормзер, Я. Инвалт, В. Фангален), младшими командирами — «сержантами» назначались «старые солдаты».

Комплектуя солдатские полки на юге России из семей мелких служилых людей, правительство царя Алексея Михайловича сначала имело в виду постоянно содержать солдат на государственном обеспечении. Но

[20] Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954; Важинский В. М. Усиление солдатской повинности в России в XVII в. (По материалам южных уездов).— Из истории Центрально-Черноземного края (Изв. Воронежск. пед. ин-та, т. 157), Воронеж, 1976; Загоровский В. П. Солдатские села и солдатское землевладение в Воронежском крае XVII века.— Из истории Воронежского края. Воронеж, 1972, вып. 4.

финансовые трудности, возникшие в ходе русско-польской войны за Украину, вынудили правительство очень скоро отказаться от этого плана. По окончании походов солдаты стали распускаться по домам с тем условием, что по первому требованию они возвратятся в свой полк. Постепенно правительство по отношению к солдатам перешло к обычной для юга страны системе содержания мелких служилых людей — наделению их землей.

Солдаты набора 1653 г., как хорошо видно по документам, при записи на службу земли в качестве жалованья не получили. Но уже с 1656 г., когда часть солдатских полков в связи с перемирием в русско-польской войне была распущена по домам, реально встал вопрос о наделении первых южнорусских солдат землей. В это время солдат мог вернуться в семью, к своему отцу или брату, служившему казачью, стрелецкую или драгунскую службу. Но солдат уже сам «служил царю», причем не один год, участвовал в войне; как служилый человек он имел право на землю. Многие солдаты решили сразу же воспользоваться этим правом.

Метод землеустройства солдат заключался в следующем. Свободную землю «приискивали» сами солдаты, обязательно в своем уезде. Группы солдат, видимо, сначала занимали землю, а затем уже просили о закреплении ее за ними. Если споров о земле не возникало, то солдаты утверждались в роли помещиков. Нужно, конечно, учесть, что возможности выбора места поселения для солдат были весьма ограничены. Лучшие земли к 50—60-м гг. XVII в. уже были заняты детьми боярскими и приборными служилыми людьми старых служб. Солдатам оставалось подыскивать себе землю в стороне от крупных рек и дорог, обычно вдали от уездного города.

Солдатской колонизации обязаны своим происхождением десятки современных сел в центрально-черноземных областях страны. Некоторые из них называются по сей день «Солдатскими». Села с таким названием можно найти на картах Воронежской, Липецкой, Курской, Белгородской областей, в пределах бывших Коротоякского, Обоянского, Елецкого, Хотмыжского, Старооскольского уездов XVII в. Под Старым Осколом расположены даже два села Солдатских: к северу и юго-востоку от города.

В 1656—1657 гг. несколько групп воронежских солдат «приискали» и получили землю в западной части Воронежского уезда, в Борщевском стане. В июне 1657 г. была дана земля «в поместье» 30 солдатам на правом берегу р. Усмани, у Хреновского стоялого острожка. Солдатам было приказано, как обычным помещикам, «тем поместьем владеть, пашню пахать и крестьян называть»[21]. Воевода Белгородского полка Г. Ромодановский именовал этих солдат «воронежскими», но по другим документам видно, что они вышли из семей драгун Орлова-городка[22]. Известно, что драгунами Орлова-городка в 1646 г. стали в основном бывшие крепостные крестьяне Воронежского уезда. Их дети через 11 лет оказываются уже в роли «солдат-помещиков». Такая трансформация характерна именно для юга России; в центре страны, в районах развитого феодального землевладения ничего подобного быть не могло.

Подробные «сказки» коротоякских солдат, записанные в 1675 г., дают возможность выяснить происхождение и социальное лицо солдат, живших в Коротоякском уезде. Солдаты здесь были выходцами из семей полковых казаков, детей боярских и станичников. Большинство солдат владело поместьем лично, по типу детей боярских, хотя верстаны поместными и денежными окладами были лишь единицы. По «сказкам» хорошо видно, что многие солдаты получали поместье без необходимой прежде предварительной процедуры — верстания[23].

Солдатская служба на юге России по сравнению со стрелецкой и казачьей имела и преимущества и недостатки. Солдат мог реально рассчитывать после нескольких лет службы получить землю не в общих полях, как стрельцы и казаки, а лично — по типу детей боярских. Стать солдатом во второй половине XVII в. в России было, видимо, более почетно, чем стрельцом — это подтверждается, в частности, свидетельством иностранного наблюдателя. Чешский путешественник Иржи Давид, посетивший Россию в 80-х гг. XVII в., в своем сочинении сравнил русских солдат со стрельцами и без

---

21 ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 158, л. 79.
22 Там же, л. 1—6.
23 Там же, № 71, л. 7 и сл.

сомнений отметил: «Солдаты выше по достоинству»[24].

В то же время служба солдат в Белгородском полку в отличие от стрелецкой была связана с длительными, зачастую неограниченными по времени отлучками, практически несовместимыми с экономическим положением мелкого землевладельца и земледельца, каким являлся солдат во второй половине XVII в. Солдаты юга России, прошедшие обучение «солдатскому строю», были хорошо приспособлены к эпизодическим военным походам и кампаниям, но значительно менее пригодны для длительных войн. Несовместимость экономических интересов солдат с потребностями централизованного государства в постоянной армии особенно чувствовалась во время русско-польской и русско-турецкой войн 50—70-х гг. XVII в. Она проявлялась в массовой неявке солдат в полки, бегстве их из полков в свои дома или даже на Дон. Разрешение солдатам призывать в свои поместья крестьян не имело под собой реальной социальной и экономической основы. Южнорусские солдаты не владели крепостными крестьянами. Это были, как правило, мелкие помещики-однодворцы, обрабатывавшие свой участок земли личным трудом и силами членов семьи.

Солдатская служба в Белгородском полку была нелегкой. Солдаты протестовали против трудностей службы теми способами, которыми могли. Наиболее типичными формами протеста были неявка солдат в полк и бегство со службы. Сотни документов второй половины XVII в. говорят о сыске и жестоких наказаниях южнорусских беглых солдат. В монографии «Белгородская черта», рассматривая формы и особенности классовой борьбы на юге России в XVII в., мы привели ряд подобных примеров[25].

Как и для сыска беглых крестьян, царское правительство посылало из Москвы в уезды Белгородского разряда для выявления беглых солдат специальных сыщиков. Среди таких сыщиков документы 1674 г. упоминают П. Полтева и В. Тарбеева; и тот и другой имели чин стряпчего[26].

---

[24] Давид Иржи. Современное состояние Великой России, или Московии. — Вопросы истории, 1968, № 3, с. 96.

[25] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 250—251.

[26] Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Орловские акты. Воронеж, 1861, с. 346.

Пойманных беглых солдат, как правило, жестоко били кнутом. При неявке в полк или бегстве солдат из полка по приказу Г. Ромодановского городские воеводы должны были сажать в тюрьму солдатских жен и детей и держать их там до появления солдат в полку. Царский указ осенью 1674 г. ввел даже для беглых солдат — «нетчиков и беглецов пущих заводчиков» смертную казнь, но разрешалось в каждом городе повесить лишь одного беглеца [27].

Заключение в тюрьму родственников беглых солдат нередко практиковалось и позже в городах Белгородского полка. В 1679 г. чугуевский воевода доносил в Белгород, что многие чугуевцы — беглые солдаты не найдены, «а сысканы жены их и братья и посажены за караул» [28].

До сооружения Изюмской черты на юге России уже был некоторый опыт массового использования солдат для строительства укреплений. Первая (и единственная до 1679 г.) такая попытка была предпринята и удачно осуществлена в 1654 г., в начале русско-польской войны. Осенью 1654 г. солдаты двух полков (полковников Александра Краферта и Ягана Краферта, более трех тысяч человек) построили на выдававшемся к югу выступе Белгородской черты «земляной город» Нежегольск с деревянными башнями, выкопали подземный ход, продолжили у р. Нежеголи уже существовавший земляной вал. Надо сказать, что использованию солдатских полков в качестве своеобразных военно-инженерных частей помогла тогда международная обстановка. В начале 1654 г. сформированные и обученные за несколько месяцев до этого солдатские полки выступили под начальством В. Б. Шереметева из Яблонова и Белгорода к Киеву. Однако по пути из Путивля в связи с сообщением о готовящемся татарском набеге большинство солдат было возвращено на Белгородскую черту. Татарское вторжение не состоялось, и оказавшиеся временно не у дел южнорусские солдаты были использованы на военно-строительных работах [29].

В последней четверти XVII в. русское правительство

[27] ЦГАДА, разр. вязки, оп. 5, ед. хр. 32, л. 13.

[28] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 105, л. 50.

[29] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 149.

начинает проводить более решительную линию на отрыв солдат от пашни, вменяет в обязанность содержать ее остающимся дома родственникам и соседям. Военная служба все более теряет поместный характер. Этот процесс завершается в начале XVIII в. петровскими реформами, приведшими к созданию регулярной армии. Во второй половине XVII в. южнорусские солдаты были «однодворцами» фактически. В XVIII в. их потомки называются «однодворцами» официально, а затем превращаются в своем большинстве в государственных крестьян.

3. Русские и украинские переселенцы за Белгородской чертой *в районе будущей Изюмской черты*

Территория, где впоследствии была построена Изюмская черта, вошла в состав России с начала XVI в., вскоре после образования Русского централизованного государства и присоединения к России в результате успешных войн с Великим княжеством Литовским исконных юго-западных русских земель, в частности — Путивля. Вопрос о принадлежности среднего течения Северского Донца к России в XVI в. (не говоря уже о XVII столетии), как мы уже отмечали в историографическом обзоре, не должен вызвать возражений у любого добросовестного исследователя. В середине XVI в. к Северскому Донцу регулярно ездят путивльские станичники, наблюдающие за передвижениями грабительских отрядов крымских татар[30]. Далеко к югу от Изюм-кургана выбивают на столетних дубах в 1571 г. пограничные знаки России — ее официальные представители: князь Михаил Тюфякин и дьяк Матвей Ржевский[31].

С 1596 г. место Путивля по отношению к району среднего течения Северского Донца занимает основанный в верховьях этой реки Белгород. Вниз по Северскому Донцу от Белгорода распространяется хозяйственная деятельность белгородских жителей, здесь на Северском Донце и его притоках (до устья р. Оскола)

---

[30] Многочисленные примеры таких поездок можно найти в Никоновской летописи (см., например: ПСРЛ, М., 1965, т. 13, с. 187—188).

[31] Акты Московского государства. СПб., 1890, т. 1, с. 14.

складываются своеобразные промысловые угодья — «белгородские юрты». Территория белгородских юртов называлась Донецкой волостью; в административном отношении она считалась частью Белгородского уезда.

Первые русские города на линии будущей Изюмской черты появляются еще в XVI в., в самом конце столетия. Это — Валуйки и Царев-Борисов, причем второй из них вскоре прекращает свое существование. Но русское население было здесь и до возникновения Белгорода, Валуек, Царева-Борисова. Во второй половине XVI в., как свидетельствуют документы, на среднем течении Северского Донца и в низовьях р. Оскола находились станы вольных казаков — донецких и оскольских. Позже эти группы казаков либо поступили на службу в новые русские города, либо, как можно предположить, отошли дальше к югу и юго-востоку, в сторону низовьев Дона.

Мы, естественно, не будем в данной работе рассказывать о всех деталях истории заселения и освоения территории Слободской Украины. Общую характеристику этого процесса и многочисленные конкретные примеры читатель найдет в монографиях Д. И. Багалея и А. Г. Слюсарского [32].

Как уже было сказано, среднее течение Северского Донца долгое время относилось к Белгородскому уезду. Схематическую карту обширного Белгородского уезда для 20-х гг. XVII в. с указанием примерных границ Донецкой волости составил в свое время автор этих строк [33]. По данным Белгородской писцовой книги 1626 г. в пределах Донецкой волости в то время находилось 9 юртов: Салтовский, Котковский, Бабкинский, Тетлецкий, два юрта на речке Удах, Балаклейский, Чепельский и Изюмский [34]. Южная граница Донецкой волости доходила до устья р. Оскола. Сел и деревень в пределах Донецкой волости писцовая книга 1626 г. не отмечает.

Наиболее раннее крупное переселение украинцев (или черкас — по русской терминологии того времени) в пре-

[32] См. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964.

[33] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 46.

[34] ЦГАДА, ф. 1209, № 15817, л. 215 об. — 218.

делы Донецкой волости относится к осени 1638 г., когда на Чугуевском городище поселилось 1008 черкасских семей. Деревянную крепость строили сами черкасы, а также русские служилые люди из Белгорода, Курска и Оскола[35]. В это же время группы черкас появляются севернее Донецкой волости и размещаются русским правительством в районе строящейся Белгородской черты, в частности — в Короче.

Основание г. Чугуева привело к ликвидации большинства белгородских юртов. Весной 1639 г. новый Чугуевский уезд, занявший в значительной мере территорию бывшей Донецкой волости, был отмежеван от Белгородского. Следует, однако, отметить, что проживание украинцев в Чугуеве оказалось непродолжительным. Вскоре чугуевские черкасы изменили России и ушли «в Литву» (в пределы Польско-Литовского государства, владевшего тогда Украиной). Их земли были переданы русским служилым людям.

К концу 40-х гг. XVII в. четко выявляются географические контуры строящейся русской укрепленной линии — Белгородской черты, определяется выступ укрепленной линии от Белгорода вниз по левому берегу Северского Донца к речке Нежеголи. Именно в это время выясняется, что города Валуйки, Чугуев, нижнее течение р. Оскола и среднее течение Северского Донца с такими притоками, как Уды, Мжа, Гомольша, Балаклейка, Изюм остаются «за чертой», за пределами линии русских укреплений.

В начале 50-х гг. XVII в. Россия в своей политике на юге, в условиях развернувшейся освободительной войны украинского народа против Польши и приближавшейся русско-польской войны, сосредоточивает силы на юге на завершении строительства Белгородской черты. Земли «за чертой» интересуют русское правительство в это время в меньшей степени. Приходящие в пределы России организованные группы черкас русское правительство старается расселить в это время непосредственно на Белгородской черте; так черкасами полковника И. Дзиньковского был заселен в 1652 г. новый русский город на черте — Острогожск.

Переселение украинцев в районы России, прилегаю-

[35] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х т. М., 1954, т. 1, с. 294—297.

щие с юга к Белгородской черте и не защищенные еще русскими укреплениями, получило значительный размах после воссоединения Украины с Россией, после знаменательного решения Переяславской рады. В течение 25 лет, охватывающих время от воссоединения Украины с Россией до строительства Изюмской черты (1654—1679), для такого переселения были и более благоприятные и менее благоприятные годы. Среди сравнительно удобных для переселения периодов можно отметить, во-первых, середину 50-х, а также в определенной мере середину 60-х гг. XVII в.

Два основных фактора, как нам видится, предопределили довольно большой наплыв украинских переселенцев в середине 50-х гг. на земли «за чертой», в районы Харькова, Царева-Борисова, Ахтырки. Первым из них стало изменение политической принадлежности земель Левобережной Украины. До 1654 г. переселение украинцев в Россию было переходом из одного государства в другое, что, естественно, вызывало политические трудности. Даже при общем благоприятном отношении русского правительства и русского народа к украинским переселенцам последним требовалось значительное время на преодоление не только дальних расстояний, но и обычной тогда бюрократической волокиты. Так, украинские переселенцы под руководством Ивана Дзиньковского ждали правительственного решения, стоя обозом под Путивлем, у русско-польской границы, более четырех месяцев: с марта по август 1652 г.[36] Начиная с 1654 г., переселение жителей Левобережной Украины на свободные земли за Белгородской чертой проходило уже в пределах одного государства и это автоматически снимало ряд прежних препятствий.

Второй причиной, способствовавшей усилению «черкасского» переселенческого движения на восток в середине 50-х гг., стало временное затишье в татарских набегах на южнорусские земли, связанное в определенной мере с успехами России в строительстве Белгородской черты[37]. Подобное снижение татарской активности мы видим и в середине 60-х гг. Напомним: речь идет о пе-

[36] Воссоединение Украины с Россией, т. 3, с. 206—208, 368.

[37] Другие, внешнеполитические, причины этого затишья кратко отмечены нами в соответствующих местах книги «Белгородская черта».

реселении украинцев именно на земли «за чертой», в незащищенные еще русскими укреплениями районы. В другое время, в периоды крупных татарских вторжений, украинские переселенцы стремились уйти от татар «в черту», в защищенные от врага места. Так, в 1660 г. около тысячи черкасских семей, уходя под руководством атамана Осипа Дашкеева «от татарского разорения», появились под Воронежем и «приискали меж Воронежа и Старого Оскола на диком поле порозжую землю». Здесь, «в черте», по просьбе черкас был построен осенью 1661 г. воеводой Гавриилом Островским новый русский город — Землянск[38].

В 50—60-х гг. русское правительство, как правило, не возражало против создания новых черкасских поселений на территории, защищенной Белгородской чертой («в черте»). Но в 70-х гг. XVII в. воеводы Белгородского полка уже получают четкие указания: новых черкас селить только «за чертой».

Украинские переселенцы, оседавшие за Белгородской чертой, получали от царского правительства различные льготы, в том числе право беспошлинной торговли; они также освобождались на определенный срок от налогов. Поощряя черкасскую колонизацию, московское правительство в то же время всячески мешало русской вольной колонизации на рассматриваемой нами территории. Типичным является следующий эпизод, случившийся в ходе возникновения слободы на Волчьих Водах — будущего города Волчанска.

В 1674 г. «нежегольский черкашенин» Мартын с любопытным прозвищем «Старого-Чудного» получил разрешение обосноваться на Волчьих Водах. Он должен был «на речке Волчьих Водах строить слободу, а на житье призывать свою братью черкас из малороссийских и из заднепровских городов». Русских людей принимать ему было «не велено»[39]. Но в июле 1674 г. выяснилось, что среди первых жителей новой слободы есть русские. Тогда из Белгорода был послан с отрядом ратных людей иноземец, майор Роман Белкузин, который

---

[38] См. Загоровский В. П. Возникновение г. Землянска и заселение Землянского уезда в XVII веке. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977, вып. 6, с. 36—40.

[39] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, № 84, л. 96.

привел «с Волчьих Вод русских многих людей». Среди приведенных в Белгород русских людей оказался взрослый сын чугуевского стрельца, «московского переведенца» Дмитрий Легонький с женой. Стрелецкий сын прежде не находился на службе, не нес он, естественно, и тягла, но его все же вернули в Чугуев, поскольку селиться у Волчьих Вод разрешалось лишь черкасам[40].

Несмотря на постоянные «разборы» южнорусского населения и в общем довольно жесткую регламентацию жизни со стороны правительства, на рассматриваемой нами территории в 70-х гг. XVII в. имелись люди, не записанные ни в службу, ни в тягло. Число таких людей постепенно уменьшалось, но говорить о полном уничтожении подобной группы населения перед строительством Изюмской черты мы не можем. В этом плане несомненный интерес представляет рассказ беглого полкового казака Карпа Романова, записанный в Чугуеве 25 августа 1681 г. и сохранившийся в документах чугуевской приказной избы. У нас нет оснований сомневаться в истинности слов рассказчика.

Карп Романов родился и вырос в Салтовском уезде, на берегу Северского Донца, в с. Хотомле. Однажды, «тому ныне лет с десять и больше», село разорили татары. «От разоренья» многие жители разошлись; два брата Карпа ушли «в село Салтов», а он с женой — в Чугуев, к тестю, «к гулящему человеку Клементью Ломакину». С тестем Карп жил «в одном дворе лет с шесть», никакой службы не выполнял. Итак, мы видим, что «гулящий человек» К. Ломакин спокойно живет в Чугуеве в своем доме, что продолжительное время у него живет с семьей зять.

События дальше развивались следующим образом. «В 187-м году (1678/79 год) казачий голова г. Чугуева записал Карпа в казачью службу. По словам Карпа, от нужды («с нужи») в декабре 1680 г. он «сшол» из Чугуева в Салтов к братьям — «к солдату к Ондрею да к Миките». Как свидетельствует документ, один из братьев Карпа стал (как и сам Карп) служилым человеком, но другой по-прежнему оставался вне службы. При этом служба не являлась основой материального благополучия. В Салтове Карп Романов был обнару-

---

[40] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, № 84, л. 97.

жен, возвращен в Чугуев и допрошен. Его предписано было вернуть в казачью службу, а за побег «бить батоги, сняв рубашку». Наказанью батогами подвергся и солдат Андрей — «за прием беглого брата»[41].

Несколько слов следует сказать и о монастырской колонизации интересующего нас района за Белгородской чертой. В целом она была весьма незначительной. Не раз разорялся татарами в XVII в. и частично восстанавливался Святогорский монастырь, находившийся на крутых, заросших лесом, склонах Северского Донца, ниже устья р. Оскола. Феодалом-землевладельцем этот монастырь не стал; от татар немногочисленные монахи обычно скрывались в пещерах. Чертеж Святогорского монастыря конца XVII в. был найден Д. И. Багалеем и помещен им в одной из своих работ[42].

В 1664 г. монах Монасий основал Боровенскую пустынь «на усть-Боровенского колодезя на реке Осколе»[43], превратившуюся затем в Боровенский (или Боровской) монастырь. В 70—80-х гг. XVII в. и этот монастырь влачил жалкое существование.

Земледелие и животноводство становились главными хозяйственными занятиями нового русского и украинского населения на территории за Белгородской чертой так же, как и повсюду на южной окраине России. Благоприятные природные условия в зоне черноземной лесостепи давали возможность получения высоких урожаев зерновых культур. Помимо земледелия и животноводства, получали развитие различные промыслы, в том числе бортный промысел, рыбная ловля, добыча соли на Торских озерах.

Однако экономическое развитие края весьма тормозилось постоянной опасностью грабительских татарских набегов, — особенно страдало от татар население «дальних» городов. Для того чтобы заниматься земледелием, жители г. Царева-Борисова построили среди пашни караульные башни-крепости. А жители Маяцкого городка в 60—70-х гг. XVII в. вообще не смогли завести пашню (мы об этом еще скажем дальше). Из-за татарской

---

41 ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, № 115, л. 9—11.

42 Багалії Д. И. Історія Слободськой Україны. Харьков, 1918, с. 7.

43 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 599, л. 27.

опасности вплоть до завершения строительства Изюмской черты не смог создать себе уезда, завести «свои» села и деревни, и такой город, как Валуйки.

В следующих параграфах этой главы мы рассмотрим по отдельности историю заселения русскими и украинскими переселенцами нескольких мест за Белгородской чертой: г. Царева-Борисова, берегов Северского Донца ниже устья р. Мжи, берегов р. Оскола выше Царева-Борисова. Мы выбрали именно те места, где позже, в начале 80-х гг. XVII в. создавались укрепления Изюмской черты.

4. Город Царев-Борисов

Одним из мест появления черкас за Белгородской чертой в середине 50-х гг. XVII в. стало старое Царево-борисовское городище в низовьях р. Оскола, при устье Бахтина-колодезя. В 1654 г. туда пошли жить группы черкас «с женами и детьми»[44].

Дважды в истории России рождался на правом берегу р. Оскола город Царев-Борисов и дважды погибал. В отдельные периоды своего существования этот город играл заметную роль в жизни южной окраины страны; в начале 80-х гг. XVII в. он стал укреплением на Изюмской черте. Учитывая все это, а также тот факт, что в исторической литературе о Цареве-Борисове имеются лишь отрывочные сведения, скажем о нем (главным образом, применительно к 50—70-м гг. XVII в.) более подробно.

Царев-Борисов был построен по приказу царя Бориса Годунова воеводами Богданом Бельским и Семеном Алферьевым в 1599 г.[45] Среди русских городов «на Поле» он оказался самым южным, самым дальним. В течение нескольких лет Царев-Борисов был важной крепостью на юге Русского государства. В трудные годы потрясений, «смут», народных восстаний и иноземных

[44] Акты Московского государства. СПб., 1894, т. 2, с. 377.

[45] По документам, находящимся в ЦГАДА, в столбце № 1 Белгородского стола Разряда, видно, что Царев-Борисов был построен именно в 1599 г., а не в 1600 г., как сообщается в некоторых изданиях (например, в «Советской исторической энциклопедии». М., 1974, т. 15, стб. 703). Наказ воеводам Б. Бельскому и С. Алферьеву, сохранившийся в указанном столбце, был опубликован Д. И. Багалеем в 1886 г., в первом томе его «Материалов».

ного нашествия начала XVII в. сохранить этот выдвинутый далеко в степь русский город не удалось; после большого пожара жители покинули пепелище и ушли в Белгород и Валуйки. В этих городах затем еще долго существовали особые Царевоборисовские слободы.

В 1625 г. возник план восстановления города. Документы, подготовленные в Разрядном приказе в связи с рассмотрением этого плана, позволяют выяснить многие географические и социально-экономические детали, связанные с историей Царева-Борисова. Из рассказов прежних жителей города видно, что в Цареве-Борисове существовали город и острог, главная крепость была срублена из сосновых бревен, окружена рвом и валом. Ров в 1625 г. был еще цел, но у вала «в пожар» выгорели опорные столбы. «Для береженья пахарей, и конских и животинных стад» на 7 верстах стояли надолбы[46]. Бывший житель Царева-Борисова Помин Котельников, обосновавшийся затем в Валуйках, сообщил любопытные подробности о природных богатствах Царева-Борисова. По его словам, «Борисов-город стоял на самом угожем месте. И только ныне укажет великий государь поставить Борисов-город по-прежнему, и царегородские жильцы, которые ныне на Волуйке, на житье пойдут тотчас, потому что в реках в Донце и в Осколе и в озерах рыбы и зверя водяново всякого много, и добыча бывает немалая»[47].

План восстановления Царева-Борисова в 1625 г. не осуществился, и до 50-х гг. XVII в. старое Царевоборисовское городище пустовало. В 1654 г., как уже отмечалось выше, туда направились группы вольных переселенцев-черкас.

Весной 1656 г. царь Алексей Михайлович «пожаловал» Царевоборисовское городище могущественному в то время патриарху Никону в вотчину. По царскому указу 1 мая 1656 г. яблоновский воевода И. И. Ромодановский послал туда голову Я. И. Свистунова для осмотра места и переписи обосновавшихся там черкас. По свидетельству Я. И. Свистунова, «в старом Борисове-городище, под горою, по Бахтину-колодезю, поселилась слобода черкаская»[48]. Налицо оказалось женатых черкас —

[46] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1, л. 78—82.
[47] Там же, л. 83.
[48] Там же, книги Белг. ст., № 56, л. 643.

143, холостых — 174, женатых русских людей — 5, холостых — 4. Переселенцы-черкасы пришли «из разных черкасских городов».

Пахотные земли находились вблизи слободы, но к Цареву-Борисову относились также «дикие поля» в сторону Северского Донца на 50 верст и вверх по р. Осколу на 40 верст. Сенные покосы царевоборисовских черкас располагались «вверх по Осколу, и вверх по Донцу, и по Бахтину-колодезю, и по Изюмцу, и по Большому Изюму по обе стороны, и по дубровам, и по лоскам». На Бахтине-колодезе уже существовали две мельницы; на речках, которые впадали в Северский Донец «с Крымской стороны», царевоборисовские черкасы владели пчельниками[49].

Пожалование Царевоборисовского городища патриарху Никону создало возможность появления в России своеобразного «вотчинного города» — несомненного анахронизма для эпохи централизованного государства. Строительство городских укреплений осуществлялось средствами патриарха Никона и его канцелярии — так называемого Патриаршего двора. В одном из документов Разрядного приказа сообщается о том, что патриарх Никон, получив новую вотчину в Цареве-Борисове, немедленно послал туда своих людей — строить город[50].

Атаманом царевоборисовских черкас в отчете Я. И. Свистунова назван Иван Семенов, однако другие документы 1656—1663 гг., в том числе челобитные черкас, сообщают об атамане Иване Светличном[51]; по всей вероятности, — это одно и то же лицо. Никаких налогов и податей царевоборисовские черкасы до 1656 г., как видно по документам, не платили, государственных обязанностей не несли.

Весной 1656 г. вольной жизни украинских переселенцев у Царевоборисовского городища пришел конец. 27 мая 1656 г. воевода Федос Сурмин записал черкас «в службу» и выдал им жалованье — по 2 рубля человеку «на хлеб»[52]. Черкасы были разбиты на десятки, с

---

[49] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 56, л. 648—649 об.

[50] Там же, столбцы Белг. ст., № 409, л. 169.

[51] Там же, книги Белг. ст., № 56, л. 643—649, 881—882, 907—912.

[52] Как видно по документам, некоторые черкасы вместо двух рублей получили по одному рублю.

них взяты поручные записи. В первом списке значится 160 служилых черкас. «А порука по них в государеве жалованье, и в службе и в вечном житье; десятник Илья Останов и сами они промеж себя ручалися друг по друге», — подобные записи были сделаны по каждому десятку[53]. В августе и сентябре 1656 г. «в службу» в Цареве-Борисове были записаны новые группы черкас.

Поручительство черкас «в службе и в вечном житье» вместе с получением ими жалованья прекращало существование их «слободы» в буквальном смысле слова, как вольного поселения. Во многих документах середины XVII в. (в том числе и царевоборисовских) мы четко видим, как «слобода» противопоставляется постоянной службе и обязательству постоянного проживания черкас в определенном месте. Позже, однако, выражение «слобода» для обозначения украинских поселений на юге России стало употребляться более широко; оно сохранялось и для тех поселений, которые лишь в начале своего существования имели какие-то «свободы», льготы.

Кроме черкас, на службу в Царев-Борисов были приняты и русские люди: Иван Реутов с товарищами; 26 ноября 1656 г. им было дано денежное жалованье, оружие, порох и свинец («новоприборным русским людем казакам, которые пришли из розных городов»). В документах Разрядного приказа записано: «И в вечном житье по них, казаках, взята запись порушная, что им з города не збежать»[54].

Летом и осенью 1656 г. на Царевоборисовском городище велись большие строительные работы, силами местных служилых людей строился новый город. Крепость вновь, как и в конце XVI в., возводилась из сосновых бревен, в форме «рубленого города». По описанию, составленному в марте 1657 г., город представлял собой четырехугольник, вытянутый с востока на запад. Первая стена (восточная, «от реки Оскола») была длиной 86 сажен, вторая (южная, «от Бахтина колодезя») — 124 саж., третья (западная, «от степи») — 86 саж., четвертая (северная, «от валуйских дорог») — 106 саж. Отметим, что все измерения были сделаны «в

---

[53] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 56, л. 882—885 об.
[54] Там же, л. 888.

трехаршинную сажень»[55]. Город имел 2 проезжие и 7 глухих башен; рубленый тайник длиной 56 сажен выходил под землей из крепости к р. Осколу.

В описании крепости приводится сообщение о том, что вестовой колокол был прислан в Царев-Борисов из Патриаршего двора, а не из Пушкарского приказа. Но вообще говоря, принадлежность города патриарху Никону в 1656—1657 гг. ощущалась, видимо, не очень заметно для местных жителей. Она проявлялась (кроме присылки колокола) разве что в том, что новые, приходящие в город черкасы, «били челом» не царю, а патриарху. Да и принадлежал Царев-Борисов патриарху недолго. Как известно, в 1658 г. произошел разрыв между царем и Никоном. Алексей Михайлович наложил на патриарха опалу; вотчины Никона были у него отобраны.

В апреле 1658 г. царевоборисовские черкасы жаловались «всем городом» на воеводу Прокофья Коптева, который «им, черкасом, чинит большие неправды, и тесненье, и налоги, напрасно без вины бьет и мучит»[56]. Жалоба неожиданно имела успех, и царь приказал воеводу «переменить». Редкая в подобных случаях «царская милость» хорошо объясняется сложной политической обстановкой на Украине, сложившейся после смерти Богдана Хмельницкого. Русское правительство весной 1658 г. старалось, где возможно, показать свою благосклонность к черкасам и удержать их под своим влиянием. Новым воеводой Царева-Борисова стал капитан Афанасий Норов, остававшийся в этой должности до 1663 г.

По описанию 1663 г. Царев-Борисов предстает нам хорошо укрепленным, довольно многолюдным для своего времени поселением. Прочен был пока еще сосновый «рубленый город» окружностью в 402 сажени, на городских башнях наготове стояли 10 пушек с достаточным количеством ядер (« к тем пушкам по сту ядер»). По сравнению с 1656—1657 гг. появилась новая, вторая линия укреплений, топографически совпадающая с линией прежней острожной стены эпохи Бориса Годунова. Здесь стояло 14 новых башен, из них три — с проез-

[55] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 56, л. 897.
[56] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 34.

жими воротами. На царевоборисовских полях, среди пашенных земель построены были на случай татарских нападений «башни с избами» у р. Изюма и вверх по р. Осколу. У города через р. Оскол существовала постоянная паромная переправа[57]. В городе проживало 557 служилых черкас (среди них названы атаман Иван Светличный, сотники Павел Марков, Агафон Васильев, Иван Голубенько, Василий Хорольский) и 58 «русских людей — донских казаков» (среди них атаманы Сергей Абакумов и упоминавшийся уже Иван Реутов)[58].

Таким образом, для конца 50-х — середины 60-х гг. XVII в. мы можем определенно говорить о быстром возрождении Царева-Борисова, даже — о новом расцвете этого города.

Очень скоро, однако, начинается упадок Царева-Борисова. Географическое положение Царева-Борисова, а также необходимость содержания больших караулов в условиях постоянной татарской опасности создают для царевоборисовцев значительные трудности. Не надо забывать и того, что Царев-Борисов возродился как город «за чертой». Время для включения Царева-Борисова в новую укрепленную линию, время для сооружения «новой черты» еще не наступило. Уже в документе 1663 г., на который мы не раз ссылались, проскальзывает сожаление о нехватке людей для обороны. После описания башен, построенных среди пахотных земель, новый воевода Царева-Борисова М. С. Дурново сообщает о том, что «на тех башнях за малолюдством караулу нет»[59].

Украинские переселенцы идут уже не к Цареву-Борисову, где находится не очень желательный для них русский воевода, а на свободные земли по левому берегу Северского Донца, к речкам Балаклейкам, к Бишкину перевозу, к Лиману, к Андреевым Лозам. Здесь Яков Черниговец «осаживает» новые черкасские поселения (подробнее об этом см. ниже), здесь нет русских воевод. Довольно трудным видом службы для царевоборисовских черкас было содержание караула в составе 50 человек у соляных промыслов на Торских озерах. Караул стоял «для береженья соленого заводу»; смена караула проводилась еженедельно.

[57] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 56, л. 904—906 об.
[58] Там же, л. 907—922.
[59] Там же, л. 906 об.

Конкретным же толчком, повлекшим резкое уменьшение населения города и его запустение, стали события весны 1668 г. В этом году, в обстановке обострения классовых противоречий и недовольства украинского населения Андрусовским договором, разделившим Украину на две части, на Левобережной Украине вспыхнуло народное восстание. Гетман И. Брюховецкий и часть казацкой старшины старались направить народный гнев исключительно против царских воевод. Брюховецкий изменил России, стал вести переговоры о подчинении Украины турецкой власти.

В южнорусские города с преобладанием «черкасского» населения Брюховецкий разослал письма, призывая выступить против царских воевод и России. В документе 1668 г. читаем: «Царевоборисовские черкасы по прелесным листам изменника Ивашка Брюховецкого великому государю изменили и город сожгли и приказного человека Бориса Мосолова убили, а разоря город, пошли к нему Ивашку с изменником с Ивашком Серком, и ныне тот город пуст» [60].

Восстанием на Левобережной Украине попытался воспользоваться гетман Правобережной Украины П. Дорошенко, открыто ориентировавшийся на Турцию. Дорошенко появился с войсками на Левобережной Украине. Но украинский народ в своем большинстве не пожелал разрывать дружбы с Россией. Брюховецкий был убит восставшими казаками; Дорошенко вынужден был вернуться на Правобережье Днепра [61].

Оправиться после потрясения 1668 г. Царев-Борисов в полной мере уже не смог, хотя часть черкас, как можно думать, вернулась на старое место. Деревянная крепость была отстроена вновь, но не в виде рубленого города, а в форме более простого по конструкции стоячего острога без обламов.

Мы говорили пока в основном об украинском населении Царева-Борисова. Но почему не заселили этот город, находившийся на территории Белгородского пол-

---

[60] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 64. Аналогичные записи были сделаны также применительно к черкасам следующих городов Белгородского полка: Маяцкого, Змиёва, Валков и Мурафы. См. также: ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 608, л. 109—110.

[61] См. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 692—693.

ка, русские люди? Как можно понять по документам, приток русских вольных переселенцев в Царев-Борисов оказался практически невозможным. В 1656 г. закончилась пора установления особых исходных сроков сыска беглых для Белгородской черты и для южнорусских городов-крепостей[62]. Феодально-крепостническое государство организует в 60-х гг. XVII в. массовые сыски беглых крестьян, в том числе и в ряде уездов на юге России. Любопытно в этом плане сообщение документов Разрядного приказа о том, что русские служилые люди Царева-Борисова в 1663 г. именовались «донскими казаками». По документам хорошо видно, что Иван Реутов и его товарищи, придя в Царев-Борисов в 1656 г., так себя сначала не называли. Хотя бы кратковременное пребывание на вольном Дону и звание «донского казака» пока еще оставались чуть ли не единственной законной возможностью записи русского человека на службу и гарантией личной свободы в южных городах. Официального переселения («сведения») служилых людей в Царев-Борисов не было; не появлялись здесь и родственники служилых людей из соседних городов, — их, как мы видели, записывали в солдатские полки. И, наконец, те «вольности» при записи на службу, которые встречались еще при комплектовании гарнизонов ряда новых городов Белгородской черты (Козлова, Корочи, Усмани)[63], к 60-м гг. XVII в. отошли уже в область истории.

Осенью 1670 г. царевоборисовцы приняли активное участие в восстании Степана Разина. В начале октября в Царев-Борисов с юга берегом Северского Донца пришел отряд восставших донских казаков под командой разинского атамана Алексея Черкашенина (Лески Хромого). Все жители Царева-Борисова — украинцы и русские — немедленно перешли на сторону Степана Разина, воевода А. Маслов был убит. Кроме Царева-Борисова, к восстанию примкнули Маяцкий, Чугуев, Змиёв,

---

[62] См. об этом: Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л., 1962, с. 124—126; Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 252—253.

[63] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 90—91, 99—101, 113; Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края/Сост. В. П. Загоровский. Воронеж, 1976, с. 105—106.

Балаклея, Мерефа. Царскому правительству удалось использовать для подавления восстания в южнорусских городах за Белгородской чертой часть служилых людей Белгородского полка: рейтарские полки и Сумской черкасский полк. Расправа была жестокой; в документах Разрядного приказа сохранились списки повешенных жителей Царева-Борисова — активных участников восстания. В ноябре 1670 г. оставшиеся жители Царева-Борисова были приведены к присяге: таких оказалось «русских людей и черкас 155 человек»[64].

По описанию, составленному осенью 1677 г., в Цареве-Борисове значилось 160 служилых людей: 20 русских и 140 черкас[65]. Отметим, что эти царевоборисовские черкасы в состав Харьковского полка не входили, они несли городовую службу.

Рассматривая далее, во второй главе нашего исследования, историю строительства Изюмской черты, мы не раз еще скажем о Цареве-Борисове. И по своему географическому положению на «новой черте» и по исторической традиции он мог бы стать центром черты, но он не стал им. В 80-х гг. XVII в. Царев-Борисов оказался одним из самых заурядных городков Изюмской черты. По описаниям 1681 и 1683 гг. в нем значилось 149 служилых людей: русских и черкас. В описании Царева-Борисова 1683 г. встречается любопытная деталь. Оказывается, прежняя деревянная крепость для незначительного гарнизона была слишком велика, поэтому «к осадному времени для малолюдства в том же городе, внутре, зделан малой городок»[66].

Приведенный только что рассказ об истории Царева-Борисова в 50—70-х гг. XVII в. лишний раз должен напомнить читателю о необходимости конкретного подхода к историческому исследованию вообще, к изучению процесса заселения южнорусских земель в XVII в. — в частности. В этом процессе были свои приливы и свои отливы; даже соседние географические районы за Белгородской чертой заселялись по-разному, в какое-то время одни теряли население, другие приобретали его. Но

---

[64] Крестьянская война под предводительством Степана Разина/Сборник документов. М., 1959, т. 2, ч. 2, с. 56—88.

[65] ДАИ. СПб., 1875, т. 9, с. 290.

[66] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 119.

в целом, в предшествующие сооружению Изюмской черты два-три десятилетия, общее количество населения за Белгородской чертой, за ее западными укреплениями, продолжало (хотя и медленно, неравномерно) увеличиваться. И это увеличение, как мы уже говорили, шло в основном за счет черкас.

5. Заселение территории у Северного Донца (между Тором и Мжой) и берегов р. Оскола (между Царевом-Борисовом и Валуйками)

Южнее Царева-Борисова после завершения строительства Белгородской черты возник еще один русский городок — Маяцкий, расположенный на правом берегу Северского Донца, ниже устья р. Оскола. В отличие от Царева-Борисова русское правительство сделало попытку в 1663 г. заселить Маяцкий «сведёнцами». Если в Цареве-Борисове все же существовали пашенные земли (среди пашни там, как отмечалось выше, стояли караульные башни), то в Маяцком городке завести пашню оказалось невозможным из-за татарских набегов. Это видно из челобитной маяцких жителей, относящейся к 1667 г. Служилые люди Маяцкого городка, прося разрешения продать «свои дворы и хоромы» в местах прежнего жительства, писали на имя царя: «Сведены мы, холопи твои, с Чугуева, и с Салтова, и с Харькова, и с Волуйки в прошлом во 171-м году... в Мояцкой, в украинной и дальной город на вечное житье с женами и детьми... А похать нам, холопем твоим, на Мояцком нельзя, крымские приходы безпрестанно»[67]. Татары мешали жителям Маяцкого городка заниматься земледелием и позже; жалобы служилых людей подобного рода встречаются в документах 70—80-х гг.

Деревянная крепость в виде острога, включавшая 2 проезжие башни с воротами и 5 глухих угловых башен, была построена в Маяцком в 1663 г. Из ворот выходили дороги к Северскому Донцу и к Торским озерам. Существовал «тайник с выходом»[68]. Среди жителей городка преобладали русские, переселенцев с Украины было значительно меньше. В 1674 г. в Маяцком насчи-

---

[67] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 599, л. 853.
[68] Там же, книги Белг. ст., № 56, л. 1019—1029.

тывалось русских служилых людей — 101, их взрослых родственников — 51, служилых черкас — 49, их родственников — 12.

Еще далее к югу от Маяцкого городка, у берегов р. Тора (Торца) находились знаменитые Торские соленые озера. С давних пор существовал здесь, несмотря на близость татарских кочевий, русский соляной промысел; он отмечен документами в первой четверти XVII в. В этом плане очень интересно сообщение уже однажды упомянутого нами валуйчанина Помина Котельникова, относящееся к 1625 г. Рассказывая о Царевоборисовском городище и его окрестностях, П. Котельников сказал: «А соленые озеры от Царева городища верст с 30. И ныне в тех озерах из Белагорода, и с Волуйки, и с Оскола, и с Ельца, и с Курска, и с Ливен, и с Воронежа охочие люди ежелет варят соль, а от татар делают крепость» [69].

Рассматривая это сообщение в качестве исторического источника, хочется обратить внимание на три момента.

Во-первых, торской солью пользовались тогда жители огромного района России, дальность расстояния и татарская опасность не отпугивали солеваров из Курска, Ельца или Воронежа. Во-вторых, добыча соли велась не от случая к случаю, а ежегодно («ежелет»). И в-третьих, добыча соли осуществлялась «охочими людьми»; правительственной регламентации этого очень выгодного для государства промысла не было.

Царское правительство не раз пыталось в XVII в. подчинить соляной промысел у Тора своему влиянию и обезопасить его от татар. Весной 1648 г., вскоре после известных указов о введении и отмене налога на соль [70], правительство боярина Б. И. Морозова подготовило план строительства на р. Торе, у соленых озер, русского города. Царский указ об этом был подписан 12 апреля 1648 г.; строить город должны были под руководством воеводы Василия Толстого 300 конных казаков из южнорусских городов и 200 московских стрельцов [71]. Однако уже через 18 дней прежнее решение было

---

[69] Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века, с. 58.

[70] См. Очерки истории СССР, с. 230—231, 425—426.

[71] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 255, л. 2, 38.

отменено; «бояре приговорили» строительство отставить «для того, что нынешнего лета на Тору города строить неколи»[72]. Действительно, весна и лето 1648 г. были насыщены работами по сооружению Белгородской черты; сложным было как внешнеполитическое, так и внутреннее положение в стране.

После сооружения Белгородской черты Торские озера, оказавшиеся далеко «за чертой», продолжали оставаться местом добычи соли. Новый указ царя Алексея Михайловича о строительстве крепости у Торских озер датируется 1662 г. Воеводе Белгородского полка Г. Ромодановскому предписывалось «для береженья от приходу воинских людей и для соляного промыслу на Тору поставить стоялый острог», установить надолбы и другие укрепления «около озер, где соль варят», а затем устроить в остроге «на вечное житье» 100 служилых людей, выдать им жалованье и превратить, таким образом «стоялый острог» (укрепление с временным, сменным горизонтом) в «жилой город»[73].

Как видно по более поздним документам, Г. Ромодановский выполнил только первую часть поставленной задачи. У Торских озер появился небольшой стоялый острог со сменным караулом из ближайших городов. Здесь существовали государевы варницы[74], здесь же добывали соль наездом и «охочие люди».

В начале 70-х гг. XVII в. управление государственными соляными промыслами у Торских озер сосредоточилось в ближайшем городе — Маяцком. Здесь в амбарах хранилась «государева соль», ее выдавали в качестве жалованья ратным людям Белгородского полка. Во время татарского натиска 1673—1674 гг.на южнорусскую окраину пострадали и Торские промыслы. Среди имущества, записанного в книгу при смене воеводы в г. Маяцком в августе 1674 г., значатся «на Торских озерах горелыя соловарные котлы и соляные заводы»[75].

В конце своего царствования Алексей Михайлович вновь (по нашему подсчету, — в третий раз) распоря-

---

[72] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 255, л. 55, 60—61. Неколи — некогда, недосуг.

[73] Там же, столбцы Прик. ст., № 231, л. 355—356.

[74] Там же, столбцы Белг. ст., № 599, л. 709. «Для государева соляного варенья» выделялись дети боярские из Олешни, Вольного и других городов.

[75] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 56, л. 1018 об.

дился об устройстве города у Торских озер. «Во 184-м году» городок Тор был построен, туда «призваны на житье» черкасы[76]. По форме деревянная крепость представляла собой стоячий дубовый острог с обламами, с шестью башнями, окружностью в 160 сажен. В 1681 г. в городе числилось 30 русских служилых людей и 120 черкас[77].

После сооружения Изюмской черты городок Тор (он иногда назывался и по-другому — «Соленый») по-прежнему остался «за чертой» и неоднократно подвергался нападениям татар. В 1684 г. русское правительство попыталось соорудить дополнительные укрепления и включить его, а также г. Маяцкий в Изюмскую черту, — об этом мы скажем коротко ниже, в последней главе нашего исследования. Ныне на месте старинного Тора находится г. Славянск Донецкой области.

Остановимся теперь на истории заселения в 60—70-х гг. XVII в. берегов Северского Донца между Гомольшинским лесом и устьем р. Оскола. Этот район за Белгородской чертой представляет для нас значительный интерес, — ведь позже здесь сложился один из важнейших участков Изюмской черты.

Сразу же следует сказать, что левобережье Северского Донца в рассматриваемом нами районе было заселено вольными переселенцами — черкасами. Расселение же черкас проходило в значительной мере по инициативе и под руководством энергичного атамана Якова Черниговца.

7 июля 1663 г. этот человек появился в Белгороде и подал челобитную воеводе Г. Ромодановскому. В бумаге говорилось о том, что он, Яков Черниговец, готов призвать «на государево имя из черкасских заднепрских городов охочих черкас» и построить новый город «на татарских перелазех, вниз по Донцу, меж речек Устей — Болыклей»[78]. Белгородский воевода своею властью разрешил Я. Черниговцу призывать черкас и

[76] [Гумилевский Ф.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 1858, кн. 5, с. 118. Полный текст документа, приведенного Ф. Гумилевским, свидетельствует о том, что городок был построен в начале «184-го году», или осенью 1675 г.

[77] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 478—481.

[78] Там же, столбцы Белг. ст., № 599, л. 138.

строить город; в Москву он об этом тогда не написал ничего. Через год, 31 июля 1664 г. Я. Черниговец снова приехал в Белгород и сообщил о постройке им нового деревянного города с башнями. Он призвал «охочих черкас з двесте семей», уже построено полтораста дворов, строят себе избы и остальные черкасы. В 1664 г. черкасы уже пахали пашню «и хлебом яровым сеяли»[79]. На этот раз Г. Ромодановский послал донесение в Москву, а Я. Черниговцу приказал «около того Болыклейского города всякие крепости описать и все на чертеж отчертить». Новый город стал называться «Болыклея»; позже это имя трансформировалось в более удобную для произношения форму — «Балаклея»[80].

В 1668 г., во время измены гетмана И. Брюховецкого, балаклейские черкасы и атаман Я. Черниговец остались верными правительству. Нам встретилось любопытное свидетельство о том, что балаклейские черкасы «в-ызмену Ивашки Брюховецкого» взяли в опустевшем Цареве-Борисове три пушки и перевезли их в свой город[81].

Однако народное восстание под предводительством Степана Разина осенью 1670 г. в полной мере захлестнуло Балаклею. Когда на Северском Донце появился разинский атаман Алексей Черкашенин с отрядом донских казаков, то значительная часть балаклейских черкас присоединилась к восстанию. После подавления восстания в Балаклее были повешены четверо балаклейских черкас: Марк Линник, Остап Веприцкий, Иван Коледа и Алексей Еремин, а также восемь пришедших туда донских казаков[82].

Не вполне ясно поведение Якова Черниговца осенью 1670 г. Один из более поздних документов Разрядного приказа сообщает о том, что «со 178-го году» (1669/1670) Я. Черниговец «по рассмотренью» Г. Ромодановского был полковником у балаклейских черкас[83]. Когда же после разгрома народного разинского восстания на Северском Донце царские воеводы приводили к присяге

---

[79] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 599, л. 139.

[80] Ныне Балаклея — город, районный центр Харьковской области УССР.

[81] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 500.

[82] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1959, т. 2, ч. 2, с. 74, 86—87.

[83] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 608.

черкас в Балаклее, ни о каком полковнике не было и речи. Сохранилась запись: «В Балаклеи к вере приведены черкасы: атаман 1 человек, писарь 1 человек, редовых 187 человек»[84].

В 70-х гг. Я. Черниговец продолжал свою деятельность по призыву черкас, расселению их по левому берегу Северского Донца, строительству новых городов. Весной 1671 г. была основана черкасами слобода на Савинском броде, там поселилось около сотни черкасских семей во главе с атаманом Гаврилой Могилкой. Челобитные савинских черкас шли через Я. Черниговца[85]. Деревянную крепость у Савинского брода черкасы построили своими силами.

В 1672 г. в документах Разрядного приказа Я. Черниговец постоянно именуется полковником черкасского Балаклейского полка[86]. Позже, прося вернуть себе полковничью должность, он сообщал о том, что на Северском Донце, «на татарских бродах с Ногайской стороны», он построил 6 городов. Это были, считая сверху вниз по течению Северского Донца: Бишкин, Лиман, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинский, Изюм. В конце 70-х гг., перед строительством Изюмской черты, в этих 6 городах насчитывалось 1539 черкас полковой службы[87]. Самым крайним в Балаклейском полку оказался Изюм: черкасы обосновались около устья р. Изюмца и построили деревянный острожек, как указывает А. Г. Слюсарский, в 1673 г.[88]

Балаклейский полк просуществовал недолго. В 1677 г. воевода Белгородского полка Г. Ромодановский отстранил Я. Черниговца от должности полковника после ссоры черкас Балаклейского полка со служилыми людьми г. Царева-Борисова, в ходе которой был убит сын царевоборисовского воеводы. Несмотря на последующие просьбы Я. Черниговца, Балаклейский полк так и не был восстановлен; некоторое время «наказным полковни-

---

[84] Крестьянская война под предводительством Степана Разина, с. 88.

[85] [Гумилевский Ф.]. Указ. соч., кн. 5, с. 73. Современное название Савинского городка — Савинцы, ныне — это поселок в Балаклейском районе Харьковской области.

[86] См., например: ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 779, л. 19.

[87] Там же, № 1530, л. 610.

[88] Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. Харьков, 1964, с. 105.

ком» балаклейских черкас считался сотник Гаврила Могилка, затем черкасы упраздненного полка перешли в ведение харьковского полковника Григория Донца.

Географически новые городки недолго просуществовавшего Балаклейского полка составляли как бы одну линию по левому берегу Северского Донца, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Аналогичная линия укрепленных городков обозначилась в 70-х гг. XVII в. и вдоль берегов р. Мжи: Змиев, Соколов, Водолага, Валки.

Город Змиев, расположенный при впадении Мжи в Северский Донец, был основан, как видно по более поздним документам, в 1656 г. Весной 1657 г. воевода Иван Ржевский завел «в новом в Змееве городе» государеву десятинную пашню; пахоту и сев он провел «русскими ратными людьми»[89]. Вскоре в Змиеве поселились черкасы, которые стали составлять большинство населения города. Выше по течению Мжи был построен «в 186-м году»[90] (1677/78) небольшой городок Соколов. Поскольку левый, северный берег Мжи являлся болотистым и низменным, оба городка были выстроены на высоком, южном берегу, на «крымской стороне» Мжи. Впоследствии это обстоятельство сыграло важную роль в отказе от плана проведения Изюмской черты непосредственно по р. Мже.

На берегу р. Мжи в середине 70-х гг. возник и своеобразный «вотчинный город», напоминающий нам о временах феодальной раздробленности на Руси. Мы имеем в виду Водолагу. Как свидетельствует документ, приведенный Ф. Гумилевским, этот город со времени своего основания являлся личной собственностью харьковского полковника Григория Донца[91]. Здесь жили крепостные крестьяне и холопы полковника, выполнявшие кроме хозяйственных обязанностей военную службу в крепости. Любопытен сам факт существования вотчинных городов на юге России в XVII в.; таким вотчинным городом, правда очень короткое время, был, как мы видели, после своего восстановления — Царев-Борисов; вотчинным городом являлся и Романов на р. Воронеже, его укрепления входили в состав Белгородской черты.

---

[89] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 693, л. 349—350.

[90] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 513.

[91] [Гумилевский Ф.]. Указ. соч., кн. 2, с. 322—323.

Первое краткое упоминание о г. Водолаге относится к августу 1676 г. Новый деревянный острог при устье р. Водолаги имел форму прямоугольника «мерою в длину 174 сажени, поперек 165 саженей». В нем находился «двор полковников». В остроге и за острогом «строились дворами» черкасы [92]. Водолага не входила формально в число городов Белгородского полка и не подлежала ежегодному описанию. В Белгородских годовых сметных книгах за 70—80 гг. XVII в. Водолага не упоминается.

Харьковский полковник Г. Донец в 70-х гг. XVII в. превратился в крупного землевладельца; кроме Водолаги, ему принадлежали деревни и угодья во многих местах края. Так, Г. Донец владел деревней на р. Удах; документы сообщают, что крымские татары во время набега в январе 1680 г. увели оттуда в полон 25 крепостных крестьян и 4 «челядников» полковника [93]. Становится ясно, что часть черкас-переселенцев на территории вокруг Харькова попадала в крепостную зависимость к Г. Донцу; другая, бóльшая часть записывалась «в службу».

Выше Водолаги у р. Мжи находился еще один укрепленный город — Валки. В отличие от Змиева, Соколова и Водолаги, построенных на правом берегу р. Мжи, г. Валки располагался на северном, левом берегу этой реки. В Белгородской годовой сметной книге 1681 г. читаем: «Построен город Валки на речки Мжи и Турушки с Нагайской стороны во 181-м году, а во 188-м году згорел, и в том же году острог построен вновь стоячим дубовым лесом... Да в прошлом, во 188-м году, построен другой город вновь» [94]. Свое название город получил от древних земляных валов («валков»), сохранявшихся до 1680 г., до сооружения Изюмской черты, между верховьями рек Коломака и Мжи.

Разрядный приказ в XVII в. не раз интересовался старинными укреплениями — «валками», перегораживавшими Муравский шлях в самом узком месте. Еще в 1636 г. белгородский воевода Афанасий Тургенев по правительственному распоряжению расспрашивал белгородских станичников и писал в Москву, что «те, го-

[92] [Гумилевский Ф.]. Указ. соч., с. 322—323.
[93] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 87, 91.
[94] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 619, 630 об.

сударь, валки учинены истари» и что «мимо Валок татарского проходу Муравским шляхом иново места нет»[95]. Воевода А. Тургенев отмечал, что при устройстве новых укреплений можно будет использовать старый вал и старый ров.

В мае 1646 г. служилые люди из Белгорода, Вольного и Хотмыжска под руководством воеводы Ф. Хилкова построили у восточной оконечности старинного вала, «верх реки Мжи у озера на горе», стоялый острог (Можевский острог, или Валки). Ф. Хилков доносил, что поблизости от нового острога имеются черкасские пчельники, на пчельники приходят часто «воровские черкасы» и поэтому «в острошке быть страшно»[96].

Летом 1646 г. географические контуры строящейся Белгородской черты еще не были вполне определены; русское правительство не исключало тогда возможности включения Можевского острога в линию укреплений. Для описания только что построенной крепости, а также рек, лесов и различных урочищ поблизости от нового острога, в июне 1646 г. к р. Мже была послана своего рода военно-топографическая экспедиция во главе с белгородцем Иваном Масловым и подьячим Герасимом Жулиновым. Наряду с общим описанием укреплений и местности у Можевского острога экспедиция должна была ответить на несколько конкретных вопросов. Например, на такой: далеко ли от Можевского острога речки Болгирь, Турушка, Ондрынка и Болгирское городище?[97]

Руководители экспедиции сделали вывод о том, что Можевский острог построен не там, где нужно, что крепость нужно перенести от истока р. Мжи[98] вниз по течению этой реки, где имеется много пахотных земель. Длину старого вала («валков») экспедиция определила в 2 версты 830 саженей (примерно 6 км); высота валков «в целом месте» равнялась полутора саженям. Вместе с другими урочищами экспедиция И. Маслова и Г. Жулинова подробно описала Болгирское и Ондрынское городища, находившиеся к северо-востоку от «вал-

---

[95] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 61, л. 334—335.

[96] Там же, № 268, л. 26.

[97] Там же, л. 65.

[98] Интересно описание истока р. Мжи: «Река Мож пошол по подземью ис-под того озера.., по мере до ручья, где объявился Мож, верста».

ков», на небольших речках — левых притоках р. Мжи.

Документы экспедиции И. Маслова и Г. Жулинова свидетельствуют о том, что старинные «валки» между реками Коломаком и Мжой являлись передовой линией укреплений для Болгирского и Ондрынского городищ в период процветания этих укрепленных поселений[99]. Между «валками» и городищами сохранялись следы еще нескольких линий укреплений.

В дальнейшем, как и предполагали руководители экспедиции 1646 г., Можевский острог не остался на старом месте, у истока р. Мжи. Новые Валки (затем просто — Валки) появились километрах в пяти-шести восточнее, у впадения в Мжу речки Турушки. Гарнизон городка составили переселившиеся сюда и записанные в городовую службу черкасы.

Вопросы о дате появления черкас-переселенцев на речке Харькове и основании г. Харькова вызвали в исторической литературе большие споры. Обзор различных мнений по этим вопросам имеется в монографии А. Г. Слюсарского, к которой мы и отсылаем читателя[100]. Заметим только, что с конца XVI в., со времени основания Белгорода, вплоть до середины 50-х гг. XVII в. речки Харьков и Лопин (Лопань) относились к Белгородскому уезду. Обе речки принадлежали Никольской церкви, находившейся в Белгороде. Постоянных поселений на их берегах не было. В ЦГАДА сохранилась челобитная попа Никольской церкви, поданная весной 1657 г. в Разрядный приказ. В ней сообщается, что черкасы «по речкам Харькову и по Лопину построились дворами» в 162-м г. (1653/54). Сначала было 37 семей, затем появились новые переселенцы[101]. В следующем году при впадении речки Харькова в Лопань построена была деревянная крепость; в Харькове обосновался русский воевода. В 60-х гг. XVII в., в ходе формирования черкасских полков на территории Белгородского разряда, г. Харьков стоял административным центром Харьковского полка.

---

[99] Видимо, можно отнести существование укрепленных поселений на месте Болгирского и Ондрынского городищ к VIII—IX вв., а сами городища связать с салтово-маяцкой археологической культурой.

[100] См. Слюсарский А. Г. Указ. соч., с. 97—99.

[101] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 504, л. 201—202.

В течение 70-х гг. XVII в. численность черкас Харьковского полка значительно увеличилась, этот полк стал крупнейшим из черкасских полков в пределах Белгородского разряда. Мы располагаем документами о численности Харьковского полка в 1668 и 1679 гг., — любопытно сравнить эти числовые данные между собой. В 1668 г. в Харьковском полку значилось 1135 человек (12 лиц начальствующего состава и 1123 рядовых) [102]; в 1679 г. — 5546 человек без черкас бывшего Балаклейского полка, переданных в Харьковский полк, и 7085 человек с учетом черкас Бишкина, Лимана, Андреевых Лоз, Балаклеи, Савинского и Изюма [103]. За 11 лет численный состав черкас Харьковского полка увеличился более чем в 6 раз.

Указанные выше 5546 черкас Харьковского полка размещались в 1679 г. по 13 «городам» [104] следующим образом: Харьков — 1641 человек, Валки — 678 человек, Мерефа — 459 человек, Соколов — 196 человек, Змиев — 688 человек, Ольшана — 397 человек, Золочев — 617 человек, Печенеги — 462 человека, Салтов — 151 человек, Волчьи Воды — 142 человека, Острополье — 48 человек, Двуречная — 33 человека, Перекоп — 34 человека. Приведенные здесь числа записаны в Разрядном приказе «по разборным книгам» полковника Г. Донца.

Следует отметить, что территорию расселения черкас Харьковского полка в XVII в. нельзя рассматривать как географически компактную административную единицу. Рядом с черкасами, подчиненными харьковскому полковнику, жили черкасы, не подчиненные ему. В отдельных городках и селах, наряду с черкасами, имелось и русское население. В основном русским по населению городом был Чугуев, вокруг которого сложился самостоятельный уезд.

Не надо забывать и того, что значительная часть украинских переселенцев на рассматриваемой нами территории попадала «в городовую службу». Здесь, как

---

[102] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 55.

[103] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 610.

[104] Конечно, не все 13 городов были в полном смысле слова «городами». Надо также учесть, что термин «город» географически охватывал в данном случае и окрестную территорию, где могли размещаться зависимые от города слободы, села, деревни.

и в коренных русских уездах черноземного края, во второй половине XVII в. сложилось разделение служилых черкас по двум видам службы: городовой и полковой. Почти так же, как в районах Воронежа и Белгорода, в пределах расселения черкас Харьковского полка в 70—80-х гг. XVII в. наблюдалась тенденция увеличения численности людей полковой службы; пропорции между черкасами полковой службы и черкасами городовой службы изменялись в пользу первых.

Сравним в этом плане численность черкас, входивших в Харьковский полк и черкас «городовой службы» для нескольких городов, оказавшихся в 1680 г. у новой, Изюмской черты: Валков, Змиева, Лимана, Андреевых Лоз и Балаклеи. Первое число после названия города — это количество черкас, служивших от этого города в Харьковском полку, второе — черкас «городовой службы»[105].

Валки	— 678 и 448;
Змиев	— 688 и 238;
Лиман	— 394 и 97;
Андреевы Лозы	— 381 и 130;
Балаклея	— 246 и 104.

Преобладание черкас Харьковского полка над черкасами «городовой службы» для всех пяти городов весьма заметно.

Западнее территории расселения черкас Харьковского полка, также за Белгородской чертой, сложились земельные владения черкас Ахтырского полка. Этот район, как и районы Харькова, Царева-Борисова, стал энергично заселяться черкасами с 1654 г., после воссоединения Украины с Россией. Особое значение имело восстановление (на новом месте) Ахтырского города, или Ахтырки.

Старое Ахтырское городище находилось на правом (северном) берегу р. Ворсклы. В 1641—1647 гг. на нем стояла польская пограничная крепость, в 1647—1650 гг. располагался русский стоялый острог. В 1650—1654 гг.

[105] Численность черкас полковой службы указана для 1679 г. по уже упоминавшимся «разборным книгам» полковника Г. Донца (ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 610); численность черкас городовой службы — по Белгородской годовой сметной книге 1681 г. (ЦГАДА, книги Белг. ст. № 117, л. 495—512, 603—634).

городище пустовало, и Ахтырки как поселения не существовало[106].

В 1654—1655 гг. у Ахтырского городища появились многочисленные черкасы-переселенцы, но обосновались они южнее р. Ворсклы, у речки Ахтырки, в нескольких верстах от городища, «за чертой». Здесь черкасы построили деревянную крепость. Кстати, заслугу в строительстве нового города приписывал себе воевода г. Вольного Л. Камынин, поскольку р. Ахтырка до основания г. Ахтырки относилась к Вольновскому уезду[107].

С «167-го года» (1658/59) актырским черкасам были даны земли по р. Мерлу. Здесь житель Ахтырки Карп Борзиленко в апреле 1664 г. стал «осаживать слободу на Богодуховой гати»[108]. Это поселение превратилось в город Богодухов. Между речками Мерлом и Удами и далее на юго-запад, к верховьям р. Мжи, прошла разграничительная линия земельных владений черкас Ахтырского и Харьковского полков.

Мы только что рассмотрели историю заселения тех мест за Белгородской чертой, где впоследствии создавались центральные и западные укрепления Изюмской черты. Как же обстояло дело с заселением района, где позже возникли восточные участки Изюмской черты, в частности, — берегов р. Оскола между Царевом-Борисовом и Валуйками?

Черкасы-переселенцы в 60—70-х гг. появились и здесь, но в целом этот район в рассматриваемое нами время заселялся очень медленно. Среди 19 «городов», названных нами в списке черкасских укрепленных поселений Харьковского полка в 1679 г., лишь 2 — Острополье и Двуречный располагались на берегах р. Оскола. По сравнению с Левобережьем Северского Донца здесь были менее удобные земли, к тому же до сооружения Изюмской черты сюда можно было сравнительно легко проникнуть татарам.

Основателем Двуречной слободы (Двуречного городка) в низовьях р. Оскола был житель г. Нового Оскола «черкашенин старого выезду» Василий Бакаринский. «В 174-м году» (видимо, весной 1666 г.) он предложил

---

106 См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 167.
107 Акты Московского государства, СПб., 1894, т. 2, с. 517.
108 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 599, л 745.

свои услуги «ниже Валуйки, между Двоеречных, на татарском перелазе на реке Осколе, построить город и ссадить слободы дворов тысячу». Черкас на жительство к р. Осколу он собирался призывать «из малороссийских городов и из-за Непра». Этим вопросом занимался Разрядный приказ. В Москве 7 октября 1666 г. была даже записана «сказка» бывшего воеводы Белгородского полка князя Семена Львова, который сообщил, что в связи с предложением В. Бакаринского урочища по р. Осколу осматривал валуйский воевода Иван Позняков[109]. Павительство дало разрешение В. Бакаринскому на устройство нового города и приглашение черкас, но обширные планы осадчика осуществились лишь частично. В середине 70-х гг. в Двуречном проживало более 200 черкасских семей.

Но в 1678 г. городок подвергся жестокому татарскому нападению. Как рассказывал позднее сотник Григорий Федоров, татары «к тому городку приступали», многих людей убили, многих увели в полон, «и слободы выжгли». Весной 1680 г. в Двуречном городке жителей было немного — 54 семьи русских и черкас[110].

Кроме Двуречного городка, на правом берегу р. Оскола между Валуйками и Царевом-Борисовом ко времени строительства Изюмской черты возникло еще три небольших поселения черкас и русских. «В 184-м году» (1675/76) воевода Белгородского полка Г. Ромодановский «дал лист» черкашенину Ивану Трофимову; ему разрешалось призывать жителей «из малоросийских городов» и селить их у Осинового татарского перелаза на р. Осколе. И. Трофимов, однако, основал поселение в другом месте — в нескольких верстах выше Осинового перелаза, на «усть-речки Купенки». До строительства Изюмской черты Купенская слобода влачила жалкое существование, весной 1680 г. в ней проживало лишь 8 семей[111].

В 1679 г. несколько семей русских и черкас поселилось при устье речки Каменки выше Двуречного город-

---

[109] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 599, л. 664—666. В написании фамилии осадчика (основателя) Двуречной слободы встречаются типичные для XVII в. расхождения: князь Львов называет его Бакаревским, он сам себя — Бакаринским.

[110] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 110.

[111] Там же, л. 96.

ка; они начали здесь строительство небольшого деревянного острожка, в котором можно было укрыться от татар[112]. Также незначительным поселением был Гороховатский городок (другое название — Остраполье), возникший у устья речки Гороховатки. И, наконец, пятым, последним поселением в интересующем нас районе являлся захолустный Боровенский (или Боровской) монастырь, о котором мы упоминали в предыдущем параграфе. В отличие от названных перед этим четырех правобережных селений, он находился на левом, восточном берегу р. Оскола.

В июне 1680 г., накануне развертывания работ по строительству укрепленной линии вдоль берегов р. Оскола между Валуйками и Царевом-Борисовом, воевода Аверкий Опухтин представил в Разрядный приказ свои соображения по заселению этого района, дополнив их своеобразной историко-экономической справкой. Он сообщал, что «из малороссийских городов» люди приходят для поселения сюда редко, а если некоторые и селятся, то «хлеба мало пашут, живут по селам, только рыбою кормятся». Воевода далее пишет: «А заводные люди[113] не идут потому, что привольных мест по Осколу мало, а идут и селятца к людем по Северскому Донцу, что те места людные и во всем привольные». А. Опухтин предложил заселить городки новой укрепленной линии, по берегам р. Оскола русскими «сведенцами»[114].

6. Военно-политическая ситуация на юге России в середине 70-х годов XVII века

В исторической литературе не сложилось единого мнения о датировке русско-турецкой войны, — мы имеем в виду ту войну, кульминацией которой стали Чигиринские сражения 1677 и 1678 гг. Наиболее распространены следующие три суждения: русско-турецкую войну

[112] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 95. Это поселение дало начало селу Каменке, которое находится в современном Двуречанском районе Харьковской области.

[113] «Заводными людьми» А. Опухтин называет тех переселенцев, которые отправлялись на новые места с хозяйственным инвентарем, со скотом, со всем имуществом и имели в виду завести (отсюда и слово «заводные») там пашню или какие-либо промыслы.

[114] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 92.

называют либо «войной 1676—1681 гг.»[115], либо «войной 1677—1678 гг.»[116], либо начальная дата войны точно не определяется, а указывается лишь конечная — Бахчисарайский мир 1681 г.[117]

Трудности в определении начальной даты войны понятны: официального начала, официального объявления состояния войны между Турцией и Россией в полном смысле слова не было. В 1672 г. произошло вторжение турецкой армии на Украину в связи с польско-турецкой войной. В войне на стороне Турции приняли активное участие крымские татары; при этом военные действия татар вскоре охватили принадлежавшие России земли Левобережной Украины и районы Белгородской черты. В 1673 г. русский отряд начал военные действия против турецких крепостей в низовьях Дона. Сложные взаимоотношения, сложившиеся между гетманской верхушкой на Украине, а также протурецкая позиция отдельных представителей казачьей старшины, способствовали закреплению турок на Украине. Но непосредственное сражение русских войск с турецкой армией произошло лишь в 1677 и в 1678 гг.

Полезно выяснить, какими годами ограничивали русско-турецкую войну современники, какой взгляд имело на этот вопрос правительство царя Федора Алексеевича. Здесь нам на помощь приходит сохранившийся в делах Севского стола Разрядного приказа черновик царской грамоты, посланной в Севск весной 1681 г. и извещавшей русские войска об успешном для России окончании войны. Грамота адресована боярину В. В. Голицыну, который, находясь в Севске, номинально считался

[115] Очерки истории СССР, с. 25, 518 (авторы соответствующих разделов — А. А. Новосельский, Я. Е. Водарский); Мещеряков Г. П. Русско-турецкие войны 17—19 вв. — Советская историческая энциклопедия. М., 1969, т. 12, с. 374. Подобного суждения придерживался прежде и автор этих строк (см. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 286).

[116] Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. — Учен. зап. МГУ, М., 1946, вып. 94, т. 2, с. 125, 173.

[117] См., например: Дипломатический словарь. М., 1948, т. 1, с. 217. Примерно в таком же духе писал о русско-турецкой войне еще более ста лет назад С. М. Соловьев, считавший, что война началась при Алексее Михайловиче, а царь Федор, вступив на престол в 1676 г., «наследовал от отца... войну турецкую» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 197).

командующим всеми русскими войсками, действовавшими против турок и татар. В документе сообщается, что русские посланники В. М. Тяпкин и Н. М. Зотов «будучи в Крыму у Мурат-Гирея хана учинили по нашему, великого государя указу с салтаном турским и с ним, ханом крымским, перемирье от нынешнего 189-го года, от генваря месяца, впредь на дватцать лет» [118]; объявляется благодарность русским воинам, которые сражались, «поборая предкам своим и показав природную свою воинскую храбрость» [119]; сообщается о награждении участвовавших в войне дворян («из поместей с 100 чети — по 20 дать в вотчину») [120].

Для нас в данном случае наиболее интересны первые строки документа, где указывается год начала войны: «От царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца боярину нашему и воеводе князю Василью Васильевичу Голицыну. В прошлых годех, со 181-го году, при державе отца нашего [следует титул царя Алексея Михайловича. — *В. З.*] турской салтан всчал войну и при нашей [следует титул царя Федора Алексеевича. — *В. З.*] державе присылал войною под Чигирин и к иным нашим государевым малоросиийким городам везиря своего и пашей розных владенья своего земель со многочисленными ратьми и крымского хана с ордами...» [121].

Итак, грамота четко датирует начало войны «181-м годом», при этом подчеркивается агрессивный характер войны со стороны Турции, которая посылала свои войска на земли России.

Но как лучше расшифровать слова «со 181-го году»? Как их правильно понять, имея в виду современное летосчисление: [122] «с осени 1672 года» или «с весны 1673 года»?

Если обратиться к русским документам осени 1672 г., то они говорят о неизбежности войны России с Турцией, о подготовке к предстоящей войне, но не о начавшейся уже войне. Война представлялась осенью 1672 г. для Рос-

---

[118] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 338, л. 100—101.
[119] Там же, л. 98, 105.
[120] Там же, л. 109.
[121] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 338, л. 96—98.
[122] «181-й год» (7181 г.) продолжался с 1 сентября 1672 г. по 31 августа 1673 г.

сии неизбежной; это видно и по сбору денежных средств на войну, и по переписке с донскими казаками, и по решению о постройке к весне судов для морского похода и удара по Крыму, и по целому ряду других мероприятий. Но турецкая агрессия против России началась в полной мере лишь весной 1673 г., когда по приказу турецкого султана крымский хан Селим-Гирей бросил в атаку на русские земли «весь Крым», когда десятки тысяч татар попытались, говоря языком документов того времени, «проломить Белгородскую черту» между Новым Осколом и Верхососенском [123].

Исходя из объективной оценки событий, а также учитывая официальную точку зрения русского правительства, мы считаем правильным датировать русско-турецкую войну 1673—1681 гг.

В истории русско-турецкой войны выделяются, по нашему мнению, три периода, охватывающие соответственно 1673—1676, 1677—1678 и 1679—1681 гг. Первый период (1673—1676 гг.) характеризуется татарским натиском на огромной территории, практически постоянными столкновениями русской подвижной армии и гарнизонов южных городов с татарами, действиями русских войск на Украине против ориентировавшегося на Турцию гетмана П. Дорошенко и русского отряда — далеко на левом фланге, в низовьях Дона. Во втором периоде войны (1677—1678 гг.) дважды развертывается ожесточенное сражение русских войск со вторгшейся на Украину турецкой армией. Бои идут в одном месте — под Чигирином, остальные районы русско-турецких и русско-татарских столкновений временно как бы отходят на задний план. И, наконец, в третьем периоде войны (1679—1681 гг.) Турция, получившая от России достойный отпор, не предпринимает собственных активных действий, ограничиваясь в основном (как и в первом периоде) посылкой в русские пределы крымских татар. Именно на третий, заключительный период войны и приходится строительство новой укрепленной линии в России — Изюмской черты, историю которой мы рассматриваем в данной книге.

Несколько слов следует сказать и о конечной дате русско-турецкой войны. Н. А. Смирнов, подробно опи-

---

123 См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 285—286.

савший в своей монографии «Россия и Турция в XVI—XVII вв.» сражения под Чигирином в 1677 и 1678 гг., постоянно употребляет выражение: «война 1677—1678 гг.». Полагать, однако, что война закончилась в 1678 г., нет оснований. По документам 1679—1680 гг. хорошо видно, что русское правительство в эти годы без всякого сомнения считало войну с Турцией продолжавшейся.

Из предложенной нами датировки русско-турецкой войны 1673—1681 гг. вытекают по меньшей мере два вывода, важных для понимания логики нашего последующего исследования. Первый вывод состоит в том, что середину 70-х гг. XVII в. (т. е. годы, предшествовавшие строительству Изюмской черты) для южнорусского края, для районов Белгородской черты и особенно для русских земель «за чертой» следует считать военным временем. Нам могут возразить, сказав, что борьбу с татарами население юга России в XVII в. вело постоянно. Думается, что такое возражение недостаточно обосновано. Татарский натиск на южную окраину России в разные годы был различным, иногда он затихал совсем. В борьбе России с Крымским ханством, в отражении русским и украинским народами турецко-татарской агрессии в XVII в. были свои приливы и отливы, были и боевые, и относительно спокойные периоды. Это хорошо видно при массовом изучении документов.

Второй вывод заключается в том, что Изюмская черта строилась не в мирное время (как, например, отдельные участки Белгородской черты), а целиком в годы войны. Это определило недостаточную подготовленность и качество инженерных работ при их быстром темпе, своеобразно повлияло (опять-таки в сравнении с Белгородской чертой) на социальный состав строителей.

На первом этапе русско-турецкой войны (1673—1676 гг. по нашей периодизации) русская армия вела боевые действия в основном в трех местах: 1) на Украине — против гетмана Дорошенко и татар; 2) у Белгородской черты против крымских татар, а затем (1674 г.) и калмыков; 3) в районе Азова против турецких крепостей.

Мы не видим необходимости подробно рассматривать историю военных столкновений русского и украин-

ского населения с татарами в 1673—1676 гг. и происходивших в это же время военных событий на Украине. Отметим только, что зимой 1673/74 года солдаты и рейтары Белгородского полка в связи с походом против гетмана П. Дорошенко не распускались по домам. Этот факт объясняет значительное увеличение числа побегов солдат из армии именно в 1674 г.

Белгородская черта в эти трудные годы стала надежным заслоном на пути татар. Даже в 1673 г., когда крымские татары Селим-Гирея разрушили участок земляного вала восточнее Нового Оскола и прорвались через черту, район их разбоя ограничился в основном небольшой территорией Новооскольского, Верхососенского и Усердского уездов. Селим-Гирей, опасаясь окружения и удара русского отряда со стороны низовьев Дона по Крыму, поспешил убраться восвояси. В 1673—1676 гг. мелкие и крупные татарские отряды подходили почти беспрерывно к отдельным укреплениям Белгородской черты и всюду получали решительный отпор [124].

Немного подробнее мы решили рассказать о посылке русских войск в низовья Дона и боевых действиях русского отряда и донских казаков против турок и татар в восточном Приазовье в 1673—1677 гг. Это представляется целесообразным по двум причинам. Во-первых, комплектование русского отряда для отправки под Азов затронуло широкие массы населения в районе Белгородской черты, а военные действия под Азовом в течение четырех лет отвлекали значительные силы татар от южнорусской окраины. В этом смысле события под Азовом влияли и на социально-экономическую и на военно-политическую обстановку, складывавшуюся на первом этапе русско-турецкой войны под Белгородом и Воронежем, под Царевом-Борисовом и Валуйками. Во-вторых, и это главное, в исторической литературе боевые действия русских войск в Приазовье в 1673—1677 гг. еще не получили достаточного освещения, и это также побуждает нас обратить на них бо́льшее внимание.

Инициатором похода русских войск к Азову можно считать боярина Артамона Сергеевича Матвеева, возглавившего Посольский приказ и русскую внешнюю политику в начале 70-х гг. [125] Это хорошо почувствовали

[124] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 266—267.

[125] А. С. Матвеев был фактическим главой русского правитель-

донские казаки. Любопытно, что войсковой атаман и донские старшины наряду с официальными отписками на имя царя в это время часто шлют письма непосредственно А. С. Матвееву.

Для перевозки русских войск в низовья Дона решено было построить несколько сот речных транспортных судов (дощеников), а для действий в море — 30 больших морских стругов и 30 «чернопроточных» стругов (последние предназначались для плавания в море вблизи берегов). Морские суда строились под Лебедянью под руководством Якова Полуектова (руководившего перед этим строительством корабля «Орел» на Оке) и при технической консультации трех донских казаков, опытных в морском деле. В строительстве речных и морских судов приняли участие тысячи служилых людей из южнорусских городов[126].

Русские войска отправились в низовья Дона на судах из Воронежа 25 апреля 1673 г. в составе двух солдатских полков и восьми стрелецких приказов (всего 7941 человек) под началом воевод И. С. Хитрово и Г. И. Косагова[127]. Однако, уже за первый месяц, в пути от Воронежа до казачьего городка Сиротина из армии бежало 734 стрельца. К Черкасску войска прибыли 13 июня и расположились лагерем на левой стороне Дона, где построили свой «городок». Побеги продолжались и из-под Черкасска; 13 августа налицо было 7029 русских ратных людей, 5 сентября — 6702 человека[128].

Лучшую в военном отношении часть отряда И. С. Хитрово составляли два солдатских полка и приказ московских стрельцов; но «городовые стрельцы» были значительно менее боеспособны и, как все служилые люди «городовой службы», вообще не предназначены

ства до 1676 г. После смерти царя Алексея Михайловича и вступления на престол Федора Алексеевича в 1676 г. А. С. Матвеев, как известно, был отстранен от дел и сослан.

[126] См. Загоровский В. П. Судостроение под Воронежем в XVII веке. — Труды Воронежск. обл. краевед. музея. Воронеж, 1960, вып. 1, с. 67—70.

[127] ЦГАДА, Донские дела, 1673 г., ед. хр. 13, л. 59.

[128] Там же, ед. хр. 12, л. 20—24.

Н. А. Смирнов, не указывая источника, пишет, что на Дон с И. Хитрово и Г. Косаговым прибыло 6098 ратных людей (см. Смирнов Н. А. Указ. соч., т. 2, с. 129). Документами это число не подтверждается.

для далеких походов. Весной 1673 г. по царскому указу для отправки к Азову выделялась третья часть стрелецких гарнизонов из южнорусских городов[129].

Турки успели подготовиться к отражению русского удара и направить в Азов подкрепления. В мае 1673 г. в Азов пришли 33 каторги (галеры), доставившие 1500 янычар, а также камни и известь для укрепления стен. Позже в августе, из Турции прибыло еще 25 каторг с пополнением для азовского гарнизона[130].

И. С. Хитрово решил начать военные действия с осады и штурма Каланчинских башен, хотя донские казаки предлагали идти сразу на Азов. 5 августа в штурме Каланчинских башен приняли участие 4919 русских солдат и стрельцов и примерно 5000 донских казаков. Туркам удалось удержать башни[131]. Русские войска продолжали оставаться у башен до 26 августа. За это время солдаты, стрельцы и донские казаки раскопали полузасохший проток — Казачий ерик и пропустили по нему в р. Каланчу[132], а затем в Азовское море, отряд из 350 человек на 11 чернопроточных стругах во главе с атаманом М. Самарениным. После этого русские войска сняли осаду башен и вернулись в свой городок напротив Черкасска[133]. Отряд М. Самаренина прошел морем к устью р. Миуса с целью укрепиться там и выбрать место для возможного строительства русской крепости.

В 1674 г. в Приазовье решено было направить новые войска во главе с П. И. Хованским и Я. Т. Хитрово. Общее командование передавалось князю Петру Ивановичу Хованскому[134]. Он должен был построить крепость в устье р. Миуса у Азовского моря, чтобы «к Азову ни с чем кораблей и каторг не пропускать»[135]. С ним отправлялся для строительства крепости иноземец Николай Лим. Таким образом, правительство боярина

---

129 Например, из Воронежа — 133 стрельца, из Коротояка — столько же (ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 808, л. 722).

130 ЦГАДА, Донские дела, 1673 г., ед. хр. 9, л. 5—9; ед. хр. 12, л. 31; Смирнов Н. А. Указ. соч., т. 2, с. 129.

131 Там же, ед. хр. 12, л. 21, 28.

132 Река Каланча — один из рукавов донской дельты.

133 ЦГАДА, Донские дела, 1673 г., ед. хр. 12, л. 2; ед. хр. 12а, л. 2 об.; ед. хр. 16, л. 11.

134 Там же, 1674 г., ед. хр. 10, л. 119—120.

135 Там же, 1675 г., ед. хр. 13, л. 8.

А. С. Матвеева понимало, что блокада Азова с моря — необходимое предварительное условие для взятия Россией этой турецкой крепости. Подобную идею через 22 года осуществил с успехом Петр I.

Военная обстановка в Приазовье в 1674 г. сложилась неблагоприятно для русских войск и донских казаков. Турки и татары вновь укрепили Каланчинские башни, поврежденные во время штурма 5 августа 1673 г. В начале 1674 г. России изменили кочевые калмыки, которых русское правительство расценивало как союзников в боевых действиях на Дону. Зимой и весной 1674 г. калмыки подвергли опустошению десятки донских казачьих городков, расположенных по Дону, Хопру и Медведице[136], нападали они и на русские поселения в районе Белгородской черты.

Русским солдатам и донским казакам не удалось до прихода войск П. И. Хованского удержать новый городок в устье Миуса. Главный удар татар в 1674 г. был направлен в Приазовье против этого городка. Татары сожгли городок и уничтожили находившиеся там чернопроточные струги. Чтобы помешать русским вновь закрепиться в устье Миуса, крымский хан послал туда «на кочевье» 4000 конных татар[137].

В 1674 г. русское командование попыталось использовать морские суда, построенные за год до этого под Лебедянью. Используя разлив Дона (половодье в 1674 г. было очень большим), в стороне от турецких крепостей прошли в Азовское море 25 морских стругов с русскими солдатами, стрельцами и донскими казаками. Начальником отряда был полковник Г. Косагов, предполагавший пройти морем к р. Миусу. Однако у мыса Кезарог стоял наготове турецкий галерный флот, и, не приняв боя, Г. Косагов вернулся обратно[138].

Прибытие в конце лета 1674 г. новых войск во главе с П. Хованским не изменило коренным образом обстановки в низовьях Дона. Построить русскую крепость на Миусе П. Хованскому не удалось. Прямой путь от Черкасска к Миусу по-прежнему находился под ударом

---

[136] ЦГАДА, Донские дела, 1674 г., ед. хр. 3, л. 4—8; ед. хр. 16, л. 109. Калмыки в начале 1674 г. совершили нападение на 61 казачий городок.

[137] ЦГАДА, Донские дела, 1674 г., ед. хр. 16, л. 109.

[138] Там же, л. 107—108.

татар, к тому же донские казаки отказались участвовать в строительстве крепости.

В 1675 г. на Дон были направлены новые войска во главе с князем И. М. Кольцовым-Мосальским. После неудачи со строительством крепости на Миусе русское правительство решило в 1675 г. построить сразу три крепости на Казачьем ерике[139], чтобы таким путем обеспечить блокаду Азова и беспрепятственный проход русских судов в море. Возведение крепостей на Казачьем ерике должно было начаться весной 1675 г., но даже приступить к нему не удалось. План устройства русских крепостей непосредственно в устье Дона встретил резкое противодействие со стороны всей массы донского казачества (за исключением нескольких старшин).

В условиях фактически продолжавшейся войны с Турцией русское правительство испугалось вспышки восстания на Дону и пошло на уступки, стараясь привлечь на свою сторону не только старшин, но и более широкий слой низового казачества.

В 1676 г. на Дон через Воронеж было послано пополнение русских войск во главе с воеводой Иваном Волынским. Отряд Волынского отправился «на перемену первой трети», т. е. в качестве смены войскам, прибывшим на Дон еще в 1673 г. с И. С. Хитрово[140]. И. Волынский сменил на Дону П. Хованского и И. Кольцова-Мосальского и принял общее командование.

Весной 1677 г., когда турецкая армия готовилась к вторжению на Украину, И. Волынский активизировал военные действия в районе Азова. Донские казаки организовали в это время успешный морской поход против татар, а затем совместно с русскими солдатами и стрельцами выступили под Азов. В бою под Азовом И. Волынский умело использовал флот, расположив суда с пушками на Казачьем ерике и защитив этим наступавших к Азову солдат и донских казаков от возможной вылазки турок из Каланчинских башен. Добиться воен-

---

[139] В настоящее время этого протока в донской дельте не существует, но на картах конца XVII — начала XVIII в. (в частности, на известной карте А. Шхонбека) Казачий ерик показан и надписан. Он отходил от основного русла Дона выше Каланчинских башен и соединялся с р. Каланчой. Местность между Азовом и Каланчинскими башнями хорошо просматривается с Казачьего ерика.

[140] ЦГАДА, Донские дела, 1666 г., ед. хр. 13 с., л. 2 об.

ного успеха под Азовом И. Волынскому, однако, не удалось.

Летом 1677 г. правительство царя Федора Алексеевича решило отозвать все русские войска из-под Азова. После заключения перемирия под Азовом начался размен пленных. Осенью русские войска покинули низовья Дона, разрушив перед этим свой «городок» на левом берегу Дона, напротив Черкасска[141]. Воевода И. Волынский отплыл со своим отрядом вверх по Дону на 47 судах; зима застала Волынского в городке Урыве, где русские войска покинули суда[142].

Вряд ли решение об отзыве русских войск из-под Азова было правильным с военной точки зрения. Находясь под Азовом, готовя сухопутные и морские наступательные операции, русские войска в 1673—1677 гг. отвлекали на себя весьма значительные силы турок и татар. Теперь же турецкое правительство получило возможность бросить отборный азовский гарнизон и крупные силы татар на Украину, а также в районы Белгородской черты. Это было осуществлено Турцией в полной мере[143].

---

141 ЦГАДА, Донские дела, 1677 г., ед. хр. 18, л. 1—5.

142 Там же, столбцы Белг. ст., № 834, л. 43.

143 Уже в июле 1677 г. татарский отряд в тысячу человек, находившийся до этого под Азовом, совершил стремительный бросок к Белгородской черте, к Новому Осколу (ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 310, л. 642). См. об этом также во второй главе.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ИЗЮМСКОЙ ЧЕРТЫ

1. Планы возведения русских укреплений между р. Тихой Сосной и Валуйским лесом до 1678 года

ооружение новой русской укрепленной линии — Изюмской черты началось в 1679 г. с возведения земляного вала от р. Тихой Сосны к Валуйскому лесу. Укрепления Изюмской черты отошли к югу от старой Белгородской черты в районе г. Усерда, в верхнем течении Тихой Сосны. Но почему именно здесь образовалась своеобразная развилка Белгородской и Изюмской укрепленных линий? Почему сначала стала возводиться восточная, а не западная и не центральная части Изюмской черты? Случайность это или закономерность?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно сделать отступление в предысторию Изюмской черты и рассказать о планах возведения русских укреплений между р. Тихой Сосной и Валуйским лесом, возникавших в ходе и после сооружения Белгородской черты. Эти планы начали осуществляться в конце 70-х гг. XVII в. и, заметно изменившись, получили свое реальное воплощение в 1680 г. в виде Изюмской черты.

Впервые предложение о строительстве земляного вала от р. Тихой Сосны в направлении к Валуйскому лесу было выдвинуто в конце 1636 г. руководителями русской военно-топографической экспедиции Федором Варфоломеевичем Сухотиным и Евсеем Юрьевым. Деятельность этой экспедиции подробно рассмотрена нами в монографии «Белгородская черта»[1]. Ф. Сухотин и Е. Юрьев считали, что земляной вал должен отходить от Тихой Сосны против впадения в нее речки Усерда, от Черемховой Луки. Экспедиция, как известно, наметила контуры будущей русской укрепленной линии от границы России с Польшей до Дона, при этом предложение об устройстве земляного вала от р. Тихой Сосны к Валуйскому лесу было частью общего плана.

Одновременно Ф. Сухотин и Е. Юрьев предложили возвести Яблоновский земляной вал западнее р. Оскола. Поскольку в этом случае у татар появлялась возможность выйти в тыл русским укреплениям у Валуйского леса через перелазы на р. Осколе, руководители экспедиции наметили строительство вспомогательных укреплений вдоль р. Оскола. В этом случае контуры русской укрепленной линии восточнее р. Оскола составили бы выгнутую к югу дугу.

Следует подчеркнуть, что двухмесячная деятельность экспедиции Ф. Сухотина и Е. Юрьева протекала при непосредственном участии местных жителей — служилых людей южнорусских городов Белгорода и Оскола. Предлагая насыпать земляной вал р. Тихая Сосна — Валуйский лес, Ф. Сухотин и Е. Юрьев имели в виду более полно использовать природные особенности местности для создания линии укреплений. В этом случае в планируемую линию включался бы большой лесной массив по течению р. Валуя, по сути дела «на черте» оказался бы уже существующий город-крепость Валуйки.

Предложения Ф. Сухотина и Е. Юрьева, сделанные с учетом мнений знатоков местности, представляли собой четкую и в общем неплохо разработанную программу создания крупной русской укрепленной линии на юге страны. В ходе строительства Белгородской черты они, однако, были осуществлены далеко не полностью.

---

[1] См. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 91—94.

Хотя Боярская дума утвердила план Ф. Сухотина и Е. Юрьева, а царь Михаил Федорович лично рассмотрел представленные ими чертежи, Разрядный приказ уже летом 1637 г. отверг идею немедленного строительства земляного вала к югу от р. Тихой Сосны. За основу были взяты не предложения Федора Сухотина, а доводы воеводы Ивана Бутурлина, посланного для постройки первого русского города на берегах Тихой Сосны — Усерда. И. Бутурлин сообщил о том, что местность у Тихой Сосны не соответствует, мол, описанию Ф. Сухотина и Е. Юрьева, что о бродах на Тихой Сосне «Федор Сухотин писал ложно»[2] и что строить земляной вал к Валуйскому лесу не следует, поскольку в тех местах нет воды[3]. Как нам представляется, И. Бутурлин руководствовался в данном случае не государственными, а личными интересами; его придирки к Ф. Сухотину не являлись обоснованными.

В результате в 1637 г. вместо намеченных укреплений между Тихой Сосной и р. Осколом были построены лишь два небольших стоялых острожка: Раздорский и Осиновый. Эти острожки никак не могли заменить собой земляного вала, и Кальмиусская дорога фактически не была перекрыта. Мало улучшил русскую оборону и еще один новый острожек — Жестовой, построенный в 1643 г. на восточном берегу р. Оскола (у Жестовых гор). Служилые люди с его стен могли только наблюдать за движением татар, нередко огибавших верховья Тихой Сосны при вторжении в Россию по Кальмиусской дороге.

В 1646—1647 гг. русское правительство резко активизировало работы по сооружению укрепленной линии на южных рубежах государства. В 1647 г. был построен г. Царев-Алексеев (Новый Оскол) и начато сооружение земляного вала между р. Осколом у г. Царева-Алексеева и верховьями р. Тихой Сосны. Работы по сооружению вала велись в общем успешно в течение нескольких лет. Тогда же, в конце 40-х гг. XVII в., определились географические контуры Белгородской черты между реками Осколом и Тихой Сосной; укрепленная линия прошла не дугой, как рекомендовали Ф. Сухотин и Е. Юрьев,

---

[2] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 85, л. 7.

[3] Там же, № 84, л. 323—325.

а напрямик от Царева-Алексеева к Верхососенскому лесу с запада на восток; Валуйский лес и г. Валуйки остались «за чертой»[4].

В 1650 г., когда работы по сооружению Белгородской черты близились к концу, русское правительство вспомнило о предложениях Ф. Сухотина и Е. Юрьева по поводу строительства укреплений южнее р. Тихой Сосны. Общим руководителем работ на Белгородской черте был тогда знатный русский вельможа, боярин Борис Александрович Репнин. По заданию Б. А. Репнина воевода г. Царева-Алексеева Степан Вельяминов измерил, описал и нанес на чертеж местность, лежащую южнее только что построенного земляного вала. Он ездил вниз по р. Осколу, а также от Царева-Алексеева в юго-восточном направлении через Осиновый острожек к Валуйскому лесу, «по речке по Валую», к речке Полатовке и «до Усерда»[5].

Осенью 1650 г. во время осмотра укреплений Белгородской черты уже сам Б. А. Репнин ездил от Усерда к Валуйскому лесу, он осмотрел также местность за новооскольским валом. Отчет Б. А. Репнина, на наш взгляд, по глубине содержания, по четкости предложений и выводов значительно уступает отчету Ф. Сухотина и Е. Юрьева. «Под Полатовым лесом я... не был», — писал Б. А. Репнин[6]. В случае строительства земляного вала от р. Тихой Сосны к Валуйскому лесу Б. А. Репнин считал необходимым устройство в конце вала нового города.

В начале 50-х гг. XVII в. перед русским правительством стояла задача завершения строительства Белгородской черты, и вопрос о возведении дополнительных укреплений к югу от нее, естественно, не получил развития. Следует учесть и то обстоятельство, что служилые люди юга России были к этому времени измучены постоянными военно-строительными работами. Просьбы об уменьшении повинностей по строительству укреплений шли в Москву одна за другой. Лишь с огромным трудом правительству удалось осуществить осенью 1650 г.

---

[4] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 124—126.

[5] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 914, л. 137—138.

[6] Там же, л. 140. Говоря о Полатовом лесе, Б. А. Репнин имел в виду часть Валуйского леса, прилегающую к речке Полатовке.

очень важное в военном плане мероприятие: перенос г. Белгорода с левого берега Северского Донца непосредственно к земляному валу, на правый берег реки.

Хотя поездка Б. А. Репнина к Валуйскому лесу не дала ощутимого результата в виде решения о строительстве земляного вала, она почему-то надолго запомнилась населению южной окраины России. О поездке Б. А. Репнина неоднократно вспоминали и в Москве и на юге России в 70-х гг. XVII в., когда началась подготовка к сооружению Изюмской черты. Даже в 1685 г. русские жители г. Полатова в своей челюбитной писали о событии 35-летней давности: о том, как Б. А. Репнин ездил к р. Валую и «чертил чертеж»[7].

После поездки Б. А. Репнина в течение двух десятков лет серьезных предложений о строительстве укрепленной линии к югу от Нового Оскола и Усерда не выдвигалось. В 50 и 60-х гг. XVII в. Россия вела тяжелые войны с Польшей и Швецией; главным направлением в русской внешней политике было западное. Но планы возведения земляного вала к верховьям р. Валуя полностью не были забыты. Имеются сведения о том, что острогожские черкасы просили включить построенный ими «за чертой» в 1671 г. городок Полатов в систему южнорусских укреплений[8]. В документах Чугуевской приказной избы сохранилось упоминание об осмотре тех же урочищ, где некогда побывал Б. А. Репнин, «в 183-м году» (1674/75 г.), Андреем Щепотевым и подьячим Алексеем Поповым[9].

Вновь вопрос о строительстве укрепленной линии южнее Нового Оскола встал на очередь дня в связи с вторжением турецкой армии на Украину и Чигиринским сражением 1677 г. Участок Белгородской черты восточнее Нового Оскола, где крымские татары под руководством хана Селим-Гирея в 1673 г. «проломали» земляной вал, оказался уязвимым местом в русской обороне. Татарские отряды направлялись именно к этому «проломному месту», угроза прорыва здесь крупных сил врага через Белгородскую черту стала весьма реальной.

---

[7] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 843.

[8] Там же, № 952, л. 258.

[9] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 105, л. 3.

15 июля 1677 г., когда воевода Белгородского полка Г. Г. Ромодановский собирал войска в Курске и готовился выступить против турок к Чигирину, под Новым Осколом произошло столкновение русских воинов с татарским отрядом. Пленный татарин показал, что численность пришедших к Новому Осколу татар составляла 1000 человек, что этот отряд во главе с мурзой Амет-Агой сначала охранял Азов от донских казаков и что затем мурза повел отряд «в войну» под Новый Оскол [10].

Татарам удалось прорваться через «обозженый вал»; в пределах Новооскольского и Верхососенского уездов они захватили довольно значительный «полон»: 525 мужчин, женщин и детей [11]. Есть основание полагать, что диверсия Амет-Аги, совершившего бросок из Азова к Новому Осколу, имела целью, кроме обычного захвата пленных, затруднить сбор русской армии и выступление ее к Чигирину, навстречу вторгшимся на Украину турецким войскам.

Местом сбора основных сил русской армии, направлявшейся на войну с Турцией, был избран Курск — административный центр Белгородского полка. Здесь под общим командованием воеводы Белгородского полка князя Г. Г. Ромодановского собралась летом 1677 г. русская армия в составе 48 866 человек (33 038 — конных и 15 828 — пеших воинов) [12]. Бóльшую часть армии Г. Г. Ромодановского составляли ратные люди Белгородского полка (26 731 человек). Здесь собрались также ратные люди Севского полка (5229 человек) и так называемая «прибылая рать», в составе которой также находились боеспособные части, сформированные из дворян и детей боярских различных городов России (4 рейтарских, 1 драгунский, 2 выборных солдатских полка). Вспомогательные военные силы на юге России расположились в Путивле (под командованием В. В. Голицына), Мценске (под командованием П. И. Хованского) и Рыльске (под командованием И. В. Бутурлина) [13].

Сначала Г. Г. Ромодановский в своих донесениях сообщал о плохом материальном обеспечении русской

---

[10] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 310, л. 642.
[11] Там же, столбцы Белг. ст., № 1153, л. 260.
[12] Там же, столбцы Сев. ст., № 310, л. 504.
[13] Там же, л. 759.

армии[14]. Но затем 29 июня в Курск прибыл большой обоз с денежным жалованьем для служилых людей[15], и жалобы подобного рода прекратились. Из Курска Г. Г. Ромодановский выступил в Левобережную Украину на соединение с гетманом Иваном Самойловичем. 8 августа он находился под Лубнами; оттуда послал очередное донесение в Москву и в тот же день двинулся к Днепру.

Сражение под Чигирином, развернувшееся 27 и 28 августа 1677 г., показало высокие боевые качества русских полков нового строя: рейтар и солдат. Турки потерпели полное поражение, их армия была разбита и спешно покинула Приднепровье[16].

Вскоре после окончания Чигиринского сражения 1677 г. у «проломного места» в Новооскольском валу вновь появился татарский отряд. Это произошло 2 сентября. Против татар выступили русские ратные люди из отряда П. И. Хованского, перешедшие перед этим из Мценска к Новому Осколу. 4 сентября в бою под Новым Осколом татары были разбиты наголову, весь захваченный татарами русский полон отбит[17].

Попытки прорыва татар через Новооскольский вал в 1677 г. нас интересуют не сами по себе. Именно эти события заставили русское правительство вновь обратиться к планам строительства укрепленной линии, которая прошла бы южнее Нового Оскола. Князю П. И. Хованскому Разрядный приказ поручил проверить на месте размеры разрушений на Новооскольском валу, узнать у местных жителей о том, когда вал был поврежден («как шол из Руси крымский хан[18] или в другое время?») и высказать свои соображения по такому вопросу: что лучше, исправить старый вал или построить южнее новые укрепления?[19]

---

[14] Он писал, в частности, о том, что многие «копейщики пеши», а «солдаты босы» (ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 310, л. 507).

[15] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 310, л. 553.

[16] См. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 522—524.

[17] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1155, л. 68—69.

[18] Дьяки Разрядного приказа вспомнили в данном случае о вторжении крымского хана Мухаммед-Гирея в Россию в 1659 г. (см. об этом: Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 278—280).

[19] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1153, л. 261, 467.

Одновременно дьяки Разрядного приказа распорядились записать «сказки» служилых людей — знатоков местности, которые по каким-либо причинам окажутся в Москве, например, приедут с воеводскими отписками-донесениями. В XVII в. подобная процедура распросов и записи «сказок» традиционно практиковалась в Разрядном приказе перед принятием решения о строительстве новых городов и укреплений на юге страны, особенно в тех случаях, когда не удавалось организовать предварительную тщательную разведку местности.

В 1677 г., в связи с татарскими прорывами через Новооскольский вал, в Разрядном приказе были записаны «сказки» курянина Полуекта Овсянникова, острогожского сотника Федора Васильева, валуйского казака Якима Самойлова и ряда других жителей южнорусской окраины. Знатоки местности посоветовали построить укрепления из земли и дерева впереди Новооскольского вала по уже известной нам дуге: г. Усерд — Валуйский лес — г. Новый Оскол[20]. Главной частью этих укреплений должен был стать земляной вал от Тихой Сосны к Валуйскому лесу. При этом казак Яким Самойлов сообщил, что за Усердом, в тех местах, которые когда-то «дозирал» боярин Репнин, есть вода. Верстах в пяти от Черемховой луки, «в Грачевых кустах», по словам Я. Самойлова, имелось «болотце с водою»; если же «в сухменное лето» болотце высохнет, то «можно быть колодезям»[21].

Вопрос о строительстве укрепленной линии южнее Новооскольского земляного вала был принципиально решен в Москве в 1677 г. В многочисленных справках Разрядного приказа, составленных в последующие годы, неизменно отмечается, что царь Федор Алексеевич указал «прибавить валу и всяких крепостей» южнее Усерда «со 185-го году»[22]. Не следует только забывать, что новая, сравнительно небольшая линия укреплений на первых порах планировалась с одной конкретной целью: закрыть пролом в Белгородской черте восточнее Нового Оскола. Лишь позже, в 1679—1680 гг., в усло-

[20] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 952, л. 261—262.

[21] Там же, л. 262.

[22] См., например: Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в. Документы и материалы по истории края/Сост. В. П. Загоровский. Воронеж, 1976, с. 82—83.

виях относительного затишья в русско-турецкой войне, России удалось во много раз перевыполнить намеченные ранее планы и соорудить здесь мощную и бо́льшую по протяженности укрепленную линию — Изюмскую черту.

Отвечая на вопросы, поставленные в начале этого параграфа, можно, таким образом, сказать, что место соединения Изюмской черты с Белгородской было выбрано не случайно, а исторически закономерно. Земляной вал от Черемховой луки к Валуйскому лесу, положивший начало Изюмской черте, прошел именно там, где его не раз предлагали и предполагали строить во время сооружения Белгородской черты.

2. Неудавшаяся попытка строительства укрепленной линии Усерд—Полатов—Новый Оскол в 1678 году

Как мы видели, вопрос о строительстве новой, сравнительно небольшой по протяженности, линии укреплений, впереди разрушенного татарами участка Белгородской черты, был в принципе решен в Москве в 1677 г. Но в Разрядном приказе предстояло еще разработать конкретный план строительства укреплений, определить состав строителей, сроки работ. Все это было тесно связано с общей военной обстановкой на юге России в то время.

Анализ документов Разрядного приказа позволяет выявить важную особенность в организации управления Белгородской чертой и территорией Белгородского разряда в целом, получившую распространение с 1678 г., в связи с русско-турецкой войной. В тех случаях, когда воевода Белгородского полка во главе армии отправлялся в длительный поход, русское правительство стало назначать нового, временного воеводу, в полное подчинение которого переходили городские воеводы и служилые люди городовой службы, а также оставшиеся части подвижной армии (солдатские и рейтарские полки). В 1678 г. во время похода Г. Г. Ромодановского к Чигирину таким временным воеводой Белгородского полка стал князь М. И. Лыков. Через год, в 1679 г., когда И. Б. Милославский отправился в «Киевский поход», обязанности Белгородского воеводы выполнял князь Я. С. Борятинский. В 1680 г. во время выступления

П. И. Хованского в сторону Киева, белгородским воеводой стал князь П. В. Шереметев. Временные воеводы в 1678—1680 гг. должны были размещаться не в Курске, а «на черте», причем в самом уязвимом ее месте — в Новом Осколе. Именно им поручалось руководство строительством новой укрепленной линии, которая должна была по первоначальному замыслу дьяков Разрядного приказа закрыть путь татарам к «проломному месту» в Белгородской черте.

Вернемся теперь к обзору военно-политической обстановки, сложившейся на южной окраине России в начале 1678 г. Победа над турками под Чигирином в 1677 г. показала силу и боеспособность русской армии, в первую очередь — полков «иноземного строя». Но война с Турцией продолжалась. Главной военной задачей России на юге по-прежнему являлось отражение натиска турецкой армии, которая готовилась к реваншу за поражение прошлого года. Распущенные на зиму по домам южнорусские служилые люди полковой службы ждали сигнала сбора. Новое вражеское наступление было неизбежным; казалось, что военные действия возобновятся ранней весной. Отвод русских войск из Приазовья, проведенный в 1677 г., как мы уже отмечали выше, развязал руки татарам. Угроза крупного татарского набега весной 1678 г. представлялась весьма реальной. Начинать хлопотливые работы по строительству новой укрепленной линии было пока нельзя, — это хорошо видели руководители Разрядного приказа.

В феврале 1678 г. воевода Белгородского полка Г. Г. Ромодановский послал письма-распоряжения всем подчиненным ему городским воеводам в пределах Белгородского разряда: в города «в черте, и по черте и за чертою». Вот что писал воевода: «Турской султан со многими ордами хочет итить войною под Киев и под Чигирин и на малороссийские городы, на Сырную неделю[23], и войска де ево турские все в зборе на Дунае и на Днестре, а пушки и всякие припасы приготовлены на сей стороне Днепра. А наперед себя турской же солтан велел крымскому хану со всеми крымскими и с ногайскими ордами итить нынешним ранним путем вскоре Муравским шляхом на его, государевы, украин-

[23] Сырная неделя — масленица.

ные и северские и малороссийские городы и чтоб отнять дорогу, и в Киев и в Чигирин ево, великого государя, ратных людей и хлебных запасов не пропустить»[24].

Сообщив о возможных планах врага, воевода Белгородского полка обращал внимание городских воевод на организацию разведки и четкой связи между городами, требовал готовности служилых людей полковой службы к походу, а служилых людей городовой службы и всего населения — к осаде в городах-крепостях.

Предположение о весеннем наступлении врага не оправдалось. Весной 1678 г. на южнорусской окраине было сравнительно спокойно. Турецкое наступление задерживалось, крупных татарских вторжений не произошло. Как нам представляется, весеннее относительное затишье на юге в какой-то мере дезориентировало дьяков Разрядного приказа.

Основные силы русской армии под начальством Г. Г. Ромодановского выступили к Днепру. Временным воеводой Белгородского полка был назначен стольник Михаил Иванович Лыков. Со своим «полком» он расположился в Новом Осколе. Значительную часть его войска составляли служилые люди приволжских городов, направленные в связи с русско-турецкой войной на южную окраину страны. Снабжение войск, собранных под начальством М. И. Лыкова, было организовано плохо. Воронежские документы сообщают о массовых побегах служилых людей из Нового Оскола в июне и июле 1678 г.[25] Среди беглецов были жители Казани, Симбирска, Алатыря, Пензы, Саранска. Саранские солдаты объясняли свое бегство тем, что они в Новом Осколе «оголодали»[26]. В Белгороде остался помощник М. И. Лыкова «сходный воевода» И. П. Лихарев со вспомогательным отрядом.

Поскольку наступление турецкой армии задерживалось, а татары весной 1678 г. не беспокоили южнорусскую окраину, Разрядный приказ, наконец, решился отдать распоряжение о начале строительства новой укрепленной линии. Это произошло уже в середине лета, 5 июля 1678 г. Укрепленную линию Усерд — Полатов —

[24] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5, с. 619.

[25] М. И. Лыков требовал от воронежского воеводы организовать заставы у Дона и ловить беглецов на переправах через Дон.

[26] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5, с. 593.

Новый Оскол (см. рис. 1) решено было строить немедленно силами служилых людей городовой службы и крестьян. Мы воспроизводим дальнейший ход событий, связанных с попыткой строительства в 1678 г. этой укрепленной линии, главным образом по воронежским документам, неплохо сохранившимся и в значительной мере опубликованным.

М. И. Лыков пишет воронежскому воеводе Максиму Карташову: «В нынешнем, во 186-м году, июля в 5 дни,

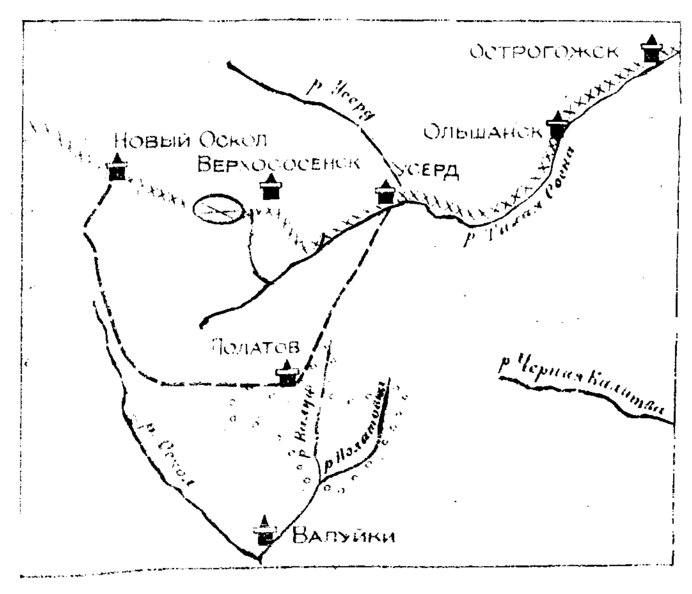

Рис. 1. Неосуществленный проект укрепленной линии Усерд — Полатов — Новый Оскол (1678—1679). Схематическая карта.

Условные обозначения:

города

Белгородская черта

«Проломное место» на Белгородской черте

Большой Валуйский лес

Намеченная укрепленная линия

по государеву цареву... указу из Розряду, каков к нам на Новой Оскол прислан за приписью дьяка Любима Домнина, велено нам вместо Новооскольского прежняго обожженного валу для береженья от приходу воинских людей устроить вал вновь от Усердского валу, от Черемховой луки, от реки Сосны к реке Валую и к новопостроенному Полатову-городку, и от Полатова вверх по реке Осколу до Нового Оскола перелазы и переполянья закрепить по тому ж валом же или деревянными всякими крепостьми, где какие крепости учинить мочно!...»[27]. М. И. Лыков требует от воронежского воеводы разделить служилых людей и крестьян на две половины, каждой половине работать на валу по шести недель. Норма — по полсажени земляного вала на двор. Дополнительного жалованья строителям, как можно думать, не полагалось. В Новый Оскол надо было послать «воронежцов городовые службы служилых и жилецких людей, и уездных помещиковых и вотчинниковых и монастырских крестьян и бобылей пополам, а зделать им первой и другой половины по розвытке волового дела на всякой двор по полусаженю, итого тысяча шестьсот шестьдесят одна сажень, а велено им, воронежцом, быть у того волового дела по шти недель»[28]. Аналогичные распоряжения, несомненно, были получены и в других городах Белгородского полка.

Предстоящая работа могла лечь очень тяжелым бременем на плечи южнорусского населения. Надо учесть, что наступало время жатвы, уборки урожая; отрыв половины мужского населения на строительство укрепленной линии тяжело отразился бы на хозяйстве тысяч служилых людей и крестьян.

Сбор строителей вала к Новому Осколу начался, но военная обстановка внесла очень скоро свои коррективы в планы Разрядного приказа. Турецкая армия вторглась на Украину; 18 июля турки подошли к Чигирину. Началось второе Чигиринское сражение. Одновременно на территории Белгородского полка появились отряды татар.

21 июля большой татарский отряд осадил Савинский городок на берегу Северского Донца. Гарнизон полтора дня сидел в осаде, в крепости («в городке»). Значитель-

[27] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5, с. 638.
[28] Там же, с. 639.

ная часть населения, оставшаяся за пределами крепости, была угнана в полон. Среди этой группы было много женщин и детей. Татары отогнали также скот. Как свидетельствуют донесения пленных татар, Савинский городок подвергся нападению азовцев и ногайских татар. Руководил набегом азовец Сулим-Ага [29].

От Савинского городка татары двинулись на северо-восток к р. Осколу, где подвергли страшному опустошению слободу Двуречную («Двуреченскую слободу всю сожгли, только остался один город» [30]). Слобода после такого разорения долго не могла оправиться. Через два года, во время строительства Изюмской черты, в слободе проживали 54 семьи русских и черкас, тогда как до татарского разорения, по словам сотника Григория Федорова, там было много служилых и жилецких людей: «человек с 200 и больше» [31].

В двадцатых числах июля татары «человек с тысячу» появились под Чугуевом, переправились через Северский Донец, захватили пленных и «с полоном отпустили кош за реку Донец» [32]. 1 августа татарский отряд прошел мимо Валуек вверх по р. Валую и по речке Полатовке в сторону Острогожска и Коротояка. В пересылаемых из города в город воеводских донесениях сообщалось также о движении татар по направлению к Белгороду.

Конец июля и начало августа 1678 г. были неподходящим временем для проведения инженерных работ большого масштаба. На Правобережной Украине под Чигирином шли кровопролитные бои с турецкими войсками; весьма опасными были и татарские набеги. Для укрепления Белгорода и западных участков Белгородской черты М. И. Лыков перешел со своим «полком» из Нового Оскола в Корочу. Строители укрепленной линии, направляемые в Новый Оскол, оказывались, попросту говоря, не у дел, без руководства.

2 августа в Короче воронежцы Тимофей Донской, Федор Добросоцкий, Наум Крисанов, Савва Клочков «с товарыщи» подали М. И. Лыкову коллективную челобитную на имя царя, прося их освободить от строи-

---

[29] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5, с. 583—584.
[30] Там же, с. 585.
[31] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 110.
[32] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5, с. 585.

тельства земляного вала «для рабочие поры». Как видно по тексту челобитной, основная масса строителей вала еще не была выслана из городов к месту работы. М. И. Лыков, находясь в Короче, естественно, не мог руководить строительством укреплений под Усердом и Новым Осколом. Просьба воронежцев была удовлетворена. М. И. Лыков пишет воронежскому воеводе: «И тебе, господине, по указу великого государя тех воронежцов, которым было велено быть для валового дела, для нынешнего походу и рабочие поры высылать не велеть до указу, а велеть им быть на Воронеже к тому валовому делу совсем наготове»[33].

В 1678 г. Г. Г. Ромодановский действовал под Чигирином в целом менее успешно, чем в 1677 г., но русские полки «иноземного строя» вновь показали высокие боевые качества. Ценой огромных потерь туркам удалось 12 августа взять разрушенный Чигирин; их армия была обескровлена, развивать наступление не могла и вскоре отступила из пределов Украины[34]. Русские войска отошли от Днепра. Вскоре Г. Г. Ромодановский был уже в Курске, откуда 26 августа разослал сообщения о ходе боев под Чигирином всем городским воеводам на территории Белгородского полка.

Вопрос о строительстве земляного вала к югу от Усерда и о перекрытии «проломного места» на Новооскольском валу в 1678 г. больше не поднимался. Полномочия М. И. Лыкова были исчерпаны, вернувшийся на свою прежнюю должность Г. Г. Ромодановский, как нам кажется, не горел желанием приниматься за хлопотливое «валовое дело». У него были другие заботы. В Москве итог Чигиринского сражения без достаточных оснований был расценен как серьезное поражение русской армии, и Г. Г. Ромодановскому предстояло держать ответ. В архиве сохранилась просьба Г. Г. Ромодановского об отзыве его из Курска в Москву и освобождении от должности воеводы Белгородского полка[35].

---

[33] ТВУАК, Воронеж, 1914, вып. 5, с. 639.
[34] См. Очерки истории СССР, с. 527—528.
[35] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1205, л. 739—745.

3. Начало возведения Полатовского земляного вала в 1679 году

В конце 1678 г. длительная служба Григория Григорьевича Ромодановского в должности воеводы Белгородского полка завершилась. 8 декабря 1678 г. в Москве был подготовлен наказ И. Б. Милославскому быть «на украйне в Курску» и сменить Г. Г. Ромодановского[36].

С. М. Соловьев называет Ивана Богдановича «самым энергическим из Милославских»[37]. Проявить свою энергию в Белгородском полку ему, однако, не удалось. Значительную часть пребывания на южнорусской окраине И. Б. Милославский провел в «Киевском походе». Турецкое наступление на Киев не состоялось и защищать Киев от врага ему не пришлось.

Общим командующим южнорусской армией («воеводой Большого полка») на летнюю кампанию 1679 г. назначался князь Михаил Алегукович Черкасский. Воеводе Белгородского полка предписывалось при необходимости быть с ним «в товарищах».

Документы свидетельствуют о том, что весна в 1679 г. на южнорусской окраине была холодной, под Чугуевом «мороз побил цветы травяные», и пасечники подкармливали пчел до цветения липы[38]. Но военная обстановка очень напоминала обстановку предыдущей весны. Вновь ожидалось турецкое наступление на Киев, можно было ждать и набега татар.

В связи с выступлением в «Киевский поход» И. Б. Милославского временным воеводой Белгородского полка был назначен князь Яков Семенович Борятинский. Под его командованием на территории Белгородского полка остались довольно значительные боевые силы, помимо служилых людей городовой службы.

В документах Разрядного приказа сохранилась запись, перечисляющая войска Белгородского полка, собранные на Белгородской черте и «за чертою» в конце лета 1679 г. Непосредственно в Новом Осколе с Я. С.

---

[36] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 996, л. 1.

[37] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 7, с. 196.

[38] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 105, л. 40.

Борятинским находилось 3146 человек, которые должны были в случае вражеского нашествия оборонять укрепленную линию. Этих людей «на Белогородцкой черте от приходу воинских людей велено оставить, и были в Новом Осколе с стольником и воеводою со князем Яковом Борятинским в полку»[39]. Основную часть новооскольской группы составлял Острогожский черкасский полк (1524 чел.) и солдаты из Нового Оскола, Усмани, Верхососенска и Острогожска (1126 чел.). Рейтар и копейщиков из тех же 4 городов было всего 183 человека, имелись также донские казаки «Белогородцкого полку городов»[40] и «даточные люди» из крестьян с территории Белгородского и Севского полков[41].

Наиболее многочисленный отряд — 9165 человек — находился в подчинении у генерала Григория Ивановича Косагова. Сюда входили: Курский рейтарский полк полковника Михаила Гопта (1192 чел. — куряне, обоянцы, белгородцы, судженцы, миропольцы), часть рейтарского полка полковника Франца Ульфа (588 чел. — белгородцы, болховчане, салтовцы, куряне, обоянцы), Сумской и Ахтырский черкасские полки (соответственно 3406 и 3527 чел.), а также солдаты Яблоновского полка[42]. Сначала, в связи с опасностью турецкого вторжения, группа генерала Г. И. Косагова выдвинулась в «малороссийские города», но в августе 1679 г. была переведена к Полатову.

Мы подробно перечислили войска, находившиеся летом 1679 г. под командованием Я. С. Борятинского и Г. И. Косагова, потому, что именно они по сути дела начали сооружать Изюмскую черту. Но это произошло не сразу; летом 1679 г. русское правительство вновь сделало попытку использовать для возведения вала служилых людей городовой службы.

Заканчивая рассказ о расстановке войск Белгородского полка у Белгородской черты и за чертой в 1679 г., следует добавить, что небольшой передовой отряд под командованием М. Опухтина находился в Валуйках (копейщики и рейтары из Валуек и Чугуева). Местом

---

[39] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 317.

[40] Речь идет о тех донских казаках, которые поступили на службу в русские города, но сохраняли свое прежнее наименование.

[41] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 317.

[42] Там же, л. 319—320.

расположения подвижной армии был также Харьков с окрестными городками. Летом 1679 г. Харьковский черкасский полк — в отличие от остальных черкасских полков, входивших в состав Белгородского полка, остался на своей территории. Общее количество подвижных войск Белгородского полка, собравшихся в конце лета 1679 г. на Белгородской черте и «за чертою», составляло по подсчетам дьяков Разрядного приказа, 16 027 человек[43]. В это число не входили служилые люди городовой службы.

Не следует также забывать, что, кроме Белгородского полка, на юге России в связи с опасностью турецкого наступления находились войска, собранные из центральных районов страны. Летом 1679 г. на территории Белгородского разряда оказался также отряд донских казаков, двигавшийся по распоряжению русского правительства из Черкасска в Киев. До Киева казаки не дошли, в конце июля 1679 г. они находились под Чугуевом, где вместе с русскими войсками приняли участие в отражении татарского набега.

На первых порах русское правительство предполагало осуществить намерение прошлого года: возвести основную часть планируемой укрепленной линии — земляной вал от г. Усерда к г. Полатову — силами служилых людей городовой службы и крестьян. Как и в прошлом году, всех строителей вала нужно было разделить на две половины, норма земляных работ предполагалась прежней. Это видно из письма елецкого воеводы, сообщавшего в августе 1679 г. (уже после принятия нового правительственного решения) следующее: «Ельчане всяких чинов работные люди наперед того высланы были к валовому делу пополам, и велено, государь, было им делать валового дела по полусаженю с двора»[44].

Имеются сведения, что Я. С. Борятинский пытался организовать предварительную разведку местности и узнать мнение знатоков-старожилов. Летом 1679 г. он искал «старожильцев», которые «досматривали валового дела» еще с Б. А. Репниным в 1650 г. Чугуевский воевода Иван Арнаутов донес Я. С. Борятинскому в

[43] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 321.
[44] Там же, л. 278.

Новый Оскол о том, что таковых в Чугуеве не нашлось[45].

Турецкого нашествия на Украину в 1679 г. не было, но татарские вторжения вновь, как и в 1678 г., чуть было не сорвали все намеченные и уже начатые военно-инженерные работы. 24 июля многочисленная орда, включавшая крымских, ногайских и темрюкских татар, подошла со стороны левобережья Северского Донца (от Изюмской дороги) к Чугуеву. По сообщению чугуевского воеводы в орде насчитывалось до 10 тысяч татар; в поход шли 30 мурз, к Чугуеву татар подвели проводники-калмыки. Враг переправился через Северский Донец «под посадом», захватил большой полон. От Чугуева основная масса татар двинулась на запад в сторону Харькова, часть повернула к востоку — на Печенеги. Руководили набегом мурзы Урус и Малбег[46]. Характерно, что к Белгородской черте татары даже не пытались подойти.

Как видно по документам, сохранившимся в фонде Донских дел ЦГАДА, русские войска под командованием К. М. Черкасского и воеводы К. П. Козлова при переправе через Северский Донец под Чугуевом серьезно потрепали татарский отряд численностью в 1500 человек. В этом бою совместно с русскими войсками против татар сражался отряд донских казаков под руководством Корнея Яковлева. Всем 600 донским казакам, бывшим в бою под Чугуевом, русское правительство послало особое денежное жалованье[47].

Черкасы Харьковского полка отразили татар у г. Ольшанки. Я. С. Борятинский доносил, что харьковский полковник Г. Донец, преследуя татар, ходил «за Мож, до речки Берестовой»[48]. Отсюда татарский отряд в тысячу человек («лучшие люди») отвернул в сторону, 4 августа 1679 г. подошел «изгоном» под Мурафу и Соколов, захватил пленных, отогнал скот. По донесению Я. С. Борятинского, мурафинский, соколовский и змиевский сотники с черкасами стали преследовать татар, отбили полон и стада и даже многих татар «потопили в

[45] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 105, л. 3—5.

[46] Там же, л. 28—29.

[47] ЦГАДА, ф. 111, Донские дела, 1679 г., ед. хр. 12, л. 3—5; ед. хр. 13, л. 8—9, 73—74.

[48] Там же, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 51.

реке Можи на переправе». Пленных татарских «языков» Я. С. Борятинский отослал в Москву[49]. Донские казаки преследовали татар до р. Береки[50].

Харьковский полковник Г. Донец сообщал, что в результате его преследования у р. Берестовой «орда росшиблась натроя». Один татарский отряд отвернул вновь к северу и Муравской дорогой прошел «под Мурафу и под Красный Кут и под Колонтаев». Вторая группа татар, как видно по другим документам, стала отходить на юго-восток, в сторону Азова. Основная масса татар отступала к югу. Эти татары двигались очень медленно; по словам Г. Донца «кони у них выгонены, и многие идут пехотою, без луков»[51]. Г. Донец считал возможным организовать погоню за этой ордой, но сам южнее р. Берестовой не пошел.

Сравнивая татарский набег 1679 г. с вторжениями татар в предыдущем году, можно отметить, что в целом южнорусская окраина пострадала намного меньше, чем в 1678 г. Татары получили достойный отпор. Район, потревоженный татарами, был сравнительно невелик; в отличие от 1678 г., татары в 1679 г. не разорили ни одного городка, ни одной крупной слободы.

Мы не располагаем сведениями о том, сколько саженей вала успели сделать «до татарских вестей» работные люди, собранные из городов Белгородского полка летом 1679 г. к Усерду. По всей вероятности, немного, хотя дело в общем уже было начато. Жители Землянска, вернувшиеся в город, сообщили, что они сделали 40 саженей; кроме того, за землянского воеводу и подьячего «наемщики» сделали 6 саженей[52]. В конце июля, в связи с появлением татар, работы на валу были остановлены, а строители вала распущены. Было приказано «валовое полатовское строенье отставить».

Разрядный приказ решил возобновить работы на валу с 1 сентября 1679 г. и при этом коренным образом изменить состав строителей. Для возведения вала решено было использовать не только служилых людей

---

[49] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 34, 60.

[50] Там же, ф. 111, Донские дела, 1679 г., ед. хр. 13, л. 8—9; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Собр. А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1891, т. 1, с. 104—105.

[51] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 105, л. 30—31.

[52] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 71.

городовой службы и крестьян, но и собранную на территории Белгородского полка подвижную армию.

По сравнению с прежней нормой число строителей вала из служилых людей городовой службы и крестьян сокращалось. Вместо половины служилых людей и крестьян, нужно было направить к 1 сентября на вал от 10 дворов по 1 человеку, при этом каждый выделенный работник должен был сделать осенью одну сажень земляного вала. Следует, однако, учесть, что это было уже второе в течение года и к тому же неожиданное для населения юга России дополнительное задание по строительству вала. Неудивительно, что в ряде городов оно вызвало резко отрицательную реакцию. Так, жители Елецкого уезда «учинились непослушны». Елецкий воевода разослал во все станы уезда посыльных и пригрозил «бить кнутом» тех детей боярских, которые не поедут на работу[53].

В Землянске царская грамота о высылке работных людей к валу была получена 10 августа 1679 г. Подписал ее дьяк Разрядного приказа Федор Шакловитый. Правительство требовало: «На работу к тому делу изготовить городовые службы служилых всяких чинов людей, и со властелинских, и с монастырских, и с церковных, и с помещиковых, и с вотчинниковых крестьян и бобылей работников взять з десяти дворов по человеку»[54].

Соответствующие распоряжения из Разрядного приказа были посланы и в другие города Белгородского разряда. Выделить работных людей для строительства земляного вала должны были 15 городов «в черте» (Старый Оскол, Землянск, Обоянь, Ливны, Курск, Епифань, Елец, Талецкий, Чернавск, Чернь, Новосиль, Ефремов, Данков, Лебедянь, Мценск), 8 городов от Верхососенска «по черте налево» (Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогожск, Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж), 8 городов от Нового Оскола «по черте направо» (Новый Оскол, Яблонов, Короча, Белгород, Болховец, Карпов,

---

[53] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 278. По-видимому, ельчане так и не явились на Полатовский вал. В списке беглецов и оставшихся на валу работных людей, составленном Я. С. Борятинским 18 октября, жителей Ельца нет (там же, л. 254—255).

[54] Там же, л. 71.

Хотмыжск, Вольный) и 3 города «за чертой» (Валуйки, Чугуев, Нежегольск)[55].

По отношению к Нежегольску руководители Разрядного приказа допустили типичную для того времени географическую ошибку, назвав его городом «за чертой». Фактически Нежегольск находился на Белгородской черте, между Корочей и Белгородом[56]. Кроме географической ошибки, следует отметить также слабое знание дьяками Разрядного приказа социальной структуры южнорусского населения. Разрядный приказ требовал от воевод всех перечисленных выше городов выслать «к валовому делу» служилых людей и крестьян. Но в некоторых уездах крестьян не было. Так, 29 августа чугуевский воевода отправил на строительство вала 50 служилых людей городовой службы (детей боярских, станичников, пушкарей, казенных плотников). «А властелинских, и монастырских, и церковных, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян и бобылей в Чугуеве нет ни одного двора», — доносил он[57].

Интересен социальный состав работных людей, направленных на строительство вала из Валуек. Здесь не было детей боярских, практически отсутствовали и крестьяне. Среди 60 валуйчан, посланных к Я. С. Борятинскому, были 2 станичных атамана, 12 станичных ездоков, 10 конных стрельцов, 5 пеших стрельцов, 19 полковых казаков, 6 пушкарей и затинщиков, 5 черкас, 1 монастырский крестьянин[58].

Но большую часть строителей вала должны были составить не присылаемые из городов работные люди, а служилые люди полковой службы, находившиеся «в полках» Я. С. Борятинского и Г. И. Косагова. 22 августа 1679 г. Я. С. Борятинский пришел из Нового Оскола «к новому Полатовскому валу»[59]; его войско расположилось на берегу р. Тихой Сосны, где «от Черемхового куста» начинался вал. Я. С. Борятинский должен был строить вал с севера, со стороны р. Тихой Сосны; Г. И. Косагов — навстречу ему с юга, от р. Валуя, от

---

[55] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 293—296.

[56] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 185—187.

[57] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 105, л. 42.

[58] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 129—130.

[59] Там же, л. 76.

Валуйского, или Полатовского, леса. Военная обстановка благоприятствовала возобновлению работ. После 5 августа татары у южнорусской окраины не появлялись. Строящийся земляной вал получил официальное наименование Полатовского вала, его общая протяженность должна была составить примерно 28—30 км.

Возобновившиеся работы на земляном валу шли с большим трудом. Сначала Я. С. Борятинский жалуется на отсутствие мастеров; «у меня, холопа твоего, у волового дела мастеров нет», — пишет он царю в Москву. Затем начались побеги работных людей.

В Разрядном приказе был записан рассказ одного из очевидцев — донского казака Митрофана Куревцова, приехавшего с вала 29 сентября. К этому времени, по его словам, у Я. С. Борятинского осталось около двух тысяч ратных людей полковой службы, «да из городов люди». М. Куревцов сообщил, что «ратные люди конные и пешие — все бедные люди и беззапасные, есть им нечего, и оттого многие ис полку бегут по домам»[60].

В документах Разрядного приказа, в столбце Белгородского стола № 1136, сохранились многочисленные «росписи беглых». Бегство с Полатовского вала в начале октября стало массовым явлением. Бегут солдаты (л. 290—291), черкасы (л. 292), служилые люди городовой службы (л. 253—254). 18 октября у Я. С. Борятинского осталось лишь 900 работных людей. Он пишет городским воеводам, требуя возвращения беглецов, но тщетно. 28 октября в Разрядном приказе было получено донесение Я. С. Борятинского, где он сообщает о прекращении работ из-за плохой погоды: «Валовое дело стало делать за дожжами и за морозами немочно». Как видно из этого же донесения, землю на вершину вала работные люди тогда носили вручную. «На вал носить землю скользко», — пишет Я. С. Борятинский[61].

На южном участке Полатовского вала генерал Г. И. Косагов прекратил работу еще раньше, свой «полк» он увел к Харькову. Затем и сам генерал был отпущен «за болезнью»[62].

Что же было сделано на Полатовском валу в 1679 г.?

---

60 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 133—134.

61 Там же, л. 244.

62 Там же, л. 112.

Летом следующего года по распоряжению нового руководителя строительных работ П. В. Шереметева был измерен незавершенный вал. Выяснилось, что с северной стороны, от р. Тихой Сосны, готово полностью 516 саженей вала, не закончено вала еще на 97 саженях. С южной стороны, от р. Валуя, готовый вал протянулся на 646 саженей[63]. Общий итог определен был в 1163 сажени[64], что составляет около двух с половиной километров, или 9% общей протяженности намеченного вала. Основная работа по сооружению Полатовского вала была еще впереди. Добавим к этому, что к строительству планируемых укреплений западнее Полатовского вала — между г. Полатовом и г. Новым Осколом — Я. С. Борятинский в 1679 г. не приступал.

4. Новые назначения воевод; набег крымских татар в январе 1680 года

Заканчивался 1679 г.; по византийскому летосчислению «от сотворения мира», которым продолжала пользоваться Россия, шли первые месяцы 7188 года. Русско-турецкая война не была еще завершена. Наступала зима. Летом 1679 г. турецкая армия не рискнула вторгнуться в пределы России и Украины; татарский набег был, как мы видели, кратковременным и неэффективным. Казалось, что начавшееся осенью относительное затишье сохранится и на зимние месяцы.

В декабре 1679 г. состоялись назначения воевод к предстоящей весенне-летней кампании, были определены места расположения русских войск. Общим командующим южнорусской армией («воеводой Большого полка») был назначен вместо М. А. Черкасского князь В. В. Голицын — будущий глава русского правительства. Местом расположения Большого полка и В. В. Голицына утверждался г. Севск[65]. Дворяне и дети боярские Новгородского и Казанского разрядов должны были стать соответственно в Рыльске и Путивле.

---

[63] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 86.

[64] При сложении должно было получиться число 1162, а не 1163; разница в 1 сажень не имеет, конечно, принципиального значения.

[65] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 996, л. 43,

Одновременно произошла смена воевод Белгородского полка. На место И. Б. Милославского назначался князь Петр Иванович Хованский, его помощником («товарищем воеводы») — стольник Семен Федорович Толочанов. Подробнейший наказ П. И. Хованскому, написанный дьяком Разрядного приказа Федором Шакловитым, сохранился в архиве в черновике. Наказ датирован 7 декабря и был вручен Ф. Шакловитым П. И. Хованскому 8 декабря 1679 г.[66] Новому воеводе Белгородского полка предписывалось немедленно отправиться в Курск; в наказе сообщалось, что царь Федор Алексеевич посылает его «для своего государева и земского дела»[67]. С П. И. Хованским отправлялись дьяки Иван Дмитриев и Петр Исаков; кстати, последний надолго задержался в должности дьяка Белгородского разряда, мы видим его на прежнем месте в середине 90-х гг., во время Азовских походов Петра I[68]. При составлении наказа П. И. Хованскому был использован аналогичный наказ его предшественнику годичной давности; в архивном деле черновой наказ И. Б. Милославскому предшествует наказу П. И. Хованскому.

В наказе П. И. Хованскому перечислялись подведомственные Белгородскому воеводе города, ставилась задача не допускать татар «за черту», а также «мимо черты»[69], регламентировались отношения с гетманом Левобережной Украины Иваном Самойло́вичем, предписывалось «слушать» указания воеводы Большого полка В. В. Голицына. Наказ подробно разбирал линию поведения Белгородского воеводы в случае прихода украинских переселенцев («черкас»). Как и год назад И. Б. Милославскому, Разрядный приказ предписывал П. И. Хованскому принимать черкас «на вечное житье», при этом наделять их землей и селить обязательно за Белгородской чертой, «промеж тех городов, которые за чертою, промеж рек Мерла, и Северского Донца, и Оскола, и под Полатовым лесом». Так же, как и И. Б. Милославскому, П. И. Хованскому запрещалось размещать

---

[66] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 996, л. 24.
[67] Там же, л. 35.
[68] См. Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века, с. 160.
[69] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 996, л. 101, 104.

новых черкас «промеж рек Семи и Псла, и Воркскла; промеж тех городов, которые в черте»[70].

Однако затем тексты наказов прежнему и новому белгородским воеводам расходятся; в наказе П. И. Хованскому, в отличие от наказа его предшественнику, имеется сообщение о предстоящем строительстве укреплений от Усерда до Полатова. Вот соответствующее место наказа: «А которые такие новоприхожие малороссийских городов жители похотят строитца в новопостроенном в Полатове-городе, и боярину и воеводе тем черкасом сказать, что в том месте великий государь указал от Усерда до Полатова для населения многих людей построить земленой новый вал и деревяные многие крепости, и для того строения в те урочища присланы будут с Москвы нарочно воеводы с полками»[71]. Из приведенной выдержки, помимо всего прочего, мы можем сделать заключение о том, что в декабре 1679 г. в Разрядном приказе еще не планировались работы по продолжению укреплений к югу от Полатова в сторону Валуек, Царева-Борисова и Изюма.

П. И. Хованский и С. Ф. Толочанов выехали из Москвы 11 декабря 1679 г. До Курска они добирались 17 дней и лишь 28 декабря прибыли в административный центр Белгородского разряда. В тот же день П. И. Хованский расписался в приеме от И. Б. Милославского знамени Белгородского полка[72]. С. Ф. Толочанов, как «товарищ воеводы», на следующий день направился в Белгород, ему еще в Москве было предписано находиться непосредственно «на черте». С ним в Белгороде обосновался и дьяк П. Исаков.

Назначение новых воевод в Белгородский полк совпало еще с одним военным мероприятием: на декабрь 1679 г. и январь 1680 г. был назначен «разбор» Белгородского полка. Считая неизбежным новое столкновение с турецкими войсками, русское правительство стремилось в первую очередь укрепить наиболее боеспособные части южной армии — рейтарские полки. Совсем немного времени (всего год) прошло после предыдущего раз-

---

[70] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 996, л. 33 (наказ И. Б. Милославскому), л. 149 (наказ П. И. Хованскому).

[71] Там же, л. 149—150.

[72] Там же, л. 322.

бора, называемого в документах «разбором Федора Трусова 187-го года» [73]. Тогда московские стольники, посланные в Белгородский полк, должны были «писать в копейщики и в рейтары самых лучших и семьянистых и полных людей» [74]. Дьяки Разрядного приказа, однако, решили, что не все копейщики и рейтары оказались достаточно материально обеспеченными и боеспособными. Теперь служилых людей требовалось «пересмотреть» и «разобрать вновь», при этом в копейщиках оставить лишь 1500 человек, 6000 человек записать в рейтары, остальных — в солдаты.

К тем «начальным людям», которые «за бедностью или ослушанием» во время походов «со 184-го по 188-й год» оказывались «в нетях» или возвращались из походов «преж отпуску», предусматривалась строгая мера наказания: перевод их в солдатские полки [75]. Если в дальнейшем лица, записанные в рейтарские полки, не явятся по приказу на службу, их предписывалось переводить в солдаты, а поместья отбирать [76].

Правительство вновь, как и весной 1679 г., ожидало наступления турок на Киев. В инструкции лицам, посылаемым для «разбора» Белгородского полка, дьяки Разрядного приказа записали следующие слова: «Дворянам, и детям боярским, и копейщикам, и рейтарам, и солдатам сказать: турский султан хочет итти весной на Киев» [77]. Все должны быть готовы к весне и ждать приказа. Возможность татарского набега в зимние месяцы не учитывалась.

В ходе нового разбора число копейщиков, как мы уже говорили, уменьшалось. Копейщики и рейтары Белгородского полка были расписаны по 6 конным рейтарским полкам, при этом в каждом полку насчитывалось по 250 копейщиков и по 1000 рейтар. Малопоместные и беспоместные люди распределялись по 10 солдатским полкам. По инструкции каждый солдатский полк должен был состоять из 1600 человек, однако не все солдатские полки были, видимо, укомплектованы полностью. Подавляющее большинство солдат составили

---

[73] См., например: ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 60—67.
[74] Там же, № 996, л. 170.
[75] Там же, л. 174.
[76] Там же, л. 239.
[77] Там же, л. 236.

помещики-однодворцы. Среди документов столбца № 996 Белгородского стола встречаются отдельные жалобы записанных в солдаты дворян и детей боярских, владевших крепостными крестьянами (имевших до 10 крестьянских дворов). Но запись таких лиц в солдатские полки, как хорошо видно по их челобитным, была в данном случае не правилом, а исключением из правила. Черкасских полков, входивших в состав Белгородского полка (Острогожского, Сумского, Ахтырского и Харьковского), данный разбор не коснулся.

Руководители Разрядного приказа ожидали вражеского наступления лишь весной, но события развернулись иначе. В январе 1680 г., когда почти все служилые люди были распущены по домам и находились в своих уездах, крымские татары совершили довольно крупное вторжение в пределы территории Белгородского разряда.

Трудно сказать, имеем ли мы здесь случайное совпадение по времени нескольких событий, или набег крымских татар был сознательно приурочен к смене воевод Белгородского полка, к разбору полка и, что особенно важно, — ко времени роспуска служилых людей Белгородского полка по домам? Последнее кажется весьма вероятным, особенно если учесть, что зимние крупные набеги крымских татар были редким явлением. Об укоренившейся практике зимней смены воевод Белгородского полка и зимних разборов, а также о роспуске на зиму служилых людей из рейтарских и солдатских полков в Бахчисарае, как нам представляется, вполне могли знать.

Историки-исследователи Ф. Гумилевский, Д. И. Багалей, А. Г. Слюсарский, упоминавшие о январском татарском набеге 1680 г., единодушно отмечали растерянность южнорусского командования в то время, писали о том, что татары нигде не встретили организованного отпора. На наш взгляд, дело обстояло не совсем так.

Сразу же по прибытии в Курск П. И. Хованский узнал о возможном крупном вторжении татар. Еще до его приезда одно за другим стали поступать сведения о подготовке к походу на южнорусские города изменника Юрия Хмельницкого с татарами. Сначала перед И. Б. Милославским, а затем перед его преемником в должности воеводы Белгородского полка — П. И. Хо-

ванским, во весь рост встал вопрос: как отразить зимнее нападение татар, если таковое произойдет?

Можно было объявить сбор распущенных по домам служилых людей Белгородского полка. Но впереди была летняя военная кампания; новое столкновение с крупной турецкой армией считалось не просто вероятным, а неизбежным, и служилые люди только что, как мы видели, были предупреждены об этом. Лишить зимнего отдыха и оторвать от домов, от своего хозяйства рейтар и солдат Белгородского полка — значило вызвать их недовольство, объективно ослабить русские боевые силы в предстоящей летней кампании. Взять на себя такую ответственность П. И. Хованский не решился. Проще и надежнее было подождать распоряжения из Москвы. И П. И. Хованский продолжает переписку с Разрядным приказом о возможном нападении татар, начатую его предшественником И. Б. Милославским. Не собрать ли в Курске весь Белгородский полк? Что укажет государь? Об этом спрашивает П. И. Хованский руководителей русского правительства [78].

Меры, принятые для отражения татарского набега, оказались недостаточными. Сумской и Ахтырский черкасские полки «по вестям» были собраны в Сумах. Когда точно выяснилось, что в набег двинулся сам крымский хан, П. И. Хованский с имевшимися в его распоряжении войсками выступил из Курска в г. Вольный [79], к западному флангу Белгородской черты.

Создается впечатление, что воевода Белгородского полка П. И. Хованский в соответствии с данным ему наказом решил ограничиться обороной Белгородской черты, оставив на произвол судьбы города и села «за чертой». Это видно и по действиям и по донесениям П. И. Хованского, который особо подчеркивает, что татары «через черту» не прошли, что татар «в черту» он не пустил. Одновременно по распоряжению П. И. Хованского начались работы по строительству новой рубленой стены в Белгороде; они были закончены уже осенью 1680 г. под руководством находившегося в Белгороде «товарища воеводы» — С. Ф. Толочанова [80].

Крымский хан Мурат-Гирей пошел в набег Мурав-

---

[78] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 312—316.
[79] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 572.
[80] Там же.

ской дорогой. Пройдя между верховьями речек Мжи и Коломака, он остановился в верховьях р. Мерлы[81], северо-западнее Харькова, не дойдя километров тридцати до Белгородской черты. Оттуда татарские отряды разошлись для грабежа в различных направлениях.

19 января 1680 г. татары подвергли разгрому села Харьковского уезда, расположенные севернее Харькова: Деркачи, Лозовое, Липцы, Борщевое, а также ряд деревень[82]. К Харькову татары не подходили, зная, видимо, о наличии крепких городских стен и расположении в городе основных сил Харьковского полка. Одновременно татары совершили нападение на черкасские городки Богодухов, Сенное Правоторье, Ольшанку, находившиеся поблизости от татарского стана, от верховьев р. Мерлы. Пострадал и г. Валки, оказавшийся у татар на пути. Отдельные отряды татар двинулись от верховьев р. Мерлы на север и северо-восток, в сторону Белгородской черты. Согласно донесениям, полученным в Москве, татары приходили к полевым городам Харьковского и Ахтырского полков, а также «к Белгороду, Карпову и к иным городом, которые по черте»[83].

Захватив полон, татары ушли той же Муравской дорогой. Их никто не преследовал. Харьковский полковник Г. Донец выступил было из Харькова на север, в сторону Золочева, где харьковские казаки отбили у одного из татарских отрядов часть добычи. Других активных действий Г. Донец не предпринимал; 29 января он вернулся с полком в Харьков[84]. Воевода Белгородского полка П. И. Хованский, как мы уже говорили, находился в это время у ближайших к врагу укреплений Белгородской черты, в г. Вольном. «За черту» против татар он не ходил. Совершенно не принял участия в отражении врага Ахтырский черкасский полк, отведенный от Ахтырки и от Белгородской черты, как уже сообщалось выше, далеко в тыл.

---

[81] Современное название реки — «Мерла». В XVII в. название реки обычно писалось в мужском роде, в форме «Мерл».

[82] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 84—93.

[83] ЦГАДА, столбцы разных столов, № 108, л. 652. Здесь, конечно, имеются в виду не сами города на черте (Белгород, Карпов и др.), а лишь территория их уездов. Термин «город», как нередко бывало в документах XVII в., географически объединяется с понятием «уезд».

[84] [Гумилевский Ф.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, кн. 2, с. 60.

В начале февраля в Москву было послано донесение о том, что по сообщениям пленных крымский хан «пошел в Крым без отвороту»[85]. Татарский набег закончился.

Размер русских потерь по данным, приводимым в «Материалах» Д. И. Багалея, был сравнительно невелик; он не идет ни в какое сравнение с потерями, понесенными южнорусским населением во время зимнего татарского набега в декабре 1645 г. В Харьковском уезде было «побито и в полон поимано» 215 человек — русских и черкас. Потери населения г. Богодухова исчислялись в 233 человека; из них 184 человека (79%) были захвачены и уведены врагом в полон. В других пострадавших селениях потери в людях оказались следующими: Ольшанка — 89 чел., г. Валки и с. Гульцы Валковского уезда — 117 чел., Перекоп — 26 чел., Сенное Праворотье — 61 чел., с. Павловка Богодуховского уезда — 18 чел.[86] Общий размер потерь в людях по опубликованным Д. И. Багалеем документам составляет 757 человек. Ведомость не является полной, однако, основная масса потерь в ней, видимо, учтена. Татарскому нападению подвергся компактный географический район; соседние места «за чертой» и «на черте», соприкоснувшиеся в январе 1680 г. с районом разбоя татар (Вольновский, Хотмыжский, Карповский, Белгородский уезды на Белгородской черте, черкасские слободы на Северском Донце к югу от Чугуева), пострадали мало.

Для подсчета потерь и убытков от татарского набега П. И. Хованский по распоряжению Разрядного приказа послал в подвергшиеся нападению врага уезды судженца (жителя Суджи) Семена Готовцова. Это было уже в марте 1680 г. Выполнив поручение, 25 мая С. Готовцов вернулся в Курск[87]. П. И. Хованского там уже не было, он находился в походе. Именно эту ведомость русских потерь, составленную С. Готовцовым и посланную в Москву из Курска 26 июня 1680 г., нашел в архиве и опубликовал в свое время Д. И. Багалей.

Как же оценить результаты зимнего татарского набега 1680 г.?

---

[85] ЦГАДА, столбцы разных столов, № 108, л. 203.
[86] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 84—93.
[87] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 488.

Нам хочется подчеркнуть различие в оценках в зависимости от географического положения и социального лица наблюдателей. Давайте посмотрим на татарский набег с трех сторон: 1) из южнорусских городов и уездов, защищенных Белгородской чертой, глазами местных знатоков военного дела — служилых людей; 2) из городков, слобод и сел Харьковского полка, глазами сравнительно недавно обосновавшихся здесь «за чертой» украинских и русских переселенцев; 3) из Москвы, глазами руководителей Разрядного приказа и русской внешней политики.

Если смотреть на события из Белгорода или Курска, то результат набега не представляется весьма успешным для врага и плачевным для России. Белгородская черта надежно закрыла врагу путь внутрь страны. Глубинные уезды, находившиеся «в черте», не пострадали совершенно, уезды «на черте» — весьма незначительно. В Хотмыжском уезде татарские отряды прошли через р. Ворсклу по мельничным плотинам[88], пограбили окрестные селения и сразу же вернулись назад. В Белгородском уезде пострадали также лишь самые крайние села и деревни. Один татарский отряд ворвался в большое село Грайворон, основанное незадолго до этого черкасами-переселенцами на р. Ворскле, на самой черте, под г. Вольным. Украинские переселенцы дали достойный отпор татарам и «из села своего их выбили»[89]. Для южнорусских служилых людей, населявших уезды «в черте» и «на черте», татарский набег 1680 г. вновь продемонстрировал надежность русской укрепленной линии, лишний раз показал, что через Белгородскую черту грабителям-татарам практически ход уже закрыт.

Совсем по-другому, как большое народное бедствие, был воспринят зимний татарский набег русским и украинским населением пострадавших городов и сел за Белгородской чертой. Здесь население понесло чувствительные потери, к тому же никто по сути дела местных жителей от татар на этот раз не защищал. Наиболее крупной военной силой здесь, «за чертой», был Харьковский черкасский полк. Но полковник Г. Е. Донец действовал неуверенно, разведки не организовал, с тата-

---

[88] ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 156, л. 188.
[89] Там же, л. 219.

рами не сразился, в погоню за ними не пошел. Об этом с горечью говорили осенью 1680 г. русским посланникам В. М. Тяпкину и Н. М. Зотову местные жители[90].

И, наконец, как опасная дерзость врага, требующая немедленного военного ответа России, был оценен январский татарский набег в Москве. Он, если можно так выразиться, «подтолкнул» русское правительство к проведению значительных военно-оборонительных мероприятий на юге, дал толчок к организации постоянной защиты новых поселений за Белгородской чертой, стал конкретным поводом для сооружения Изюмской черты.

5. Коренное изменение направления «Новой черты» весной 1680 года. Назначение П. В. Шереметева

Решение о коренном изменении направления новой укрепленной линии, о продолжении Полатовских укреплений от верховьев р. Валуя не на северо-запад — в сторону Нового Оскола, а на юг — в сторону Царева-Борисова, было принято не сразу. Этот вопрос, как видно по документам Разряда, обсуждался в Разрядном приказе в феврале и марте 1680 г. Связь правительственного решения о продолжении новой укрепленной линии от Полатовского вала к Цареву-Борисову с январским набегом Мурат-Гирея несомненна. Русские и украинские селения в районах Валков, Харькова, Балаклеи, Чугуева в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны нужно было прикрыть от татар. Такая мысль просто не могла не возникнуть в Москве после получения известий о татарском набеге в конце января 1680 г. Вторым толчком, заставившим руководителей Разрядного приказа всерьез задуматься о военном прикрытии от татар территории за Белгородской чертой, стали новые просьбы заднепровских черкас о поселении в России.

Почти одновременно с вестью о татарском набеге в Москве появились делегаты-челобитчики от большой группы украинских переселенцев — жителей Умани, Збаража, Тернополя, Богуслава и других мест Правобережной Украины: протопоп Я. Мировицкий, осадчик

---

[90] Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850, т. 2, отд. 2, с. 571.

П. Тимофеев, атаманы М. Григорьев, А. Павлов и Ф. Коротич. Представляемые ими переселенцы уже перешли в пределы России, на Левобережную Украину; свои родные места они покинули в течение последних лет «от войны турского салтана и крымского хана». Украинцев манил далекий, богатый Битюг, они просили разрешения поселиться у этой реки. Но в поселении на Битюге черкасам было отказано. Дьяки Разрядного приказа предложили им обосноваться у нового Полатовского вала.

Вот соответствующая выписка об этом, находящаяся в документах Разрядного приказа: «А зберется де их тысечь з десять семей. И собрався де и росписався сотнями, он, протопоп, и осадчик и атаманы со всеми с ними пойдут по летнему, по первому вешнему пути, обозом к реке Битюку на уселение. И в Розряде де им, протопопу с товарыщи, про то место, про реку Битюк, сказано, что та река степная и место полевое, крепостей никаких учинить не мочно, а воинских людей — калмыков и нагайцев приходы на ту реку беспрестанные. И есть ли они по той реке селитьца учнут, и им от воинских людей уселитца будет не мочно. И государевым ратным людем оборонять их будет нельзя, что то место от городов отдалено. А со 185-го году указал великий государь по Белогородцкой черте к прежнему валу прибавить валу и всяких крепостей от Усерда до урочища, где стоит городок Полатов, до Полатовского большого лесу, а то место к жительству угодно и уселитца тут мочно многим людем»[91].

В столбце № 1530 Белгородского стола сохранились черновые документы с многочисленными исправлениями и приписками на полях. Нужно ли привлечь украинских переселенцев к охране новой линии? Какие им дать льготы? На какой срок? Быть ли в новых городах русским воеводам? Наконец, было намечено создать из новых переселенцев Полатовский полк по типу Острогожского, Ахтырского, Сумского и Харьковского черкасских полков. Решение о поселении украинцев у Полатовского вала состоялось 5 марта. В документах Разрядного приказа осталась запись, начинающаяся словами: «188-го году марта в 5 день великий государь [следует титул

[91] Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века, с. 82—83.

царя Федора Алексеевича. — *В. З.*], слушав сей выписки, указал и бояре приговорили»[92]. Черкасам-челобитчикам предписывалось собираться на р. Валуе, «с русской стороны» Полатовского вала. Хочется отметить, что особо оговаривалось и подчеркивалось запрещение черкасам принимать к себе русских беглых служилых людей, крестьян и холопов: «Из украенных городов русских беглых наших государевых служилых и тяглых людей, и боярских холопей и крестьян к себе не принимать»[93]. У крепостнического правительства для такого запрещения были конкретные основания. Уже вскоре у Полатовского вала появились многочисленные станы русских людей, в большинстве — беглых крестьян. Как мы увидим далее, эта сила не была использована для строительства и заселения новой черты; наоборот, для разгона вольных русских поселенцев к Полатовскому валу был брошен рейтарский полк[94]. Переселение же черкас к новой черте не ущемляло интересов русских феодалов — крепостников, и Боярская дума утвердила такое разрешение черкасам.

Чтобы лучше понять логику последующих решений Разрядного приказа, полезно сделать несложные арифметические подсчеты. Протопоп Яков Мировицкий и его товарищи обещали привести с собою 10 000 семей. Ясно, что такую массу черкас нужно было расселить на довольно значительной территории; черкасы-переселенцы должны были построить, по мысли русского правительства, не один город, а многие города[95]. В южнорусских городах-крепостях обычно насчитывалось в то время по несколько сот, иногда — до тысячи служилых людей; значит, переселенцы могли основать более десятка новых городов. Поскольку новые жители селились обычно у рек, то самыми подходящими местами для черкас будущего Полатовского полка, кроме верховьев р. Валуя и Полатовского вала, оказывались также берега р. Оскола до устья и берега Северского Донца выше впадения в него Оскола.

---

92 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 43.

93 Там же, л. 58.

94 Этот эпизод рассмотрен нами в четвертой главе.

95 Вопрос о нескольких новых городах для черкас был поставлен уже в царском указе от 5 марта 1680 г. (ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 44).

Эта мысль четко высказана в грамоте, посланной из Разрядного приказа воеводе Белгородского полка П. И. Хованскому вскоре после принятия правительственного решения о черкасах-переселенцах. Воевода Белгородского полка извещался о том, что «велено им [протопопу Я. Мировицкому и его товарищам. — *В. З.*] призывать черкас, которые похотят, и строить у новопостроенного Полатовского валу на реке Волуе усть Малого Волуйца, и по реке Осколу, и по Северскому Донцу выше Царева-Борисова города [разрядка наша. — *В. З*], а воеводам у них до указу не быть, а ведать их полковнику и сотником, ково они меж себя выберут, и торговать в тех городех всякими товары безпошлинно; им же, черкасом, держать шинки по своим прежним обыкностям безоброчно, и полковые службы не служить, и полатовского валового дела не делать, и податей и оброков никаких не платить кроме того, что строить свои городы и места, и селитца дворами, и пашенные свои земли роспахивать, и береженье держать для себя от приходу воинских людей» [96].

Как мы видим, в этом документе в общих чертах уже обрисовывались контуры будущей укрепленной линии, в частности — ее направленный к югу угол при устье р. Оскола. Следует также обратить внимание на то, что русское правительство не собиралось привлекать черкас-переселенцев к строительству новых укреплений.

План переселения 10 000 черкас на берега Валуя, Оскола и р. Северского Донца не осуществился; протопоп Яков Мировицкий и его товарищи не смогли или не захотели выполнить поставленную перед ними Разрядным приказом задачу. Полатовский полк так и не был создан. Но запущенный в Москве механизм заработал.

16 марта 1680 г. была послана царская грамота валуйскому воеводе Михаилу Опухтину. Ему предписывалось вместе со старожилами-валуйчанами осмотреть, измерить и подробно описать местность от Валуек до Царева-Борисова, а также высказать соображения о том, где можно построить новые города и острожки, где необходим земляной вал, лесные засеки, линии надолб.

[96] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 63—64.

В апреле 1680 г. М. Опухтин с группой валуйских служилых людей проехал по берегам р. Оскола от Валуек до Царева-Борисова и обратно, его отчет был получен в Разрядном приказе 21 мая 1680 г.[97]

Из Валуек до Царева-Борисова М. Опухтин ехал левой, «ногайской» стороной р. Оскола. По его подсчету, все расстояние от Валуек до Царева-Борисова составляло 80 верст, при этом 52 версты заняты были лесом и 28 верст — восемью «переполяньями»[98]. В отчете М. Опухтина приведены также расстояния между устьями рек, впадающих в Оскол слева: р. Валуй — р. Ураева, 4500 сажен; р. Ураева — р. Уразова, 3850 сажен; р. Уразова — р. Колодная, 8000 сажен; р. Колодная — р. Таволжанская, 2100 сажен; р. Таволжанская — р. Осиновка, 11 500 сажен; р. Осиновка — р. Пещаная «до броду», 7500 сажен; р. Пещаная — г. Царев-Борисов, 42 версты 550 сажен. В отчете отмечается, что в низовьях небольших речек, впадающих слева в Оскол, лесов нет, укреплять эти места неудобно. По правой стороне р. Оскола экспедицией М. Опухтина были измерены расстояния, начиная от места против устья р. Валуя до р. Гороховца «и до городка Острополья». М. Опухтин сообщает, что от устья р. Гороховца до г. Царева-Борисова ни одна река справа в Оскол не впадает. Конкретных предложений о местах строительства укреплений по р. Осколу М. Опухтин не внес; он лишь отметил, что правый берег реки удобен для новых городов и острожков.

Вообще говоря, подробный осмотр местности перед началом строительства укреплений был давней русской традицией. Однако в данном случае времени для тщательной разведки в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны не хватало. Заметим сразу же, что другие участки будущей укрепленной линии, кроме Оскольского, предварительно вообще не были осмотрены. Да и отчет М. Опухтина явно запоздал. Все важнейшие решения о строительстве новой укрепленной линии были приняты в Москве до его получения.

Окончательное решение о строительстве новой укрепленной линии от Усерда к Валуйскому (Полатовскому)

[97] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 103—104.
[98] Там же, л. 106.

лесу и далее по рекам Валую, Осколу, Северскому Донцу и Мже было принято, по всей вероятности, 25 марта 1680 г. К этому времени Разрядный приказ подобрал руководителей работ, этим днем датируются первые основные документы о строительстве «новой черты»: наказы П. В. Шереметеву, А. С. Опухтину, Г. И. Косагову, грамота П. И. Хованскому [99].

Временным воеводой Белгородского разряда и общим руководителем строительства «новой черты» назначался боярин Петр Меньшой Васильевич Шереметев, его помощниками («товарищами воеводы») — Аверкий Сидорович Опухтин и генерал Григорий Иванович Косагов. Довольно молодой еще человек (родился в 1650 г.), П. В. Шереметев, называвшийся «Меньшим» в отличие от своего тезки и двоюродного дяди Петра Большого Васильевича Шереметева, имел уже немалый опыт придворной и военно-административной службы. Чин боярина он получил при царе Федоре Алексеевиче, в 1678 г. До отправления на южнорусскую окраину, с мая 1678 г. по декабрь 1679 г. П. В. Шереметев был сибирским воеводой в Тобольске; прежде он побывал в должности псковского воеводы [100]. На этот раз ему предписывалось быть «на службе по Белогородцкой черте в Новом Осколе» и «для покою христианского и береженья от приходу воинских людей зделать вновь крепости по новой черте». Непосредственно П. В. Шереметев должен был построить участок укрепленной линии от Усерда до Валуек, А. С. Опухтин — участок черты от Валуек до Царева-Борисова, Г. И. Косагов — участок черты от Царева-Борисова до р. Коломака.

Дьяки Разрядного приказа подготовили документ, скрупулезно разграничивавший полномочия между двумя воеводами Белгородского полка: П. И. Хованским, который выступал из Курска в поход к Днепру, и П. В. Шереметевым. Вновь, как и в 1678—1679 гг., города Белгородского разряда передавались в управление вре-

[99] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 952, л. 1—58. 25 марта наказ П. В. Шереметеву не был вручен или отправлен. В документах ЦГАДА сохранился черновик повторного наказа П. В. Шереметеву от 17 апреля.

[100] См. Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1904, кн. 8, с. 325, 339—359, 475—477. Отметим, что в книге А. П. Барсукова совершенно не упоминается о деятельности П. В. Шереметева в качестве руководителя строительства «новой черты».

менному воеводе, остававшемуся на Белгородской черте и руководившему строительством «новой черты». В документе Разрядного приказа читаем: «По указу великого государя Белогородцкого полку городов полковые службы ратных людей велено ведать боярину и воеводе Петру Васильевичю тех, которым у него в полку быть велено, а воевод и приказных людей службою, да городовые службы всяких чинов людей службою ж и росправными делы всех городов, которые в черте, и за чертою, а по черте до Воронежа [101], велено ведать ему ж боярину и воеводе Петру Васильевичю, опричь Белогородцкого полку ратных людей, которым велено быть в полку с боярином и воеводою, со князем Петром Ивановичем... Да и наперед сего Белогородцкого полку городов воевод и приказных людей службою, а городовые службы всяких чинов людей службою ж и всякими росправными делы ведали бояря и воеводы, которые были по черте с полками... А которые бояря и воеводы бывали в походе з Белогородцким полком, и те, выступя из указных мест, ведали только своего полку ратных людей» [102].

Итак, перед П. И. Хованским ставилась весной 1680 г. чисто военная задача — отразить возможное наступление турецкой армии и татар, тогда как перед П. В. Шереметевым — военно-инженерная и административная. Не будем, однако, забывать, что П. И. Хованский после своего выступления в поход терял в значительной мере самостоятельность и переходил в подчинение «воеводы Большого полка» В. В. Голицына, размещавшегося в Севске.

Хотелось бы обратить особое внимание на одну деталь в наказах П. В. Шереметеву, А. С. Опухтину и Г. И. Косагову. Подготовку к строительству «новой черты» предписывалось держать в строгой тайне. Пусть турки и татары думают, что войска Шереметева собраны для похода в Крым! Если татары возьмут в плен русских воинов из передового отряда А. С. Опухтина,

---

[101] Географическое ограничение компетенции П. В. Шереметева городами «по черте до Воронежа» не вполне понятно. Возможно, что восточные города Белгородской черты (Усмань, Козлов и др.) предполагалось приписать к новому Тамбовскому разряду, создание которого планировалось в то время.

[102] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 137—138.

те должны были говорить, что на черте собраны большие русские военные силы во главе с боярином Шереметевым, которые готовятся к походу «на крымские орды войною ныне вскоре». А Аверкий Опухтин стоит, мол, со сторожевым полком. Если русские воины попадут в плен и будут говорить так, то царь обещает их выкупить или выменять [103].

Наказы требовали, кроме того, организовать разведку, во время «валового дела» выставлять охрану, а также все расстояния измерять «в трехаршинную сажень» [104].

Воеводы Белгородского полка весной 1680 г. получили в свое распоряжение дополнительные боевые силы, включая два приказа московских стрельцов. По расчету, составленному в Разрядном приказе, в поход к Днепру с П. И. Хованским должно было отправиться 31 260 человек; остаться на Белгородской черте с П. В. Шереметевым и участвовать в строительстве «новой черты» — 22 538 человек [105]. Простое сравнение двух только что приведенных чисел показывает, что русское правительство главной заботой пока еще считало отражение возможного наступления турок и татар.

Из общего числа ратных людей, выделяемых «на черту» к П. В. Шереметеву (22 538 чел.) по расчету Разрядного приказа, непосредственно у П. В. Шереметева должно было находиться 10 366 человек (дворян и детей боярских полковой службы — 187, рейтар — 1145, московских стрельцов — 1408, солдат — 7626); остальные 12 172 человека выделялись к «товарищам воеводы» — Аверкию Опухтину и Григорию Косагову.

Сбор на службу ратных людей Белгородского полка проходил в апреле 1680 г. Вскоре П. И. Хованский выступил из Курска «в Кадацкий поход» [106], но дошел лишь до речки Олешенки в Сумском уезде, где остановился, ожидая дальнейших распоряжений. Войска

---

[103] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 952, л. 13.

[104] Там же, л. 17, 26, 58.

[105] Там же, № 971, л. 685—686.

[106] Первоначально предполагалось, что П. И. Хованский пойдет по направлению к крайней днепровской крепости Кодак, находившейся в районе Запорожья, на рубеже с землями Крымского ханства.

П. В. Шереметева собирались в Новом Осколе. 22 апреля 1680 г. П. В. Шереметев выехал из Москвы в Новый Оскол.

6. Строительство восточных укреплений Изюмской черты летом 1680 года под руководством П. В. Шереметева

Завершение сбора ратных людей, выделенных для строительства «новой черты» к П. В. Шереметеву и его помощникам А. С. Опухтину и Г. И. Косагову было намечено на 9 мая 1680 г. В Новый Оскол к П. В. Шереметеву были посланы московские стрельцы приказов Матвея Вешнякова и Федора Мещеринова[107]. Помощником П. В. Шереметева (для работы на отведенном самому Шереметеву участке укрепленной линии от Тихой Сосны до Валуек) был назначен стольник Федор Волконский; к П. В. Шереметеву отправлены из Москвы два дьяка: Иван Дмитриев и Ларион Порецкий[108]. Основную часть отряда П. В. Шереметева составляли, как уже отмечалось, солдаты и рейтары Белгородского полка.

Для строительства «новой черты» в Новый Оскол направлялась и часть служилых людей городовой службы с территории Белгородского разряда, причем эти люди временно, на срок строительства укрепленной линии, становились солдатами. В справке Разрядного приказа читаем, что к Шереметеву были посланы из городов Белгородского полка, «изо всяких чинов людей от пяти — шестой человек на время в салдаты со всею службою и з запасы»[109].

18 июня 1680 г. П. В. Шереметев пришел со своим «полком» и внушительным обозом[110] из Нового Оскола к Усерду. Десять дней заняли подготовительные работы: устройство лагеря, организация разведки и охраны, осмотр местности от р. Тихой Сосны до Валуек. П. В. Шереметеву не надо было заново определять место

[107] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 952, л. 99.

[108] Там же, № 971, л. 711.

[109] Там же, № 1530, л. 400.

[110] Как видно по документам, в качестве тягловой силы использовались лошади и волы. (ЦГАДА столбцы Белг. ст., № 971, л. 139).

проведения земляного вала, поскольку в 1679 г. вал уже был начат и с севера и с юга. С участием старожилов и знатоков местности воевода «розвытил валовое дело», т. е. установил нормы и места работы на земляном валу для различных групп ратных людей.

По решению правительства норма земляных работ на валу устанавливалась такая: ратные люди — однодворцы (рейтары, солдаты, московские стрельцы) должны были сделать по 1 сажени вала на человека; ратные люди, владевшие крепостными крестьянами, — по 1 сажени вала с 10 крестьянских дворов. Сам П. В. Шереметев обязался сделать силами своих крепостных крестьян и холопов — 50 сажен вала. Офицеры-иностранцы, служившие «начальными людьми» в Белгородском полку, от «валовой повинности» освобождались; их роль заключалась в руководстве подчиненными им по службе рейтарами и солдатами во время земляных работ.

За образец при строительстве Полатовского вала брался Новооскольский земляной вал на Белгородской черте, насыпанный в конце 40-х гг. XVII в. Ширина вала в основании («в подшве») составляла 3 сажени, ширина вверху — 1 сажень, высота вала — 2 сажени, ширина рва за валом — 3 сажени, глубина рва — 2 сажени.

Проведя осмотр местности, П. В. Шереметев сообщил в Москву, что со стороны Усерда имеется земляной вал «строенья стольника и воеводы князя Якова Борятинского» на 516 саженях. Кроме того, на 97 саженях предыдущей осенью вал был «розчат», но не закончен. С южной стороны, от р. Валуя, имелось 646 саженей прошлогоднего готового вала «строенья Григория Косагова»[111].

У южной оконечности земляного вала П. В. Шереметев определил «новое место, где быть Полатову, едучи чертою от Усерда в 13 верстах в 200 саженях». Поскольку П. В. Шереметев считал в версте 1000 саженей, измеренное под его руководством расстояние составляло по современным мерам длины чуть более 28 километров. Измерив расстояние между двумя современными селами Белгородской области — Стрелецким

[111] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 86.

(бывший Усерд) и Ливенкой (Новый Полатов), можно убедиться в точности расчета П. В. Шереметева.

Расстояние от намеченного к строительству Нового Полатова до Валуек составило 12 верст 666 саженей (около 27 километров). Здесь, по мнению П. В. Шереметева, вала не требовалось, в лесу надо было сделать засеки, а по полянам — надолбы. «Те места пришли меж рек и лесов, а Валуй-река те места обошла кругом», — пишет П. В. Шереметев[112].

Воевода высказал и такое соображение: у Полатовского вала, кроме Нового Полатова, можно устроить еще один город — «на Вислом бояраке». Этот город «новому валу к остерегательству будет». Других мест, удобных для постройки городов у Полатовского вала, П. В. Шереметев не обнаружил[113]. Можно заметить, что попутно было измерено расстояние от нового до прежнего Полатова-городка, «который построен на речке Сенной». Оно было определено в 4 версты 450 саженей (9,6 км)[114].

Утром 29 июня 1680 г. начались земляные работы на валу. Донесение П. В. Шереметева, посланное в Москву 9 июля, свидетельствует о том, что в его полку вместо намеченных 10 366 человек, на первых порах оказалось 8549 ратных и служилых людей, обязанных участвовать в сооружении вала. По установленным в Москве нормам имевшиеся в наличии на Полатовском валу войска должны были построить 8673,5 сажени земляного вала[115] (18,5 км). Из этого числа основная часть земляных работ — 8400 саженей вала (или 97%) — возлагалась на 8400 конных и пеших ратных людей — однодворцев; для помещиков и вотчинников, владевших крепостными крестьянами, отводилось всего 273,5 сажени.

С 29 июня по 9 июля был сделан новый вал на 1220 саженях. Прибывший в Москву гонец сообщил, что работа идет быстро, что людям и лошадям в отряде Шереметева ни в чем «скудости нет»[116]. По словам гонца, 9 июля у Шереметева было уже около десяти тысяч

---

[112] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 88.

[113] Там же, л. 87.

[114] Фактически это расстояние несколько меньше.

[115] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 85.

[116] Там же, № 950, л. 480.

ратных людей, считая и служилых людей городовой службы. Татары строителей вала не тревожили.

Распределенные П. В. Шереметевым в июне 1680 г. 8673,5 сажени строящегося земляного вала, даже с учетом вала, построенного в 1679 г., не перекрывали весь степной участок от р. Тихой Сосны до Валуйского леса. Сначала оставалось не отведенное ратным людям «порозшее место» — 3722,5 сажени (около 8 км). Но вскоре число строителей вала увеличилось. Группа П. В. Шереметева была пополнена новыми войсками, частично за счет отряда П. И. Хованского. Отметим, что П. И. Хованский отправил в распоряжение П. В. Шереметева два полка (рейтарский и солдатский) только после неоднократных требований из Москвы [117].

На время руководства строительством новой укрепленной линии и управления Белгородским разрядом П. В. Шереметев получил почетный титул «наместника Нижегородского». Этот титул употребляется, однако, далеко не во всех документах, а лишь в торжественных случаях, при подписании П. В. Шереметевым важных официальных бумаг. Вот как завершается, например, лист, выданный П. В. Шереметевым сотнику Еремею Михайлову и разрешающий ему призывать черкас на житье в г. Коломак: «Писан в обозе под Усердом, у реки Тихия Сосны, у Черемховой луки, лета от создания мира 7188 году, июля 24 дня. Царского величества ближний боярин и воевода и наместник Нижегородский Петр Васильевич Шереметев печать свою приложил» [118].

К 22 августа 1680 г. Полатовский земляной вал от р. Тихой Сосны до Валуйского леса протяженностью в 13 038 саженей [119] (27,8 км) был готов. На северном и южном концах вала строители соорудили деревянные башни с проездными воротами; на валу было построено 5 деревянных острожков, в каждом из которых стояла

---

[117] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 466.

[118] [Гумилевский Ф.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, кн. 2, с. 258—259.

[119] Как мы видим, длина вала вместо предполагавшихся 13 200 саженей оказалась равной 13 038 саженям. Возможно, что в ходе строительства вала удалось выпрямить отдельные участки. И сейчас обращает на себя внимание геометрическая четкость этого оборонительного сооружения, спланированного за три столетия до наших дней.

глухая (непроезжая) башня. Особенностью Полатовского вала (в сравнении, например, с так же хорошо сохранившимся до наших дней Усманским валом Белгородской черты) являлись «зубцы», представлявшие собой остроконечные в плане выступы земляного вала в Крымскую сторону. При обороне по линии земляного вала с зубцов можно было вести фланговый огонь по наступающему врагу. «Новый город Полатов», однако, устроен пока не был. От южной проезжей башни, стоявшей на месте будущего города, по направлению к Валуйкам в лесу в отдельных местах были сделаны засеки, а на полянах поставлены надолбы. Не дошло дело и до второго предложенного П. В. Шереметевым города у Полатовского вала — города «на Вислом бояраке».

Из справки, составленной позже в Разрядном приказе, видно, что в «полку» П. В. Шереметева ко времени окончания работ находилось 11 602 человека[120]. На валу работало 236 копейщиков, 1848 рейтар, 7546 солдат, 1479 московских стрельцов. Остальные несколько сот человек — это «начальные люди-иноземцы», московские дворяне и служилые люди городовой службы.

Среди более чем одиннадцати тысяч ратных людей в «полку» П. В. Шереметева не было черкас. Казалось бы, мы можем сделать вывод о том, что основное звено Изюмской черты — Полатовский земляной вал — сооружено было силами лишь русских ратных людей, без помощи украинских переселенцев. Однако такой вывод был бы преждевременным и ошибочным. И не только потому, что еще в 1679 г. три черкасских полка — Сумской, Ахтырский и Острогожский — совместно с русскими рейтарами и солдатами начали насыпать вал под руководством Я. С. Борятинского. Черкасы и в 1680 г. успели принять участие в устройстве Полатовского вала.

Дело в том, что, стремясь как можно скорее завер-

---

[120] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 403. В другой части этой же справки подьячий Разрядного приказа сообщает, что с П. В. Шереметевым перед его отъездом «у дела» было 20 399 человек, включая, как нам представляется, в это число и отряд Г. И. Косагова. Затем подьячий суммирует все участвовавшие в строительстве «новой черты» войска. Видимо, дважды учитывая служилых людей и черкас отряда Г. И. Косагова, он ошибочно определяет общее число в 30 988 человек (ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 415—419).

шить все работы на Полатовском валу, П. В. Шереметев сделал в начале августа 1680 г. неожиданный «шахматный ход» или, говоря по-другому, решил в собственных интересах использовать свое положение общего руководителя работ на «Новой черте». 5 августа П. В. Шереметев приказал генералу Г. И. Косагову прекратить все работы на участке от Царева-Борисова до р. Коломака и выступить «со всеми людьми» к себе на Полатовский вал «для береженья Белогородцкие черты от неприятельских воинских людей»[121].

Мы не нашли в документах подтверждения того, что такое решение П. В. Шереметева было предварительно согласовано с дьяками Разрядного приказа. Все же подобное согласование (возможно, сохранявшееся в тайне от П. И. Хованского и Г. И. Косагова) представляется вероятным. Надо учесть, что наступление турецкой армии на Киев так и не состоялось, и 20 июля 1680 г. в Москве было решено отменить предполагаемый «Киевский поход» П. И. Хованского. Возвращение же из похода постоянного воеводы Белгородского полка (П. И. Хованского) должно было привести в соответствии с принятыми весной наказами к прекращению административной власти в пределах Белгородского разряда со стороны временного воеводы (П. В. Шереметева). В такой ситуации дьякам Разрядного приказа было выгодно, во-первых, сократить срок пребывания П. В. Шереметева на Полатовском валу; во-вторых, по возможности завершить строительство вала до смены командования Белгородского полка; в-третьих, отвести временно подчиненные П. В. Шереметеву войска генерала Г. И. Косагова из района, куда выдвигались войска П. И. Хованского.

Угроза татарского нападения, во всяком случае, была лишь поводом для вызова войск Г. И. Косагова к Полатовскому валу. Это хорошо видно из сохранившейся в делах Разрядного приказа коллективной челобитной ратных людей «полка» Г. И. Косагова. Жалоба была направлена в Москву 1 сентября 1680 г. от имени копейщиков, рейтар, солдат и черкас, находившихся с Г. И. Косаговым. Суть дела заключалась в следующем.

Отряд генерала Г. И. Косагова, включавший русских

---

[121] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 634.

ратных людей и значительную часть трех черкасских полков — Харьковского, Сумского и Ахтырского, по приказу П. В. Шереметева прекратил все работы на земляном валу между Коломаком и Мжой, у Северского Донца и Гомольшинского леса. 17 августа войска Г. И. Косагова пришли к Полатовскому валу. Немедленно «через полковников» П. В. Шереметев приказал ратным людям — русским и черкасам — включиться в работу на Полатовском валу. Ратным людям группы Г. И. Косагова приказано было «обрыть» и починить в необходимых местах уже насыпанный вал, выложить бревнами («ослонить») ров по внешней стороне вала, а также сделать и установить тысячу надолб.

После выполнения такого задания П. В. Шереметев обещал отпустить всех ратных людей, пришедших на Полатовский вал с Г. И. Косаговым. Челобитчики писали, что боярин постоянно ездил по валу и говорил им «всем вслух многажды: делайте поскорее, а скоро в отделке дело сделаете, всем де вам будет роспуск по домам». Ратные люди, поверив обещанию воеводы, всю работу «делали з большим поспешением день и ночь, не щадя здоровья своего, и поставили все в отделке за четыре дни и нощи, чего было немочно зделать и за три недели»[122].

П. В. Шереметев не оставил в покое и другого своего помощника — А. С. Опухтина. Он вызвал к Полатовскому валу и его, приказав прекратить строительство укреплений между Валуйками и Царевом-Борисовом. Позже А. С. Опухтин доносил в Москву (как обычно, на имя царя): «По отписке боярина и воеводы Петра Васильевича Шереметева, покиня то зачатое воловое дело, был я, холоп твой, с полком своим у него, боярина, в полку; и Полатовской черты моего полку козаки и солдаты по розмеру волового дела зделали триста сажен»[123].

Обещания, данного ратным людям группы генерала Косагова — русским и украинцам, боярин П. В. Шереметев не выполнил. Он распустил по домам только «свой полк» и поспешил уехать в Москву, воспользо-

---

[122] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 129—130.
[123] Там же, л. 169.

вавшись решением Боярской думы от 14 августа, по которому его миссия на юге России ограничивалась сооружением Полатовского вала.

7. Общая характеристика военной обстановки на юге России летом 1680 года

Вернемся теперь на несколько месяцев назад и рассмотрим положение, сложившееся в отряде П. И. Хованского. Мы уже говорили о том, что основные силы южнорусской армии весной и в середине лета 1680 г. не участвовали в сооружении «новой черты». Значительная часть ратных людей Белгородского и Севского полков находилась в отряде П. И. Хованского, выступившего из Курска на юго-запад для отражения возможного наступления турецкой армии и татар. В мае 1680 г. П. И. Хованский со своим войском расположился лагерем на р. Олешенке в Сумском уезде. Главнокомандующий всеми боевыми силами на юге России — «воевода Большого полка» В. В. Голицын находился, как мы знаем, в Севске. Ратные люди «Рязанского разряда» были собраны на этот раз под начальством бывшего Белгородского воеводы, хорошо нам известного Г. Г. Ромодановского. Использование всех этих войск зависело от военной обстановки на юге России, от того, какие вести о татарах и турках придут в Разрядный приказ.

Ценная информация была получена в Москве 3 июня 1680 г. В этот день в Разрядный приказ явились посланные П. И. Хованским «выходец из полону» вольновец сын боярский Кондратий Дунчиков и сопровождавший его «белгородский московский стрелец» Иван Гурьев [124]. Оба они были подробно расспрошены, их рассказы записаны.

Кондратий Дунчиков был уведен в полон в январе 1680 г., во время зимнего набега крымского хана Мурат-Гирея. В Разрядном приказе он сообщил, что был в Крыму, «в городе в Карасеве» (Карасубазар?). Оттуда он «ушел собою пеш апреля в 22 день и вышел на Запорожье, а из Запорожья до полку боярина и воевод» (к войскам П. И. Хованского). Полоняник твердо утверждал, что татары к походу на Россию не готовятся,

[124] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 613.

что крупного набега в ближайшее время не будет, что «сбора татарского» для войны нет. Стрелец Иван Гурьев подтвердил сообщение Дунчикова: в русском военном лагере П. И. Хованского, откуда он уехал 26 мая, никаких «вестей» о возможном наступлении турок и татар не было.

Еще 8 мая по инициативе находившихся в Белгороде воеводы С. Толочанова и дьяка П. Исакова была послана в глубокую разведку «к Днестру» группа казаков Ахтырского черкасского полка — Никита Уманец с товарищами. 21 июня разведчики вернулись «в полк»[125]. Подготовки к наступлению турок и татар они не обнаружили.

Однако с низовьев Волги приходили прямо противоположные вести. Еще 15 апреля астраханский воевода Матвей Степанович Пушкин писал о переправе через Волгу «с луговой стороны на горную», между Астраханью и Черным Яром, многих татар. Особенно тревожным было донесение царицынского воеводы Семена Нестерова от 16 мая 1680 г. Ссылаясь на письмо, полученное от донского атамана Фрола Минаева, царицынский воевода сообщал, что под Азовом собираются многочисленные татары и калмыки, а «турской салтан большим собраньем пошел под Киев»[126]. Симбирский воевода Яков Долгоруков 14 июня сообщил о нападении вражеского отряда в 200 человек (были ли это татары или калмыки, он не выяснил) на чувашскую деревню Кизылбоеву[127].

Ориентироваться в этой обстановке противоречивых сообщений и управлять южнорусской армией из Москвы дьякам Разрядного приказа было не просто. Как видно по сохранившейся переписке, формальный главнокомандующий — «воевода Большого полка» В. В. Голицын фактически не мог командовать войсками и, находясь в Севске, вынужден был ждать распоряжений из Москвы. Часть подчиненных ему войск, как мы уже отмечали, была послана к П. В. Шереметеву для строительства «новой черты». Но значительная часть русских боевых сил продолжала ожидать возможного наступления турок и татар. Воевода П. И. Хованский продолжал стоять

[125] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 490—491.
[126] Там же, л. 177—180.
[127] Там же, л. 184.

с ратными людьми Белгородского полка в Сумском уезде.

Если весной 1680 г. шла речь о возможном походе войск П. И. Хованского к Кодаку, в район Запорожья, то в середине июня, в связи с донесениями царицынского воеводы, в Разрядном приказе возник план «Киевского похода». При этом выступление П. И. Хованского в «Киевский поход» связывалось с выступлением против турецкой армии самого В. В. Голицына. П. И. Хованскому было приказано идти к Киеву только в том случае, если туда выступит В. В. Голицын. 24 июня гонец привез П. И. Хованскому «статьи» Ф. Шакловитого. Дьяк Разрядного приказа информировал воеводу о передвижениях татар у Волги, предупреждал о возможном движении большой русской армии во главе с В. В. Голицыным к Киеву, против турок. Донесения П. И. Хованского, датированные концом июня, свидетельствуют о его растерянности в это время. «А х Киеву о походе своем боярин и воевода князь Василей Васильевич ко мне не пишет», — жалуется П. И. Хованский в Москву. «Ко князю Василью Васильевичу в сход за Семь-реку с речки Олешенки до походу его х Киеву итить ли или нет?» — спрашивает он у дьяков Разрядного приказа [128].

28 июня 1680 г. состоялось официальное решение Боярской думы по вопросу о действиях южнорусской армии. «Бояре приговорили» написать воеводе Большого полка В. В. Голицыну о том, что неприятель может пойти к Киеву [129]. В. В. Голицыну предписывалось сообщить об этом «товарищу и сходному воеводе» П. И. Хованскому, предупредить его о возможном движении турок и о том, что П. И. Хованскому придется выступить не к крепости Кодак, как предполагалось раньше, а к Киеву [130]. На следующий день об этом была послана грамота и самому П. И. Хованскому, в которой, кстати, перечисляются находившиеся с ним войска.

План «Кодацкого похода» был, таким образом, в конце июня 1680 г. полностью отставлен. Но и план нового «Киевского похода» не осуществился. Сведения, сообщенные в Разрядный приказ воеводой г. Царицына о выступлении турецкого султана к Киеву, не подтвер-

---

128 ЦГАДА, столбцы Бел. ст., № 971, л. 600—602.
129 Там же, л. 272.
130 Там же, л. 274—278.

дилось. 20 июля русское правительство решило вернуть из похода войска П. И. Хованского. По всей вероятности, уже тогда не исключалась возможность их использования для строительства земляных и деревянных укреплений на «новой черте».

П. И. Хованский стоял с войсками на р. Олешенке до начала августа 1680 г. 1 августа он получил царскую грамоту от 20 июля «за приписью дьяка Федора Шакловитого». П. И. Хованскому предписывалось идти на Муравскую сакму, «стать меж Царева-Борисова и Валок», при появлении татар дать им отпор. О привлечении войск П. И. Хованского к строительству «новой черты» речь пока не шла. Грамота П. И. Хованскому была послана из Москвы через командующего южнорусской армией В. В. Голицына, через Севск. Любопытно, что боярин В. В. Голицын переслал это распоряжение своему «сходному воеводе» не с гонцом, а «через почту»[131]. Мы уже отмечали, что дьяки Разрядного приказа по ряду причин не спешили возвращать П. И. Хованского из похода. В этом плане факт медленной пересылки важного с первого взгляда распоряжения становится понятным. 8 августа П. И. Хованский выступил со своими войсками на юго-восток.

Здесь следует сказать о вспомогательном боевом отряде, направленном еще раньше под командованием стольника Кузьмы Козлова в район строящейся «новой черты». К. Козлову поручено было возглавить ратных людей «низовых городов»[132] и выступить с ними с берегов Волги к Валуйкам или Чугуеву. В составе отряда К. Козлова были дети боярские и стрельцы из Астрахани, Черного Яра, Царицына, Саратова, Самары, а также терские и гребенские казаки — всего 1412 человек[133]. Для того чтобы определить лучший путь следования для своего отряда и место переправы через Дон, воевода К. Козлов специально беседовал в Посольском приказе с атаманом донской «зимовой станицы» 1680 г., многоопытным Корнеем Яковлевым[134].

5 июля 1680 г. К. Козлов получил распоряжение: стать у Валуек, земляного вала и других крепостей си-

---

[131] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 626.
[132] «Низовыми городами» считались города Нижней Волги.
[133] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 950, л. 67, 488.
[134] Там же, Донские дела, 1679 г., ед. хр. 14, л. 8.

лами своего полка не строить, а лишь охранять строителей вала от возможного нападения татар. Мы можем отметить, таким образом, определенную помощь в сооружении Изюмской черты и со стороны жителей русских городов Поволжья, входивших в отряд К. Козлова.

Пребывание К. Козлова под Валуйками оказалось, однако, непродолжительным. 18 июля к нему примчался гонец из Москвы — подьячий Разрядного приказа Иван Костоуров[135]. В связи с известиями о появлении татар совсем в другом районе — под Козловом и Тамбовом, Кузьме Козлову предписывалось немедленно выступить к этим городам, чтобы «не пропустить татар в черту». 19 июля «с урочища, из-под Полатова» отряд воеводы К. Козлова спешно двинулся на север[136].

Нам нет необходимости подробно рассказывать о столкновениях с отдельными татарскими отрядами под Усманью, Козловом и Тамбовом, происходивших летом 1680 г. Районы столкновений русских войск с татарами далеко отстояли от строящейся «новой черты». Серьезного влияния на ход строительства Изюмской черты, если не считать отзыва отряда Кузьмы Козлова, эти события не оказали. Кстати, воевода Кузьма Козлов действовал на сей раз не очень удачно. Он ожидал татар под г. Козловом, но те 2 августа 1680 г. появились в Усманском уезде, раскопали земляной вал, «проломали» надолбы, взяли пленных[137]. Этот татарский отряд выступил из Азова и вернулся туда же. После татарского набега в Разрядном приказе вновь (как и в 1652 г.)[138] возник план переноса г. Усмани[139], который к радости жителей города снова не осуществился. В районе же строительства «новой черты» — у Полатовского вала, на берегах Оскола, Северского Донца, Мжи, татары летом 1680 г. не появлялись.

Мы уже упоминали о решении Боярской думы от 14 августа 1680 г., приведшем к смене командования и перестановкам войск на строящейся Изюмской черте. Черновик решения был составлен Федором Шакловитым накануне, 13 августа. В нем П. В. Шереметеву предпи-

---

[135] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 984, л. 293.
[136] Там же, № 950, л. 488.
[137] Там же, № 984, л. 282—287.
[138] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 139—140.
[139] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 984, л. 233.

сывалось «полатовское валовое дело зделать со всем совершенно»; начиная с 1 сентября ему можно было ехать в Москву. Затем слова «с 1 сентября» дьяком были зачеркнуты; П. В. Шереметеву предлагалось ехать в Москву сразу же после окончания работ на валу[140].

Общее руководство Белгородским полком и строительством «новой черты» решением Боярской думы переходило к П. И. Хованскому. Грамоты прежним помощникам П. В. Шереметева были посланы из Разрядного приказа в тот же день — 14 августа. Г. И. Косагов и А. С. Опухтин извещались о смене командования, им предписывалось «быть послушными» П. И. Хованскому, они становились теперь помощниками («товарищами») возвращавшегося на прежнее место воеводы Белгородского полка[141].

Отзыв П. В. Шереметева мотивировался отсутствием «татарских и турецких вестей». 14 августа царь Федор Алексеевич «указал и бояре приговорили»: П. В. Шереметеву послать грамоту «за валовое дело с милостивым словом с похвалою»; «ратных людей за их работу похвалить же»; приказы московских стрельцов М. Вешнякова и Ф. Мещеринова отпустить в Москву; копейщиков, рейтар и солдат, работавших с П. В. Шереметевым, «отпустить по домам»[142].

Руководители Разрядного приказа, несомненно, понимали, что в полной мере Полатовский вал еще не был готов как оборонительное сооружение. Поэтому помощнику П. В. Шереметева стольнику Федору Волконскому и дьяку Ивану Дмитриеву предлагалось остаться «на осень» в Новом Осколе и силами ратных людей «ближних городов»[143] поставить по новому валу острожки.

П. И. Хованскому тем же решением от 14 августа русское правительство поручало «разсмотреть и помыслить» со своими помощниками: «по новой черте меж Валуйки и Царева-Борисова, и меж Царева-Борисова и Валок на татарских перелазех, в которых местех при-

---

[140] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 588.

[141] Там же, л. 588—592.

[142] Там же, № 984, л. 714—715.

[143] «Ближними городами» считались Белгород, Болховец, Карпов, Хотмыжск, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Нежегольск и Обоянь.

стойно, для береженья от приходу воинских людей построить городы и слободы»[144].

24 августа 1680 г. П. В. Шереметев уехал с Полатовского вала в Москву[145].

8. Деятельность помощников П. В. Шереметева — А. С. Опухтина и Г. И. Косагова. Предложение генерала Г. И. Косагова об устройстве укреплений южнее р. Мжи

Что же успели сделать весной и летом 1680 г. до отзыва П. В. Шереметева с Изюмской черты два его помощника — А. С. Опухтин и Г. И. Косагов?

Аверкий Сидорович Опухтин получил для сооружения укрепленной линии своеобразный в инженерном и географическом отношениях участок от Валуек до Царева-Борисова. Новую черту здесь нужно было провести по берегам р. Оскола, с севера на юг. Это значило, что черта здесь пройдет не поперек, а вдоль татарских степных дорог — Кальмиусской и Изюмской, как бы между ними. В стратегическом плане участок А. С. Опухтина по сравнению с участками черты, выделенными П. В. Шереметеву и Г. И. Косагову, был наименее важным. Это отразилось и в небольшой численности направленных к А. С. Опухтину ратных людей.

По смете Разрядного приказа основную рабочую силу отряда А. С. Опухтина должны были составить черкасы Острогожского полка — 1529 человек. А. С. Опухтину выделялись также валуйские солдаты — 94 человека. Предполагалось, что общая численность отряда А. С. Опухтина достигнет двух тысяч человек, включая «работных людей из городов», которые прибудут по разбору «в полковую службу»[146]; фактически она не достигла и полутора тысяч. Местом сбора ратных людей утверждались Валуйки. Царский наказ не давал А. С. Опухтину четких установок о типах укреплений; воеводе нужно было самому определить, где насыпать

[144] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 718.

[145] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 168.

[146] Там же, столбцы Белг. ст. № 952, л. 13—37; № 1530, л. 121.

земляной вал, где установить надолбы, где устроить лесные засеки, где заложить «стоялые остроги» и «жилые города».

Валуйскому воеводе Михаилу Андреевичу Опухтину предписывалось быть «в товарищах с Аверкием»[147]. Мы уже отмечали, что весной 1680 г. М. А. Опухтин осмотрел и описал берега р. Оскола. Через несколько недель он вторично проделал путь от Валуек до Царева-Борисова и обратно, сопровождая своего родственника и начальника, поскольку А. Опухтин решил сам ознакомиться с местностью. С Опухтиными ездили «валуйчане-старожильцы и знающие люди».

В своем донесении А. С. Опухтин отмечает, что восточный берег р. Оскола — песчаный, и укрепления можно строить только по западному берегу. Но и здесь во многих местах вдоль Оскола находятся большие «переполянья», поэтому при строительстве укреплений потребуется много людей, так как «лесная возка» далека, по 5, 10, 15 и 20 верст[148].

18 июня 1680 г. А. С. Опухтин выступил из Валуек со своим «полком». 2 июля он доносит о том, что работа по строительству укреплений идет очень медленно. Опасаясь нападения татар, он разделил свой отряд на две части, из которых одна работает, а вторая оберегает работающих. А. С. Опухтин жалуется на острогожского полковника Ивана Саса, который не дал ему списка Острогожского полка и уехал «по городом для разбору черкас», оставив за себя сотника Ивана Павлова. А некоторые острогожские черкасы вместо того, чтобы самим работать на строительстве укрепленной линии, «в свои места посылают наемщиков скудных и беззапасных»[149]. Деятельность Аверкия Опухтина затруднялась и тем обстоятельством, что все свои бумаги он должен был посылать через П. В. Шереметева. А. С. Опухтин жалуется на то, что он не может писать в Москву «мимо его, боярина»[150].

По справке, составленной в Разрядном приказе, видно, что отряд А. С. Опухтина до отзыва П. В. Шереметева в Москву и смены командования на строящейся

[147] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 125.
[148] Там же, л. 115.
[149] Там же, л. 125.
[150] Там же, л. 123.

черте успел сделать немного. 1370 черкас Острогожского полка насыпали на полянах у р. Оскола земляные валы общей протяженностью в 280 саженей (0.6 км). Валуйские солдаты — 80 человек — сделали 20 саженей вала и 315 саженей лесных засек и надолб[151]. Основные работы велись у Топольского перелаза и у Лысых гор.

В донесениях А. С. Опухтина П. В. Шереметеву выдвигалось немало конкретных предложений. Так, А. С. Опухтин считал необходимым укрепить три уже существовавших городка на р. Осколе: Каменский, Двуречный и Гороховатку; построить новый город у Осинового перелаза, упразднив начавшую заселяться Купенскую слободу и переселив в новый город ее жителей; устроить два стоялых острога, один — на Лысых горах, между Валуйками и Каменским городком, другой — у Сенькова Дола, между Осиновым перелазом и Гороховаткой. Естественно, что такое строительство он смог бы осуществить только в том случае, если у него будут «прибавочные люди»[152]. А. С. Опухтин выдвинул предложение о заселении городов по р. Осколу «русскими сведенцами» (мы упоминали об этом в первой главе), так как «без людей и крепости будут не в крепости»[153].

Все предложения А. С. Опухтина фактически остались без ответа. Непосредственный начальник А. С. Опухтина — боярин П. В. Шереметев твердил ему одно и то же: каждый служилый человек из отряда А. С. Опухтина должен сделать 1 сажень земляного вала; а что касается новых городов и заселения их, то пусть будет так, как укажет государь.

Как мы уже отмечали, в начале августа 1680 г. по приказу П. В. Шереметева группе А. С. Опухтина пришлось прекратить военно-инженерные работы на участке между Валуйками и Царевом-Борисовом и выступить к Полатовскому валу. Здесь находившиеся с А. С. Опухтиным острогожские черкасы и валуйские солдаты сделали 300 саженей земляного вала[154]. После отъезда П. В. Шереметева А. С. Опухтин вернулся на свой прежний участок — к р. Осколу.

[151] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 404.
[152] Там же, л. 97.
[153] Там же, л. 92.
[154] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 169.

Документы о деятельности генерала Григория Ивановича Косагова по руководству строительством выделенного ему участка «новой черты» весной и летом 1680 г. рассредоточены в архиве по различным столбцам и разрядным вязкам. Это затрудняет выявление всех деталей, но общая картина ясна. Г. И. Косагов, являвшийся, как и А. С. Опухтин, помощником П. В. Шереметева, располагал примерно десятью тысячами ратных людей и успел сделать до августа 1680 г. во много раз больше А. С. Опухтина. Помимо конкретного руководства строительством укреплений из земли и дерева, Г. И. Косагов после осмотра местности обосновал перед Разрядным приказом необходимость переноса новой укрепленной линии с берегов р. Мжи к расположенному южнее этой реки Гомольшинскому лесу и начал осуществлять этот план на практике.

Царским наказом от 25 марта 1680 г. Г. И. Косагову предписывалось строить черту от Царева-Борисова «по новопостроенным городам: до Изюма, до Савинского, до Болыклеи, до Ондреевых Лоз, до Лимана, до Бишкина, до Змеова и вверх по реке Мжу до Соколова, до Водолаги, до Валок, до Коломка»[155]. Нетрудно заметить, что по сравнению с участками П. В. Шереметева и А. С. Опухтина участок Г. И. Косагова был самым протяженным, но в то же время наиболее населенным. На Северском Донце существовали многочисленные татарские перелазы. Между реками Мжой и Коломаком проходил Муравский шлях (Муравская сакма) — дорога, по которой татары совершили свой недавний крупный набег в январе 1680 г. Эту дорогу татарских вторжений нужно было перекрыть Г. И. Косагову.

Кроме служилых людей Белгородского полка и черкас к Г. И. Косагову направлялись дворяне и дети боярские ряда «замосковных» и других русских городов. В документах упоминаются Ярославль, Кострома, Галич, Вологда, Пошехонье, Смоленск, Дорогобуж[156]. Местом сбора ратных людей отряда Г. И. Косагова был избран Царев-Борисов, срок сбора устанавливался тот же, что П. В. Шереметеву и А. С. Опухтину — 9 мая. Организовать предварительную военно-инженерную разведку

---

[155] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 952, л. 57 об.

[156] Там же.

на местности Разрядный приказ не успел, поэтому Г. И. Косагову поручалось самому выбрать наиболее целесообразные типы деревянных и земляных укреплений.

В том, что довольно узкий степной участок между верховьями р. Мжи и р. Коломаком нужно перегородить земляным валом, сомнений не было. Здесь еще сохранялись остатки древних земляных валов, по которым получило название урочище, давшее в свою очередь имя русскому городу XVII в. — «Валки». 7 июня 1680 г. ратные люди отряда генерала Г. И. Косагова совместно с черкасами начали возводить земляной вал «через Муравскую сакму, промеж реки Мжа и Коломка»[157]. Новый вал возводился по линии старых «валков», о которых мы говорили в первой главе. Норма земляных работ здесь была установлена значительно более легкая, чем на Полатовском валу — одна сажень вала на пять человек.

Сам же генерал Г. И. Косагов весной и в начале лета 1680 г. провел военно-инженерную разведку выделенного ему участка с целью определить географические контуры новой черты у Северского Донца и Мжи, места для устройства новых городов, острожков, земляных валов. Следует иметь в виду, что в общих чертах местность Г. И. Косагову была, конечно, знакома. Он имел уже примерно двадцатилетний опыт походов и боевых столкновений с татарами на южнорусской окраине, а осенью 1679 г. руководил, как мы знаем, возведением южной части Полатовского вала.

Как можно понять по документам, к 20 июня 1680 г. Г. И. Косагов пришел к четкому и определенному выводу: новую укрепленную линию следует провести не по берегу р. Мжи, а южнее этой реки, использовав расположенный южнее р. Мжи Гомольшинский лес. Двадцатым числом датированы подписанные Г. И. Косаговым «Книги описные и мерные новой черте»[158], в которых перечисляются уже существующие укрепления от Царе-

---

[157] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 99.

[158] Там же, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 2. Д. И. Багалей, опубликовавший документ (Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 81—84), почему-то указал лишь год, опустив число и месяц. Отметим, что «Книги описные и мерные новой черте» были получены в Москве только 21 августа 1680 г.

ва-Борисова до р. Коломака и высказываются соображения о новых укреплениях. Г. И. Косагов разбирает два возможных варианта проведения укрепленной линии в центральной части выделенной ему зоны: или по берегу р. Мжи, или по лесам и другим урочищам южнее Мжи. Это хорошо видно по первой, сохранившейся части документа, главным образом, — по его подробному заголовку, излагающему содержание последующего текста. Конца документа не сохранилось (мы уже говорили во введении об этом), но можно предположить, что Г. И. Косагов отстаивал в нем второй вариант.

Очень четко военно-стратегические соображения в пользу второго варианта высказаны Г. И. Косаговым в донесении от 22 июня своему непосредственному начальнику — боярину П. В. Шереметеву. Г. И. Косагов пишет, что, если вести укрепленную линию по р. Мже, то расположенные на южном берегу реки («на крымской стороне») четыре же существующие города: Змиев, Соколов, Водолага и Валки окажутся «за крепостьми»[159]. К тому же «на русской стороне» р. Мжи для новых городов «пристойных мест нет», здесь берег низменный и песчаный[160]. Но можно укрепленную линию, как пишет далее Шереметеву Косагов, провести южнее, «от Гомольченского лесу по другой черте городы и крепости строить». Это будет очень хорошо, так думает и харьковский полковник Г. Донец[161]. Одновременно Г. И. Косагов доносил П. В. Шереметеву, что ему нужно еще 10 000 человек, чтобы «все дело» закончить за лето.

Ответ П. В. Шереметева ярко показывает узость государственного кругозора этого человека, незаинтересованность самого боярина в важном для России деле обороны южной окраины от татарских набегов и воз-

---

[159] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 99. В отношении одного города Г. И. Косагов ошибся: г. Валки находился на северном берегу р. Мжи.

[160] Автор этой книги осмотрел в 1976 г. берега р. Мжи в ее нижнем течении и убедился в справедливости такой оценки генерала Г. И. Косагова.

[161] Чисто военные соображения совпадали здесь с личными интересами Г. Донца. Харьковскому полковнику, владевшему землей и крепостными крестьянами в Водолаге, конечно, было выгодно, чтобы укрепленная линия прошла не через его землю, а южнее.

можного турецкого вторжения. П. В. Шереметев дает только одно указание Г. И. Косагову: при строительстве земляного вала распределять по 1 сажени вала на каждого служилого человека, а не на 5 человек. Что же касается «другой черты» и прибавки людей Косагову, то он, Шереметев, здесь ничего не знает и не может указать. Пусть будет так, как «учинит» царь [162].

В «Книгах описных и мерных новой черте» от 20 июня и в донесении П. В. Шереметеву от 22 июня 1680 г. Г. И. Косагов сообщает и о том, что́ он уже сделал силами своего полка весной и в начале лета.

«Стоя у Царева-Борисова», он построил «русскими людьми» у Каменского брода на Северском Донце (ниже Изюма) деревянную башню и двойные надолбы со связями на 450 саженях [163]. Вторая башня была построена на Изюмском перелазе; ее и надолбы общей протяженностью в 1150 саженей делали совместно русские ратные люди и казаки Харьковского полка.

В небольшом городке Изюме насчитывается ныне 70 дворов, — указывает Г. И. Косагов в «Книгах описных и мерных новой черте». А здесь «промеж сакмы Изюмской и городка Изюма, в поляне на перевозе, пристойно быть городу великому» [164]. Так, по словам Г. И. Косагова, считает и харьковский полковник Г. Донец.

Этот новый город улучшит положение выдвинутого вперед г. Тора и торских соляных промыслов («на Тор для близости того городу татаровя ходить малолюдно и часто не будут»); отсюда можно угрожать татарам, ведь от Изюма близки верховья р. Самары, где сходятся татарские сакмы; наконец, благодаря новому городу «всей Украине осторожность будет великая» [165]. Таким образом, уже в июне 1680 г. Г. И. Косаговым определялась будущая роль г. Изюма на новой укрепленной линии как своего рода центра «новой черты».

Г. И. Косагов сообщает о том, что между городком

---

[162] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 102.

[163] Там же, л. 100.

[164] Там же, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 4 об. Здесь и в дальнейшем мы предпочитаем цитировать документ по подлиннику, а не по публикации Д. И. Багалея, имеющей с подлинником некоторые расхождения.

[165] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 4 об.

Изюмом и устьем р. Береки слева в Северский Донец впадают две «криницы». Одну из этих речек он называет «Солоная Криница»[166]. Она впадала в Северский Донец километрах в двадцати выше Изюма, в трех верстах (6,4 км) ниже устья р. Береки. Здесь, по мнению Г. И. Косагова, «пристойно быть жилому городу»[167].

Напротив устья степной речки Береки, «на Берецких перелазах», как сообщает и в «Книгах описных и мерных новой черте» и в донесении П. В. Шереметеву Г. И. Косагов, подчиненные ему служилые люди устроили засеку «на версту» (более 2 км). Ширина засеки указана только в донесении П. В. Шереметеву — 20 сажен (42 м). Поставлены были также надолбы у Бишкина перелаза. Г. И. Косагов высказал еще ряд предложений о наиболее удобных (с военной точки зрения) местах для возникновения новых городов и сел по Северскому Донцу.

Двигаясь вдоль планируемой «новой черты» в общем направлении с юго-востока на северо-запад. Г. И. Косагов оставил в Савинском городке 1612 казаков Харьковского полка во главе с «наказным полковником» Гаврилой Могилкой для строительства укреплений в прилегающих к Савинскому городу местах[168]. Сам Г. И. Косагов перешел к верховьям р. Мжи, где продолжалось возведение земляного вала.

С 9 по 31 июля, как сообщал Г. И. Косагов, «ратные моего полку русские люди и Сумского и Харьковского полков казаки промеж Мжа и Коломка вал земляной делали безпрестанно». У земляного вала в июле 1680 г. выросли два новых укрепленных «города».

Первый город появился вблизи от западной оконечности земляного вала, за р. Коломаком. Г. И. Косагов пока никак не называет его; позже город получил название — Высокополье. Основу нового «города» составили земляные насыпи, укрепленные изнутри двухсаженной по высоте деревянной стеной[169]. Город имел

---

[166] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 5. Украинскому слову «криница» соответствовало в XVII в. русское слово «колодезь». Криницами, или колодезями, назывались тогда небольшие речки и ручьи, бравшие начало из родников.

[167] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 5.

[168] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 101.

[169] Там же, № 971, л. 635.

пять башен, в том числе одну деревянную и четыре «земляные». Деревянную башню и одну из земляных построили русские ратные люди, две земляные башни — казаки Сумского полка, одну земляную башню — казаки Ахтырского полка.

За земляной насыпью выкопан был ров; угловые земляные башни-бастионы далеко выступали вперед за линию крепостной стены. Благодаря этому наружная протяженность укреплений города значительно превосходила внутреннюю. Г. И. Косагов сообщает: «А по мере города всево и с башен ото рву 332 сажени, а изнутря города по мере 238 сажен» [170].

Второй город у земляного вала, на самой Муравской сакме, построили черкасы Харьковского полка; это был г. Новый Перекоп.

К началу августа 1680 г., ко времени неожиданного отзыва П. В. Шереметевым войск Г. И. Косагова, русские ратные люди сделали 150 саженей вала с башней, черкасы Сумского полка — 266 саженей с башней, черкасы Харьковского полка — 367 саженей вала с башней, черкасы Ахтырского полка из отведенных им 542 саженей — лишь 66 саженей, да «росчали» 52 сажени вала с башней. Сам Г. И. Косагов («с себя») сделал нанятыми людьми 13 саженей вала. Всего было готово лишь около двух километров вала. В отдельных местах за валом были установлены «тройные надолбы».

Получив приказ П. В. Шереметева, Г. И. Косагов прекратил все работы на валу и 7 августа выступил «от города, что над Коломком» с войсками на восток, к Новому Полатову. В новых городках у вала он все же (вопреки распоряжению П. В. Шереметева) оставил небольшие отряды служилых черкас: в Высокополье — мурафинских и краснокутских казаков Ахтырского полка с сотниками, в Новом Перекопе — казаков золочевской и ольшанской сотен Харьковского полка [171].

---

[170] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 635.
[171] Там же, л. 636.

9. Строительство укреплений Изюмской черты в конце лета и осенью 1680 года под руководством П. И. Хованского

В предыдущих параграфах этой главы мы несколько раз упомянули о решении Боярской думы от 14 августа 1680 г., ознаменовавшем официальный переход руководства на строящейся Изюмской черте от П. В. Шереметева к П. И. Хованскому. Как мы видели, дьяки Разрядного приказа на первых порах не торопили П. И. Хованского с возвращением из пресловутого «Киевского похода» и возобновлением работ на новой черте. Но это продолжалось только до тех пор, пока П. В. Шереметев оставался на Полатовском валу.

Царская грамота, посланная П. И. Хованскому из Разрядного приказа 17 августа, и по своему тону и по своему содержанию резко отличается от грамот, посланных из Разрядного приказа воеводам южнорусской армии всего лишь за три дня до этого. Если 14 августа П. И. Хованскому поручалось только «помыслить» о продолжении строительства новой черты, то грамота от 17 августа требовала от него строительства черты «с великим поспешением»[172]. Перед П. И. Хованским ставилась едва ли выполнимая задача: до 1 сентября завершить строительство всех укреплений на тех участках черты, где прежде работали помощники П. В. Шереметева — Г. И. Косагов и А. С. Опухтин, — от р. Коломака до г. Царева-Борисова («чтоб то воловое дело в совершенство привести и по всем урочищам через Муравскую сакму валом и всякими крепостьми татарские перелазы занять ныне, сентября до 1-го числа 189-го году»). Дьяки Разрядного приказа, видимо, учли время, необходимое для пересылки грамоты, и правильно рассчитали, что теперь уже П. В. Шереметев и П. И. Хованский не столкнутся друг с другом в управлении Белгородским разрядом и строящейся новой чертой.

Отсутствие турецкого наступления и затишье в татарских набегах дали возможность в августе 1680 г. русскому правительству привлечь к военно-инженерным работам на строящейся черте большой дополнительный контингент русских войск — более двадцати тысяч че-

---

172 ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 175.

ловек. В отряде П. И. Хованского в день выступления с р. Олешенки (8 августа) по его донесению насчитывалось 21 638 человек, в том числе 15 239 русских ратных людей и 6399 черкас[173]. Эти люди и должны были немедленно по прибытию на «новую черту» приступить к строительству укреплений. 22 августа П. И. Хованский со своим отрядом пришел к г. Валкам в верховьях р. Мжи. Как доносил П. И. Хованский, русские ратные люди и черкасы в тот же день «начали валовое дело делать»[174].

Вопрос о том, проходить ли укрепленной линии по р. Мже или по лесам и различным урочищам южнее р. Мжи, в донесениях П. И. Хованского не ставится. Он уже решен. Г. И. Косагов в июне и июле 1680 г. уже начал возводить укрепления южнее р. Мжи и этим определил здесь географические контуры «новой черты»; П. И. Хованский просто продолжает дело, начатое его предшественником.

В донесении от 1 сентября П. И. Хованский сообщает, что он поручил своему помощнику по Белгородскому полку Семену Толочанову руководить возведением укреплений на участке г. Валки — р. Коломак, а сам взял себе участок г. Валки — г. Царев-Борисов[175]. За 10 дней, с 22 по 31 августа ратные люди по черте и около «новопостроенного городка Высокополья» сделали «в прибавку к прежнему доброй вал» всего на расстоянии в 1591 сажень (3,4 км)[176]. 1591 сажень вала распределялась следующим образом: ратные люди «с поместий и вотчин» и однодворцы сделали 1565 саженей, сам П. Хованский — 6 саженей, С. Толочанов — 20 саженей.

Этот вал, насыпанный в 1680 г. поверх старых «валков» от верховьев р. Коломака к верховьям р. Мжи, в документах XVII в. не имеет официального наименования. Мы будем называть его в дальнейшем Перекопским по имени городка, построенного у вала. Название «Перекопский вал» встречается и в исторической литературе.

В несколько раз уступавший Полатовскому валу по протяженности, Перекопский вал превосходил его по вы-

---

[173] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 971, л. 633.
[174] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 180.
[175] Там же, л. 34.
[176] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 181—182.

соте и ширине. П. И. Хованский не зря называет вал «добрым», его размеры таковы: толщина в основании — 4 сажени (8,5 м), высота — 3 сажени с четвертью (7 м), глубина рва за валом — 3 сажени (6,4 м), ширина рва 2 с половиной сажени (5,3 м), а кое-где и больше[177]. Перекопский земляной вал сохранялся в течение долгого времени; он показан и подписан как «вал» на плане Валковского уезда, составленном в конце XVIII в.[178].

Вернувшись из «Киевского похода» к уже создаваемой новой черте, П. И. Хованский на первых порах не очень точно представлял себе ее географическое положение по отношению ко всем городам и слободам на территории Белгородского разряда. «А за чертою городов и слобод, опричь дву городов: Соленова да Коломка, никаких нет», — пишет он в одном из первых своих донесений с черты[179]. В приведенной только что фразе одна географическая неточность сразу же бросается в глаза: наряду с г. Соленым (Тором) за чертой, конечно, оказывался и соседний г. Маяцкий. Более сложным является вопрос о г. Коломаке (в написании П. И. Хованского — «Коломке»). Можно ли отнести его к числу городов «за чертой»? Позже, перечисляя построенные им на новой черте города и укрепления, П. И. Хованский называет среди них и «земляной город Коломак»[180]. Мнение воеводы изменилось в сентябре 1680 г., когда подчиненные ему ратные люди в ходе строительства черты провели военно-инженерные работы в г. Коломаке. Городские укрепления в это время были фактически соединены (как обычно, с использованием природных особенностей местности) с новым земляным валом у г. Высокополья, и г. Коломак стал крайним западным укреплением «новопостроенной черты».

До 1 сентября 1680 г., как и следовало ожидать, закончить всю укрепленную линию П. И. Хованскому не удалось. Он сообщает, что за последние 10 дней августа русские ратные люди и черкасы устроили лесных засек на 11 верстах 329 саженях, а в данный момент

---

[177] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 182—183.

[178] Там же, ф. 1356, Карты ген. меж., Харьковская губ., № 19, (6325), ч. 1.

[179] Там же, столбы Сев. ст., № 337, л. 177.

[180] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 589.

(1 сентября) делают вал и ров на 1333 саженях южнее р. Мжи — «до Доброго Ивана и через Доброй Иван до Водолажского лесу»[181]. По указанию П. И. Хованского от ручья Доброго Ивана к Северскому Донцу и далее по берегам Северского Донца к г. Цареву-Борисову отправился подполковник («полуполковник») копейного строя Федор Скрипицын для нового осмотра местности и выбора типов укреплений по черте.

В распоряжении П. И. Хованского в конце августа 1680 г. оказались бывшие помощники П. В. Шереметева — Аверкий Опухтин, Григорий Косагов, Федор Волконский и находившиеся при них ратные люди. Однако их роль в сооружении Изюмской черты осенью 1680 г. (по сравнению с пришедшими с П. И. Хованским войсками) была невелика.

После отъезда П. В. Шереметева А. С. Опухтин должен был «доделывать» укрепления от Валуек до Царева-Борисова. Дьяки Разрядного приказа наметили было передать ему в подчинение весь отряд Г. И. Косагова, но из этого ничего не вышло. Г. И. Косагов в ответ на письмо А. С. Опухтина об «отдаче» ему ратных людей сообщил, что не имеет для этого соответствующего указа[182]. А. С. Опухтин вернулся ненадолго со своим отрядом от Полатовского вала к берегам р. Оскола, где острогожские черкасы и валуйские солдаты стали было продолжать «зачатое дело» у Топольских перелазов и у Лысых гор. Завершение работ П. И. Хованским на участке от Царева-Борисова до Коломака и роспуск им «своего полка» 20 сентября привели к прекращению работ и на участке А. С. Опухтина. Одновременно сам А. С. Опухтин был срочно отозван с черты и послан для разбора земельных споров («для розыску обид») между детьми боярскими и черкасами — жителями Опошни, Котельвы, Полтавы, Рублева и Коломака[183].

Рейтары и солдаты отряда Г. И. Косагова стояли 1 сентября «на степи, на вершинах Козинских». Об этом мы узнаем из уже упоминавшейся челобитной служилых людей отряда Г. И. Косагова. Вскоре Г. И. Ко-

---

181 ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 183.
182 Там же, л. 167—168.
183 Там же, л. 303.

сагов выступил в поход, но не к А. С. Опухтину, а к П. И. Хованскому[184].

Ф. Л. Волконский получил в конце августа 1680 г. два противоречивых приказа: по одному из них ему предписывалось перейти в Новый Оскол и стать «сходным воеводой» у П. И. Хованского, по другому — остаться на Полатовском валу и ставить там острожки. Ф. Л. Волконский доносил в Москву, что «в послушанье» у П. И. Хованского он быть готов, но в Новый Оскол не пойдет, так как имеет другой приказ. П. И. Хованский послал Ф. Л. Волконского продолжать работы на Полатовском валу: строить на валу деревянные острожки и охранять вал «до больших снегов». С Ф. Л. Волконским находились рейтарский полк генерала Якова Бильса и солдатский полк полковника Карлоса Ригимана. Ф. Л. Волконский проехал по Полатовскому валу и наметил места для стоялых острогов, в которых надлежало находиться «помесячно» служилым людям. Донесение Ф. Л. Волконского доставил в Москву 5 сентября новоосколький рейтар Федор Роднин[185]. Текст письма Ф. Л. Волконского лишний раз подтверждает, что П. В. Шереметев уехал с Полатовского вала, не завершив по-настоящему работ.

Справка, составленная в Разрядном приказе, сообщает, что с П. И. Хованским на строительстве земляных и деревянных укреплений по новой черте с 22 августа по 20 сентября 1680 г. работали главным образом русские ратные люди «конных и пехотных полков» — 12 981 человек (4 рейтарских полка, включавших копейщиков и рейтар; 3 солдатских полка; 1 «Белгородский стрелецкий приказ») и черкасы Сумского и Ахтырского полков (7581 человек). Кроме того, в отряде П. И. Хованского были служилые люди городовой службы из «Северских городов» (Брянск и др.) и семи городов Белгородского разряда (Мценск, Курск, Елец, Ливны, Новосиль, Обоянь, Воронеж) — всего 594 человека, а также 16 служилых людей «московских чинов». Общая числен-

---

[184] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 130. Верховья речки Козинки находятся примерно в 30 км юго-западнее Валуек.

[185] Там же, л. 172—173.

ность отряда определена в 21 172 человека[186]; как можно полагать, офицеры-иностранцы, лично освобожденные от валовой повинности, в это число не вошли.

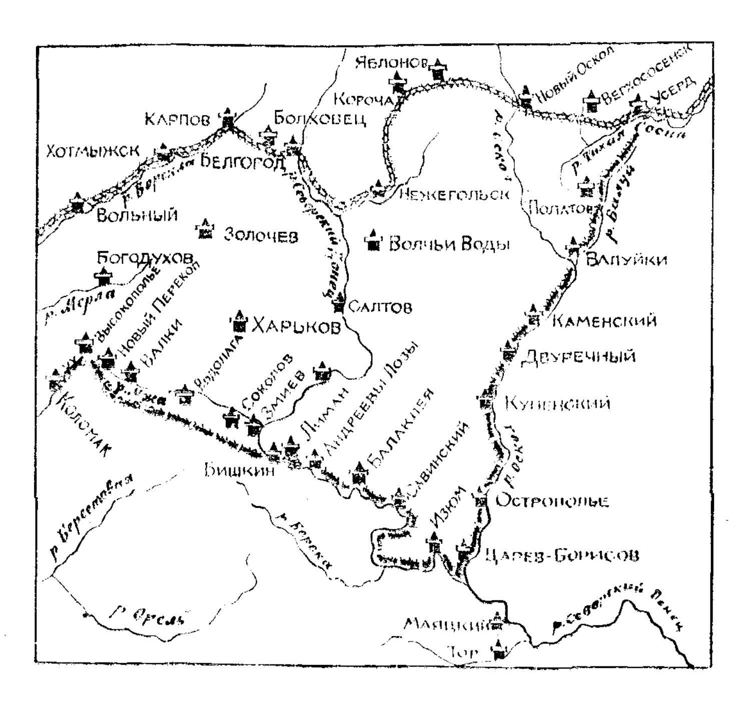

Рис. 2. «Новопостроенная» (Изюмская) черта осенью 1680 г. Схематическая карта.

Условные обозначения:

Белгородская черта

«Новопостроенная» (Изюмская) черта

Города и укрепленные городки

---

186 Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 407—408. По сравнению с началом августа, со временем возвращения из «Киевского похода», количество ратных людей у П. И. Хованского несколько уменьшилось.

Ратные люди П. И. Хованского, как записано по его отчету в Разрядном приказе, по новой черте от Царева-Борисова до Коломака сделали три города (Новый Перекоп, Высокополье, Коломак), 9 верст 120 саженей земляных валов, 6 верст 922 сажени «деревянных крепостей», 47 верст 109 саженей лесных засек[187]. Не вполне ясно, включил ли П. И. Хованский в это число укрепления, построенные до его прихода отрядом Г. И. Косагова? Как нам представляется, дело обстояло именно так. В пользу такого предположения говорит, в частности, включение П. И. Хованским городов Нового Перекопа, Высокополья и Коломака в перечень сделанных им укреплений на черте. Выше уже говорилось о том, что первые два города были в основном построены и укреплены еще при Г. И. Косагове.

16 сентября 1680 г. состоялось очередное решение Боярской думы о южнорусской армии. «Великий государь... указал и бояре приговорили», — читаем мы в документах Разрядного приказа обычную запись. Основная масса служилых людей — строителей Изюмской черты распускалась по домам, возведение новой укрепленной линии считалось в основном законченным. Ф. Л. Волконскому предписывалось распустить войска, которые оставались на Полатовском валу, а артиллерию и офицеров-иностранцев отправить в Белгород. Охрана черты от Царева-Борисова до Коломака поручалась Харьковскому и Ахтырскому черкасским полкам[188].

20 сентября 1680 г. П. И. Хованский распустил «свой полк» и направился в административный центр Белгородского разряда — г. Курск[189].

Огромные военно-инженерные работы 1680 г. на южнорусской окраине, в которых участвовало более 50 тысяч человек, закончились с наступлением осени. Закончились, чтобы возобновиться в следующем году. Русско-турецкая война продолжалась. По-прежнему не исключалась возможность нового крупного татарского набега. Но на пути татар стояла теперь еще одна российская «черта», примкнувшая к Белгородской черте и защитившая от татарских вторжений дополнительно территорию примерно в 30 тысяч квадратных километров.

---

[187] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 405—407.
[188] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 105—106.
[189] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 587.

ГЛАВА III

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИЗЮМСКОЙ ЧЕРТЫ

1. Несколько предварительных замечаний

еографическое описание Изюмской черты, естественно, надо привязать к определенной дате. Представляется наиболее целесообразным дать такое описание применительно к осени 1680 г. К этому времени были завершены основные строительные работы на черте и определились географические контуры новой укрепленной линии. Конечно, возведение всех укреплений в 1680 г. полностью не закончилось. Довольно крупные военно-инженерные работы на черте велись в 1681 г., особенно в начале года — ранней весной, до получения в Москве известий о заключении русскими посланниками В. Тяпкиным и Н. Зотовым Бахчисарайского мирного договора. Небезуспешная попытка пристроить к черте дополнительные укрепления южнее Изюма и расширить черту до р. Тора была предпринята в 1684 г. Все же в историко-географическом аспекте это — детали. Новая российская укрепленная линия на юге страны стала исторической реальностью осенью 1680 г.

Воевода Белгородского разрядного полка П. И. Хованский с достаточным основанием осенью 1680 г. мог считать свою миссию по сооружению «Новой черты» выполненной. Как уже отмечалось выше, 20 сентября

1680 г. он распустил по домам основную массу служилых людей. 27 сентября П. И. Хованский вернулся с черты в Курск, ставший к этому времени постоянным административным центром Белгородского полка. Из Курска в Разрядный приказ были посланы «строельные книги и чертеж Новой черты». Документы, как полагается, были заверены подписью П. И. Хованского; в Москве их получили 21 ноября 1680 г.[1]

Чертеж новой укрепленной линии, как и большинство упоминаемых в документах русских карт-чертежей XVII в., в архиве отсутствует; строельные книги сохранились и находятся в столбце № 1530 Белгородского стола. Следует, однако, заметить, что чтение текста строельных книг затруднено путаницей в архивной нумерации листов. Исследователю не сразу удается понять, что за листом 591 по тексту должен следовать лист 597, а после листа 599 надо перейти к листу 592.

В строельных книгах, присланных в Москву П. И. Хованским, содержится подробное описание укреплений «Новой черты» от г. Коло́мака — на западе, до г. Царева-Борисова — на востоке. Этот документ дает возможность (конечно, при сопоставлении его с более поздними русскими географическими картами) выяснить во всех деталях географические контуры Изюмской черты на западе и юге.

Мы обращаем особое внимание на определение точных географических контуров западной части Изюмской черты. Как уже отмечалось в предыдущей главе, план проведения здесь укрепленной линии был изменен по ходу дела генералом Г. И. Косаговым. Эту деталь не учли наши предшественники, наносившие Изюмскую черту на исторические карты. Мы имеем в виду в первую очередь опубликованную в 1955 г. карту «Укрепленные линии и засечные черты Русского государства в XVII в. и Крымские походы», приложенную к книге «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.»[2], где впервые была изображена Изюмская черта с соответствующей надписью. На карте Изюмская черта проведена через города Валки, Соколов, Змиёв, находящиеся у

[1] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 588.

[2] Составитель карты А. Гиммельфарб. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в./Под ред. А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. М., 1955.

р. Мжи. Фактически же земляные валы и другие укрепления «Новой черты», как мы знаем, были устроены южнее р. Мжи. Карта 1955 г., опубликованная в авторитетном издании, явилась основой для последующих публикаций[3].

На указанной карте Изюмская черта от г. Коломака без достаточных оснований продолжена в юго-западном направлении до Полтавы. Надо сказать, что мысли о желательности продолжения укрепленной линии по берегу р. Коломака к Полтаве высказывались в начале 80-х гг. XVII в., но развития не получили. К тому же на рассматриваемой нами карте 1955 г. река, текущая от г. Высокополья мимо г. Коломака к г. Полтаве вдоль западных укреплений Изюмской черты, ошибочно подписана как «Мерл». На самом же деле это р. Коломак.

Что касается восточной части Изюмской черты, то определить ее географическое положение и нанести на карту в общем не трудно. Здесь в ходе строительства укреплений широко использовались естественные препятствия для татарской конницы, здесь намеченный план строительства черты не менялся.

В строельных книгах П. И. Хованского восточная часть «Новой черты» не описана. Однако по сохранившимся документам видно, что П. И. Хованский осенью 1680 г. по требованию Разрядного приказа готовился отправить в Москву также описание и восточных укреплений Изюмской черты от Царева-Борисова до Усерда. Составить такое описание должен был Аверкий Опухтин, но по правительственному распоряжению его неожиданно отозвали с черты (см. главу II). После отзыва А. Опухтина П. И. Хованский поручил описать укрепления от Царева-Борисова до Усерда воеводе г. Валуек Михаилу Опухтину. Соответствующее распоряжение получено было в Валуйках 8 октября 1680 г. М. Опухтину предписывалось ехать из Валуек сначала к Цареву-Борисову, а затем к Усерду для «досмотру и описи валового дела»[4].

Но и валуйский воевода не смог выполнить возложенного на него поручения, поскольку ему пришлось

[3] Некоторые из них названы были нами во введении.

[4] Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. — В кн.: Старина и новизна. М., 1905, кн. 10, с. 318.

срочно выступить против появившихся поблизости татар. В тот же день, 8 октября, в город прибежали 14 валуйчан, выдержавших осаду татарского отряда в Дуванном батраке[5]. Беглецы сообщили воеводе, что татары пошли к р. Осколу, в сторону Двуреченского городка. М. Опухтин 9 октября со служилыми людьми выступил в поход против татар и в ответном письме П. Хованскому донес о невозможности, в связи с этим, составить описание земляных валов и других укреплений на черте.

Руководители Разрядного приказа, видимо, не обратили особого внимания на то, что в строельных книгах П. И. Хованского описаны лишь западные и южные укрепления «Новой черты», но отсутствует описание восточных укреплений. За строительство черты князь П. И. Хованский получил царскую благодарность «с милостивым словом». Московская запись об этом сделана перед текстом строельных книг[6]; и мы вправе связать благодарность не только с завершением работ на черте, но и с получением в Москве подробного описания черты.

Как и при географическом описании Белгородской черты[7], нам пришлось провести предварительную исследовательскую работу в области исторической метрологии, определить современные величины упомянутых в документах XVII в. мер длины. На Белгородской черте руководители работ зачастую измеряли расстояния саженями разных размеров. В предыдущей главе уже говорилось о том, что перед строителями Изюмской черты было выдвинуто четкое требование: все измерять «в трехаршинную сажень»[8]. Но всегда ли оно выполнялось?

Измерение современными мерами длины выверенных три столетия назад расстояний и элементарные арифметические подсчеты дают возможность установить, что это требование Москвы было выполнено. Все руководители работ использовали в ходе строительства

---

[5] Дуванный боярак — урочище в 50 км к югу от Валуек. Его место определяется современным селом Верхняя Дуванка в Ворошиловградской области УССР.

[6] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 587 об.

[7] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 160—164.

[8] См., например: ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 952, л. 58.

Изюмской черты трехаршинную московскую сажень (2,13 м) и считали в версте по 1000 саженей. Верста, упоминаемая в отчетах П. В. Шереметева, П. И. Хованского, Г. И. Косагова, А. С. Опухтина, являлась тысячесаженной и составляла, таким образом, 2,1 км (или 2,13 км при более точных расчетах).

В строельных книгах П. И. Хованского протяженность земляных валов указана всегда с большой точностью — до полсажени. Длина же лесных засек, как более простых и не столь долговечных оборонительных конструкций, дается обычно весьма приблизительно, с точностью до 50 или 100 саженей. В связи с этим, переводя меры длины XVII в. в современные, мы считали целесообразным указывать длину земляных валов с точностью до 1 м, а длину лесных засек, как правило, с точностью до 0,1 км. Высота и ширина земляных валов указывается далее с точностью до 0,1 м.

И последнее предварительное замечание, может быть — самое важное.

При изучении Белгородской черты мы видели четко выделенные участки, военные зоны, края которых в большинстве случаев совпадали с границами уездов. На Белгородской черте городские воеводы отвечали за состояние укреплений в пределах определенных зон, служилые люди города ремонтировали деревянные и земляные укрепления в пределах своей зоны, несли службу у своих крепостей. На Изюмской черте такого четкого разделения на участки не было осуществлено ни осенью 1680 г., ни в дальнейшем.

«Новая черта» в 80-х гг. XVII в. в организации военного управления значительно уступала старой Белгородской черте. Общее руководство Изюмской чертой оставалось за воеводами Белгородского полка, поскольку «Новая черта» находилась на территории Белгородского разряда. Но далеко не у всех земляных и деревянных укреплений, далеко не у всех участков Изюмской черты оказались конкретные и заботливые хозяева. Так, считалось, что участок Изюмской черты, прикрывавший у г. Нового Перекопа территорию расселения черкас Харьковского полка, находится под наблюдением и управлением харьковского полковника Г. Донца. Но как осуществлялось это управление? Осенью 1680 г. русские посланники В. М. Тяпкин и Н. М. Зотов, ехавшие в

Крым и пересекшие Изюмскую черту у г. Нового Перекопа, отмечали, что этот городок «устроен крепко, только стоит от харьковского полковника в худой осторожности». Посланники доносили, что харьковский полковник Г. Донец «по черте, в городках, своего полку крепких караулов не ставит, и подъездов для проведывания неприятельских людей не посылает»[9]. Не лучше обстояло дело и на восточном фланге Изюмской черты, где огромный Полатовский земляной вал по сути дела остался без хозяина.

Географическое описание Изюмской черты дается в общем направлении с запада на восток.

2. Западная часть «Новопостроенной черты» (от г. Коломака до р. Северского Донца)

Крайним западным укреплением Изюмской черты следует считать «земляной город Коло́мак». Выше уже упоминалось о том, что воевода Белгородского полка П. И. Хованский однажды назвал его «городом за чертой», но затем изменил свое мнение и начал описание «Новопостроенной черты» именно с Коломака. В пределах территории Белгородского разряда (Белгородского полка) г. Коломак занимал пограничное положение, сразу же за ним в юго-западном направлении начинались земли автономной гетманской Украины. Изюмская черта у Коломака как бы примыкала к юго-западной границе Белгородского разряда.

В одном из осенних донесений 1680 г. П. И. Хованский обратил внимание русского правительства на возможность обхода татарами укреплений Изюмской черты с запада, со стороны гетманской Украины. Сообщая, что прямой путь татарам закрыт новой чертой, он добавлял: «А опасение иметь от приходу хана крымского и иных неприятельских людей меж реки Ворскла и Полтавы и Коломка». П. И. Хованский считал, что в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны «по весне в тех местах бес крепостей быть не мочно»[10]. Но гетман И. Самойлович был противником строительства укрепленной линии на территории подведомственной ему

---

[9] Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850, т. 2, отд. 2, с. 571.

[10] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 554.

Украины. К тому же весной 1681 г. после заключения Бахчисарайского мира изменилась военно-политическая обстановка на южной окраине России, и идея продления укреплений Изюмской черты от г. Коломака до Полтавы не получила поддержки.

Попутно заметим, что предложение П. И. Хованского о возведении укреплений по р. Коломаку в сторону Полтавы не было первым предложением подобного рода. Еще за 30 лет до этого, летом 1650 г. Разрядный приказ поручил главному в то время русскому воеводе на юге страны боярину Б. А. Репнину выяснить, могут ли пройти «подле Коломковского лесу татаровя на Русь» и можно ли укрепить берега р. Коломака «к Плотаве»[11]. При этом описать и нанести на чертеж берега р. Коломака следовало не до Полтавы, а только до «литовской границы», поскольку Полтава находилась тогда в пределах Польско-Литовского государства.

Коломак, как укрепленный город, был построен в «184-м году»[12] (1675/76 г.) «с Московской стороны» речки Коломака, а осенью 1680 г. во время сооружения новой черты под руководством П. И. Хованского коренным образом обновлен. Город был окружен земляной насыпью (валом) высотой в 2 сажени (4,3 м) и шириной у основания в 3 сажени (6,4 м). Снаружи, за земляным валом вырыт был ров, изнутри земляной вал укреплялся дубовыми бревнами. Город имел четыре башни, в том числе одну проезжую, с воротами. По периметру длина укрепленного «земляного города» с учетом выступавших башен равнялась 224 саженям[13] (477 м). Гарнизон составляли «черкасы городовой службы», в 1681 г. их было 135 человек[14]; имелись 2 пушки. В Коломаке также жили черкасы полковой службы, входившие в состав Ахтырского черкасского полка.

Воеводского управления в Коломаке не было. Сведения об этом городе записаны в Белгородской годовой сметной книге 1681 г. по донесению атамана Е. Михайлова, получившего разрешение, как уже отмечалось выше, летом 1680 г. от П. В. Шереметева призывать в го-

---

[11] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 914, л. 150.
[12] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 859.
[13] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 589.
[14] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 863.

род черкас. С севера и с запада к г. Коломаку примыкал «большой черный лес», сохранившийся частично и поныне. В 80-х гг. XVII в., как сообщает атаман Е. Михайлов, этот лес тянулся до Колонтаева и Красного Кута (Краснокутска). С юго-востока, со стороны Муравской дороги, г. Коломак защищала от возможного татарского набега болотистая пойма реки («от Муравского шляху по реке по Коломку болотина»)[15]. Ныне Коломак является поселком городского типа в Валковском районе Харьковской области.

Лес, тянувшийся от г. Коломака вверх по правому берегу р. Коломака (П. И. Хованский называет его «Большой Коломский»), и пойма реки являлись естественными препятствиями для татарской конницы. Документы здесь не отмечают татарских перелазов. По расчету П. И. Хованского расстояние от г. Коломака «до земляного валу и до новопостроенного города Высокополья» составляло 7 верст (14,9 км). Учитывая небольшие повороты реки, мы определим это расстояние «по черте» в 15 км. Черта здесь шла в общем направлении с юго-запада на северо-восток; дополнительных препятствий против татар не требовалось. Лишь в крайней, северо-восточной части леса по направлению к новому земляному валу устроена была небольшая лесная засека длиной 86 саженей (183 м). Место соединения засеки с валом было дополнительно укреплено надолбами[16].

От лесной засеки шел небольшой по протяженности земляной вал к г. Высокополью. Его длина составляла 60 саженей (128 м), высота — 2½ сажени (5,3 м). За валом по обыкновению находился ров.

Город Высокополье, об истории возникновения которого подробно говорилось в предыдущей главе, примыкал к валу «с русской стороны»[17] и считался, как и Коломак, «земляным городом». Длина земляной насыпи, окружавшей город, равнялась 324 саженям (690 м), изнутри насыпь была укреплена бревнами. Высота земляных городских стен по донесению П. И. Хованского осенью 1680 г. составляла 2¼ сажени (4,8 м). Однако в донесении осадчика г. Высокополья Тихона Хмеля, относящемся к 1681 г. и записанном в Белгородскую го-

[15] ЦГАДА, книги Белг, ст., № 117, л. 862 об.

[16] Там же, № 1530, л. 589.

[17] Там же.

довую сметную книгу, высота городских стен определена уже в 2 сажени (4,3 м)[18]. Возможно, что и П. И. Хованский и Т. Хмель были правы, поскольку русский воевода измерял только что насыпанный вал, а украинец-осадчик — землю, успевшую за год «осесть» и утрамбоваться.

Любопытно, что прозвище высокопольского осадчика — Хмель едва не стало основой названия поселения. В одном из документов 1683 г., опубликованном Д. И. Багалеем, вместо «Высокополье» употреблено другое название города — «Хмелевка»[19]. Однако по каким-то причинам новое название не привилось; топоним «Высокополье» оказался прочнее.

Город не имел воеводского управления. В донесении осадчика перечисляются имена и прозвища 148 черкас, набранных им для городовой службы. Конец списка оборван, и не вполне ясно, является ли сохранившийся перечень полным. Артиллерии в 1680—1681 гг. в Высокополье не было; во всяком случае в Белгородской сметной книге 1681 г. о пушках в этом городе не говорится ничего. Ныне Высокополье является селом и относится к Валковскому району Харьковской области.

У Высокополья Изюмская черта поворачивала на юго-восток, в сторону верховьев р. Мжи. Но предварительно укрепленная линия должна была еще пересечь в верховьях р. Коло́мак.

От Высокополья, от «земляного города», к реке шел вал длиной 189,5 сажени (404 м); продолжением вала являлись надолбы на 86 саженях (183 м), перегораживавшие реку и речную пойму. П. И. Хованский упоминает рядом с надолбами «для воды заплот»[20] (плотину) длиной 8 саженей. Плотина повышала уровень реки у Высокополья.

От надолб, от верховьев р. Коломака, начинался земляной вал, который мы решили в предыдущей главе называть Перекопским. Насыпанный в 1680 г. почти всюду поверх старинных «валков», этот вал тянулся напрямик с северо-запада на юго-восток к г. Новому Перекопу, перегораживая здесь знаменитую Муравскую сакму.

---

[18] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 865.

[19] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 125.

[20] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 589.

Краткие сведения о размерах Перекопского вала приводились в предыдущей главе, в рассказе об истории сооружения вала. Высота вала составляла $3^1/_4$ сажени (7 м), толщина в основании — 4 сажени (8,5 м), глубина рва за валом — 3 сажени (6,4 м) [21]. По высоте Перекопский вал превосходил земляные валы Белгородской черты, он справедливо считался «добрым валом».

В строельных книгах П. И. Хованский определяет длину вала в 2 версты 410 саженей [22] (5 км 133 м). На валу было устроено 7 земляных «отводных городков», причем два из них располагались «с русской стороны», а пять — «с крымской стороны». Выдвинутые на Перекопском валу в сторону врага земляные «отводные городки» по своему назначению были аналогичны «зубцам» Полатовского вала и предназначались в первую очередь для ведения флангового огня. В «отводных городках» при необходимости можно было держать и круговую оборону; в этом смысле они имели несомненное преимущество перед небольшими по размеру полатовскими зубцами, не укрепленными с тыла.

Земляной вал заканчивался у г. Нового Перекопа. Заметим, что этот городок, построенный в 1680 г., иногда в документах называется просто «Перекоп», без определения «Новый» [23]. Встречается и третье название городка — «Малые Валки». Городок имел две линии укреплений: наружную в виде земляной насыпи, квадратной в плане, общей длиной 423 сажени (901 м) и внутреннюю в виде деревянного острожка. По углам внешнего «земляного города» находились 4 «земляные башни», в «малом деревянном городке» стояли 4 деревянные башни [24]. В Новом Перекопе в 1681 г. числилось 218 черкас городовой службы [25].

Документы первых лет существования Нового Перекопа подчеркивают, что этот городок стоял у леса («под Большим Валковским лесом» по строельным книгам П. И. Хованского; «у Большого Валковского лесу» по

---

[21] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 182—183.

[22] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, с. 589—590.

[23] Возможно, что эпитет «Новый» возник как своего рода противопоставление старинным «валкам» и существовавшему здесь в середине XVII в. Можевскому стоялому острогу.

[24] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 590.

[25] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 858.

Белгородской годовой сметной книге 1681 г.)[26]. Прежний город давно уже превратился в село; его современное название — Перекоп. Леса около села нет, кое-где лишь сохранились небольшие рощи.

От Нового Перекопа Изюмская черта поворачивала прямо к югу, к современнему селу Снежкову. Дугой огибая г. Валки, она затем вновь склонялась к востоку. Естественные препятствия для татарской конницы: леса, овраги с устроенными в них засеками здесь перемежались с небольшими земляными валами. На участке черты от Нового Перекопа до р. Северского Донца насчитывалось 11 таких земляных валов. Города по р. Мже — Валки, Водолага, Соколов, Змиев находились позади укрепленной линии, хотя и на сравнительно небольшом расстоянии от нее (8—15 км).

Непосредственно от г. Нового Перекопа по черте устроена была лесная засека длиной 400 саженей (852 м), от конца засеки по направлению к Гончарову бояраку шел земляной вал длиной 187 саженей (398 м), продолжением вала являлась засека в Гончаровом бояраке длиной 800 саженей (1,7 км). От нее к следующему лесу с названием «Марков рог» проложен был еще один земляной вал длиной 225 саженей (479 м), его продолжала засека в Марковом рогу длиной 800 саженей (1,7 км). Проход между Марковым рогом и лесом с названием «Водопойная яруга» был перегорожен следующим валом длиной 292 сажени (622 м.).

Засека в Водопойной яруге, продолжавшая к юго-востоку укрепления Изюмской черты, тянулась на 2 верстах 500 саженях (5,3 км). Очередной небольшой промежуток между двумя лесами — Водопойной яругой и Водопойным рогом перегораживался валом протяженностью в 181 сажень (386 м), а затем шла длинная засека (7 верст, или 14,9 км) в лесу от Водопойного рога до верховьев речки Пересветки (до «Пересветлых вершин» — по П. И. Хованскому)[27].

Как сообщается в строельных книгах П. И. Хованского, «от тех урочищ» новая засека длиной в 1000 саженей (2,1 км) шла до Рецкиншина рога, а далее был

[26] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 950; книги Белг. ст., № 117, л. 854.

[27] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 591. Пересветка — правый приток р. Мжи.

насыпан земляной вал «через Лихой Иван» до Долгого боярака длиной 799 саженей. Высота вала составляла 3 сажени. Ручей Лихой Иван показан и подписан на карте Валковского уезда XVIII в.[28], ныне здесь находится стык современных Валковского и Нововодолажского районов Харьковской области. Земляной вал через Лихой Иван уже в первую весну после постройки был размыт полой водой на 8 саженях, его закрепили бревнами служилые люди г. Валков[29].

Кроме укреплений у Лихого Ивана, в ведении гарнизона г. Валков находился в 1680—1681 гг. и земляной вал у Водопойной яруги, о котором мы уже упоминали. Это место, по данным Белгородской сметной книги 1681 г. находилось от города в 4 верстах (8,5 км). У двух небольших земляных валов (у Водопойной яруги и у Лихого Ивана) располагались «отъезжие сторожи» из г. Валков, по 2 человека на каждой. В Белгородской сметной книге 1681 г. сообщается, что на сторо́же у Водопойной яруги стояли «наемные сторожа». Характерно, что гарнизон г. Валков, насчитывавший в своем составе 456 человек городовой службы (1 подьячего, 7 пушкарей, 448 черкас)[30], не мог выделить на важную и близкую к городу сторожу служилых людей.

Воевода г. Валков Савва Арнаутов в феврале 1681 г. писал генералу Г. И. Косагову в Чугуев, что он посылает из Валков дважды в неделю людей «по Новой черте», от Лихого Ивана до Водопойной яруги и до Маркова рога[31]. В этих урочищах, как видно по письму валковского воеводы и по другим документам, находились укрепления Изюмской черты, ближайшие к Валкам, но не являвшиеся в полной мере «Валковским участком» черты. Отсутствие четкого деления на участки, отсутствие надежной охраны возведенных укреплений — все это типично именно для Изюмской черты. При изучении состояния укреплений Белгородской черты в 60—70-х гг. XVII в. подобных неувязок мы не находили.

Можем ли мы считать, что г. Валки находился на

---

[28] ЦГАДА, ф. 1356, Харьковская губ., Валковский уезд, № 19 (6325).

[29] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 632.

[30] Там же, л. 619—634.

[31] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 113, л. 5.

Изюмской черте? Полагаю, что нет. И не только потому, что от земляных валов и лесных засек «Новопостроенной черты» его отделяло несколько верст. Укрепления города и укрепления черты не представляли в районе Валков единого целого, не создавали общего оборонительного комплекса, как это бывало обычно на Белгородской черте, например в районе Усмани или Козлова. Думаю, что существование двух упомянутых выше валковских отъезжих сторож не меняет существа дела. Аналогичные рассуждения вполне применимы и к трем остальным городам у р. Мжи: Водолаге, Соколову, Змиеву.

По документам хорошо видно, что воевода Белгородского полка П. И. Хованский и в ходе строительства черты и после его завершения не собирался закрепить конкретные, точно определенные участки черты за отдельными городами. В строельных книгах П. И. Хованский дает описание укреплений «на черте» и совершенно не упоминает о расположенных позади городах. Должность и положение П. И. Хованского позволяли ему решить вопрос о разделении «Новопостроенной черты» на участки и приписке таких участков к городам. П. И. Хованский этого вопроса не решил и не поставил его перед Москвой, перед Разрядным приказом. В деятельности П. И. Хованского (как и П. В. Шереметева — в период краткосрочного его руководства строительством Изюмской черты) мы не видим творческого начала. Он (как и П. В. Шереметев) лишь выполняет царские указы. Не смогли издалека разобраться во всех деталях и дьяки Разрядного приказа. В результате напрашивавшееся организационное объединение укреплений «Новой черты» с укреплениями расположенных позади городов не было осуществлено.

Надо сказать, что в ряде документов, вышедших из Рязрядного приказа в 80-х гг. XVII в., Валки, Водолага, Соколов и Змиев называются городами «по Новопостроенной черте». Такая формулировка употреблена, в частности, в документе 1683 г., опубликованном Д. И. Багалеем[32]. Здесь, видимо, мы сталкиваемся с обычным для того времени консервативно-бюрократическим мышлением дьяков и подьячих московских приказов.

---

[32] Багалей Д. И. Материалы..., 1886, с. 116.

Ход мыслей руководителей Разрядного приказа мог быть примерно таким: раз прежде было указано провести «черту» через упомянутые города, значит так и сделано. Разбираться в географических тонкостях далекой от Москвы «черты» дьякам Разрядного приказа было хлопотно да и незачем.

Итак, г. Валки находился позади «Новопостроенной черты». Расположенный у впадения в р. Мжу речки Турушки он после пожара «во 188-м году» (видимо, весной 1680 г.) был отстроен заново. Осенью 1680 г. в городе существовали две отдельные деревянные крепости: «острог», построенный «стоячим дубовым лесом», длиной 208 саженей с проезжей башней и «город» окружностью 273 сажени с 3 проезжими башнями. Упоминается также острожная стена от Мжи до Турушки длиной 1350 саженей, защищавшая посад. К р. Мже был устроен тайник. На крепостных стенах располагались две пушки (одна из них медная, «московского литья», весом 49 пудов) и две затинные пищали. В городовой службе, как мы уже сообщали, числилось 456 человек, в том числе 448 черкас[33].

Вернемся теперь к описанию укреплений Изюмской черты. Продолжением земляного вала, пересекавшего ручей с названием «Лихой Иван», являлась засека в Долгом бояраке. От конца засеки был насыпан очередной земляной вал «до речки Доброго Ивана» и далее на восток «за речку Добрый Иван до Водолажского лесу». Среди 11 валов, насыпанных южнее р. Мжи, этот земляной вал был самым длинным. П. И. Хованский определяет его длину в 1308 саженей[34] (2 км 786 м). При пересечении валом р. Доброго Ивана по болотистой пойме были поставлены дополнительно надолбы на 25 саженях.

Далее на восток, к р. Водолаге устроена была в 1680 г. засека в Водолажском лесу[35] длиной 7 верст

[33] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 619—634.

[34] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 597.

[35] До середины XVII в., как видно по документам, река называлась «Одолага» или «Адалага», а лес — «Одолажским». В 1646 г. в отчете экспедиции И. Маслова и Г. Жулинова (мы говорили об этой экспедиции в I главе) отмечен «Одолажский» лес. Во время заселения края русскими и черкасами топоним принял более понятную для населения форму «Водолага»; в такой форме топоним закрепился в документах второй половины XVII в.

(14,9 км). Ее продолжением являлась другая засека восточнее р. Водолаги длиной 3 версты (6,4 км). Между засеками на обоих берегах р. Водолаги поставлены были тогда же надолбы и выкопан ров. Однако ни городка, ни стоялого острога у пересечения Изюмской чертой р. Водолаги в описываемое нами время не существовало. Упомянутый прежде не раз городок Водолага, принадлежавший харьковскому полковнику Григорию Донцу, находился в километрах в десяти севернее, при впадении р. Водолаги в Мжу. Ныне это село Старая Водолага. А у этого места, где сходились с двух сторон засеки к р. Водолаге, позже появился поселок Новая Водолага, современный районный центр.

Засека, о которой мы только что упоминали, восточным концом доходила до верховьев речки Водолажки. Оттуда шел следующий земляной вал длиной 486 саженей (1 км 35 м) «вверх по суходолу к Высокому берегу». Продолжением вала была засека в Высоком бояраке длиной 500 саженей (1,1 км). За ней следовал довольно значительный по протяженности вал длиной 1038,5 сажени (2 км 212 м) «к Праворотному лесу через Сухую долину»[36]. Далее Изюмская черта продолжалась засекой «в Праворотном лесу, в Янцове бояраке» (длина засеки 400 саженей, или 0,9 км). На карте XVIII в. юго-западнее с. Борки помечена «долина Янцова»[37], ее мы можем отождествить с Янцовым бояраком. Далее на восток шел небольшой земляной вал длиной 115 саженей (245 м) «до Косого лесу». За ним следовала засека в Косом лесу на 2 верстах (4,3 км). Косой лес, по всей вероятности, получил название по ручью Косому, подписанному на карте XVIII в. Это место находится южнее современного поселка Борки, примерно на стыке Нововодолажского и Змиевского районов Харьковской области.

От конца засеки отходил еще один вал «к Валковому лесу», его длина — 1077 саженей (2 км 294 м). В Валковом лесу находилась засека длиной 1400 саженей (3 км). Далее от Валкового леса до Гомольшинского леса шел последний на этом участке земляной вал длиной 700 саженей (1 км 491 м). Ныне в этом месте, на

---

[36] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 598.

[37] Там же, ф. 1356, карты ген. меж., Харьк. губ. Валковский уезд, ч. 2, № 20 (6326).

бывшей «черте» расположено с. Тарановка Змиевского района Харьковской области.

Топоним «Валковой лес» и свидетельства местных краеведов[38] дают основание полагать, что до строительства Изюмской черты здесь, как и в верховьях р. Мжи, существовали старинные валы («валки»), частично включенные в 1680 г. в Изюмскую черту.

Вал, подходивший к Гомольшинскому лесу, заканчивался «земляной башней». В Гомольшинском лесу были устроены засеки общей протяженностью в 5 верст (10,6 км). По строельным книгам П. И. Хованского видно, что засеки не доходили до Северского Донца. Но сам лес, примыкавший здесь к р. Северскому Донцу, являлся надежным препятствием для татарской конницы. Далее укрепления Изюмской черты продолжались уже по «русской стороне» Северского Донца, — эту часть черты мы рассмотрим в следующем параграфе.

Под защитой укреплений, устроенных у Валкового и Гомольшинского лесов, остались два города в нижнем течении р. Мжи: Соколов и Змиев.

В 12 км к северу от с. Тарановки, от укреплений бывшей Изюмской черты, находится современное с. Соколово, вошедшее в историю Великой Отечественной войны Советского Союза. Здесь в 1943 г. впервые вступили в бой с немецко-фашистскими захватчиками чехословацкие воинские подразделения, сформированные в СССР. В память о начале славного боевого содружества советских и чехословацких воинов в селе установлен памятник. В описываемое же нами время на месте села находился городок Соколов, через который весной 1680 г. предполагалось провести «Новую черту». Но, как уже говорилось выше, укрепления Изюмской черты прошли южнее г. Соколова.

Наружная деревянная крепость в Соколове была устроена в виде «стоячего острога», в ней имелось двое ворот и четыре глухие башни. Воеводского управления в городке не было; сведения о Соколове записаны в Белгородской сметной книге 1681 г. по донесению сотника Ивана Сербина. Внутри наружного острога, как сооб-

---

[38] Пользуюсь случаем выразить признательность учительнице Тарановской средней школы Клавдии Григорьевне Булыге, сообщившей мне ценные сведения о ныне упраздненном хуторе Валковом и существующих до сих пор земляных валах у с. Тарановки.

щал сотник, находился «острожек окопан валом»[39]. Наличие в г. Соколове внутреннего небольшого укрепления с земляным валом видно и на плане г. Соколова начала XVIII в., сохранившемся в Центральном государственном военно-историческом архиве[40]. Гарнизон Соколова в 1681 г. состоял из 54 черкас городовой службы. Какой-либо конкретной связи укреплений г. Соколова с укреплениями Изюмской черты ни в строельных книгах П. И. Хованского, ни в Белгородской сметной книге 1681 г. не отмечено.

Ниже Соколова по течению р. Мжи, также на южном берегу этой реки, при впадении ее в Северский Донец, расположен г. Змиев, современный районный центр. Главным укреплением Змиева в 80-х гг. XVII в. являлся «земляной город». При этом земляной вал и наружный ров были дополнительно укреплены дубовыми бревнами. Город имел 5 башен, в том числе 1 проезжую. Примыкавший к крепости с запада посад был обнесен деревянной острожной стеной. В 1681 г. в Змиеве насчитывалось 302 человека городовой службы, в том числе 40 детей боярских, 20 пушкарей, 2 подьячих, 2 целовальника и 238 черкас. Гарнизон располагал 7 пушками и 1 затинной пищалью[41].

Белгородская годовая сметная книга 1681 г. сообщает, что в 7 верстах от Змиева, на валу у Гомольшинского леса и у засек стояли сторожа, «нанятые городом». Здесь существовали 2 сторóжи, на каждой стояло по 4 человека. Как мы видим, участия в охране Изюмской черты, проходившей всего в 15 км от города, служилые люди Змиева практически не принимали.

Подводя итог описанию укреплений Изюмской черты на участке от г. Коломака до р. Северского Донца, отметим преобладание двух основных типов укреплений: земляных валов и лесных засек. Естественные природные препятствия для татарской конницы — реки, леса, болота использовались здесь в меньшей степени. На участке было сооружено 14 земляных валов (см. таблицу), остатки которых сохранились на территории современных Валковского, Нововодолажского и Змиевского районов Харьковской области. Наибольшее значение

---

[39] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 513—514.
[40] ЦГВИА, ф. 349, оп. 38, ед. хр. 1702.
[41] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 603—612.

имел Перекопский вал, перекрывший основную дорогу татарских вторжений — Муравскую сакму. Непосредственно на черте находились три города: Коломак, Высокополье, Новый Перекоп; чуть позади Изюмской черты, у р. Мжи, располагались четыре города: Валки, Водолага, Соколов, Змиев, однако укрепления этих четырех городов не составляли с укреплениями черты единого целого. Общая протяженность Изюмской черты на участке от г. Коломака до р. Северского Донца составляла, по нашему подсчету, 109 километров.

Таблица

Земляные валы в западной части Изюмской черты (от г. Коломака до р. Северского Донца) осенью 1680 г.

№ п/п	Протяженность, в метрах	Географическое расположение по описанию 1680 г.	Современный район
1	128	От большого Коломакского леса до г. Высокополья	Валковский
2	404	От г. Высокополья к р. Коломаку	Валковский
3	5133	От р. Коломака до г. Нового Перекопа («Перекопский вал»)	Валковский
4	398	Севернее Гончарова боярака	Валковский
5	479	Северо-западнее Маркова рога	Валковский
6	622	Между Марковым рогом и Водопойной яругой	Валковский
7	386	Между Водопойной яругой и Водопойным рогом	Валковский
8	799	Через ручей Лихой Иван к Долгому бояраку	Валковский
9	2786	Через ручей Добрый Иван до Водолажского леса	Нововодолажский
10	1035	От верховьев речки Водолажки к Высокому бояраку	Нововодолажский
11	2212	От Высокого боярака через Сухую долину к Праворотному лесу	Нововодолажский
12	245	От Янцова боярака до Косого леса	Нововодолажский
13	2294	От Косого леса к Валковому лесу	Змиевский
14	1491	Между Валковым лесом и Гомольшинским лесом	Змиевский

3. Укрепления Изюмской черты вдоль р. Северского Донца (от Гомольшинского леса до устья р. Оскола)

Как мы уже отметили в предыдущем параграфе, лесная засека в Гомольшинском лесу осенью 1680 г. до Северского Донца не доходила. В строельных книгах П. И. Хованского сообщается, что Изюмская черта от Гомольшинского леса шла «через Северский Донец» к городку Бишкину [42], ее укрепления продолжались на левой («русской») стороне Северского Донца.

Место пересечения Изюмской чертой р. Северского Донца мы можем определить лишь условно, поскольку Гомольшинский лес примыкает с юго-запада к Северскому Донцу на протяжении более 10 км. Берега Северского Донца здесь весьма живописны. На правом берегу южнее хутора Коробова находится так называемая Казачья гора, с которой открывается прекрасный вид на речную долину. У южной опушки Гомольшинского леса в Северский Донец впадает речка Гомольша.

Первым левобережным укреплением Изюмской черты считался городок Бишкин. В настоящее время существуют три населенных пункта с названием «Бишкин»: Верхний Бишкин, Нижний Бишкин и Черкасский Бишкин; первые два находятся на правобережье, третий — на левобережье Северского Донца. Городок Бишкин, ставший в 1680 г. крепостью на Изюмской черте, располагался на месте современного Черкасского Бишкина. Городок получил название, как можно полагать, по находившемуся поблизости татарскому Бишкину (или Бишкинскому) перелазу, который в свою очередь был назван по ручью Бишкину — правому притоку Северского Донца.

Городок Бишкин располагался на опасном месте и являлся передовым укреплением Изюмской черты. В Белгородской сметной книге 1681 г. записано по донесению бишкинского сотника Якова Лукьянова, что городок был построен «на татарском броду» [43]. Городок был деревянным, его окружал ров. Артиллерии в городке не было.

В строельных книгах П. И. Хованского сообщается,

[42] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 598.

[43] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 852.

что «от Бишкина до Бишкинского перелазу» по берегу Северского Донца стояли надолбы в два ряда; к сожалению, протяженность линии надолб не указывается. Непосредственно у татарского перелаза установлена была деревянная башня. От башни надолбы продолжались в восточном направлении на 910 саженях (1 км 938 м) «к Шебалину озеру»[44].

Позади этих укреплений, как бы в глубине обороны, находился еще один деревянный «жилой город» — Лиман. «Город Лиман построен на реке Северском Донце, с Ногайской стороны, меж двух Лиманов», — читаем мы в Белгородской годовой сметной книге[45]. Упоминаемые в документе «Лиманы» — это озера, соединявшиеся, вероятно, с Северским Донцом во время половодья[46]. В 1681 г. в Лимане значилось 97 черкас городовой службы, гарнизон располагал двумя пушками. При описании г. Лимана в Белгородской сметной книге 1681 г. содержатся сведения об уже отмеченном нами татарском перелазе, расположенном ниже Бишкина. Укрепления г. Лимана, в частности, деревянная стена, построенная между двух озер «от степи», закрывали путь татарам в случае их прорыва через р. Северский Донец у Бишкина. Прежний г. Лиман является ныне поселком городского типа в Змиевском районе Харьковской области.

Передовые укрепления Изюмской черты продолжались у Шебалина озера, где против очередного татарского перелаза упомянутая нами почти двухкилометровая линия надолб расходилась как бы тремя рядами. Эти надолбы перекрывали проход шириной 200 сажений. Перед надолбами, прямо у перелаза устроен был из сосновых бревен квадратный в плане острожек, с высотой стен в 2 сажени (4,3 м); в острожке имелась рубленая башня высотой в 4 сажени (8,5 м). Острожек находился в ведении г. Андреевых Лоз, в нем располагался караул из числа служилых людей этого города (в обычное время 5 человек, «по вестям» — 30 человек). «А тот острожек от города в полуторе версте», — сообщает подполковник Федор Скрипицын[47], непосредствен-

[44] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 599.
[45] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 510.
[46] В настоящее время лишь одно из озер называется «Лиман».
[47] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 508.

но руководивший строительством укреплений Изюмской черты в этом районе.

Укрепления от острожка к г. Андреевым Лозам к осени 1680 г. не были достроены. П. И. Хованский в строельных книгах пишет, что «крепости» здесь будут сделаны «по зиме вскоре»[48]. Действительно, в Белгородской сметной книге 1681 г., при описании Андреевых Лоз, здесь указаны надолбы на 700 саженях.

Город Андреевы Лозы получил свое название по урочищу. Построен он был «подле реки Северского Донца с Ногайской стороны над Ступным озером и над Андреевыми Лозами»[49]. В описании города, составленном в 1681 г. Ф. Скрипицыным, разделяются собственно «город» и «посад»; первый был окружен стеной длиной 240 саженей с 4 башнями, второй — стеной в 610 саженей также с 4 башнями. Крепость стояла в низине. «Город построен на низком месте промеж болот», — сообщается в Белгородской сметной книге 1681 г.[50] В городовой службе в 1681 г. значилось 130 черкас, гарнизон располагал 2 пушками и 2 пищалями. Прежний г. Андреевы Лозы является сейчас поселком городского типа в Балаклейском районе Харьковской области; его современное название — Андреевка.

По прямой линии от бывшего города Андреевых Лоз до следующего города на Изюмской черте Балаклеи — 20 км; если же мерить расстояние по берегу Северского Донца, то оно удвоится. Река делает здесь многочисленные повороты, правый берег почти всюду — безлесный и высокий, на левом берегу до сих пор сохранились участки леса.

От Андреевых Лоз «по черте» (т. е. по левому берегу Северского Донца) стояли надолбы в 3 ряда, для надолб использовались трехсаженные бревна. Среди надолб устроена была башня, расстояние от города до башни составляло 690 саженей (1 км 470 м). Заметим, кстати, что генерал Г. И. Косагов летом 1680 г. считал необходимым насыпать здесь земляной вал[51], но П. И. Хованский ограничился установкой надолб и постройкой деревянной башни. Далее «от Курбатовой луки» про-

[48] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 599.
[49] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 503.
[50] Там же, л. 507 об.
[51] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 8 об.

должалась линия надолб вплоть до «Заднего броду против Красной горки». Упомянутое в документе 1681 г. урочище и расположенное рядом современное село называются ныне «Червоная горка».

Ниже, по левобережью Северского Донца рос густой лес примерно на 1 версте (2,1 км), по строельным книгам П. И. Хованского — «до Сараевой луки и до озера Ляховки»[52]. Далее вниз по течению Северского Донца лес прерывался, здесь находилась в 1680 г. слобода Спеваковка, позже отсюда переселенная. Слободу защищали три ряда надолб, протяженностью в 1 версту 200 саженей (2 км 556 м). У надолб стоял острожек «в четыре стены» с башней. В лесу устроены были 2 засеки длиной в 1 версту (2,1 км) и в 200 саженей (0,4 км), которые заканчивались у устья речки Крейдянки. П. И. Хованский определяет расстояние от Крейдянки до г. Балаклеи напрямик в 2 версты (4,3 км). Между устьями речек Крейдянки и Балаклейки заросший густым лесом левый берег р. Северского Донца являлся естественной преградой для татар.

Город Балаклея (по документам XVII в. — «Балыклея», или «Булыклея»), основанный в 1663 г., не раз упомянутым в нашей книге Яковом Черниговцем, был осенью 1680 г. важнейшим укреплением на Донецком участке «Новой черты». Город располагался «меж дву речек Балыклей»[53] и имел две основные линии укреплений. Внутренняя крепость построена была из рубленых дубовых стен-срубов на земляном валу (с горизонтально расположенными бревнами) и называлась «Малым городком». Длина стен Малого городка по периметру составляла 110 саженей, в городке стояла башня, рубленая в 8 стен. Вторая башня с воротами соединяла Малый городок с «Большим городом».

Длина стен Большого города (без учета стены, общей с Малым городком) составляла 310 саженей, среди стен имелось 6 башен. Стены Большого города устроены были в виде дубового стоячего острога и с двух сторон «осыпаны землей». Большой город был, таким образом, в значительной мере «земляным». За городской стеной находился ров, укрепленный сосновыми бревнами. В Ба-

---

[52] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 599.

[53] При впадении в Северский Донец эти речки сливаются в одну, ее современное название — «Балаклейка».

лаклее имелась и третья, дополнительная линия укреплений: еще одна стена в виде острога защищала посад «от поля».

Большинство черкас — жителей Балаклеи, как видно по документам, несло полковую службу. В городовой службе значилось 104 человека, тогда как общее число дворов в городе, по примерному подсчету генерала Г. И. Косагова, сделанному летом 1680 г., достигало 500[54]. Гарнизон располагал в 1681 г. 5 пушками, среди которых были 2 медные пищали. Эти два медных орудия были присланы в Балаклею из Курска. Сохранилось имя пушечного мастера: «лил те пищали мастер Хоритон Иванов в прошлом, во 182-м году»[55]. Ныне г. Балаклея — районный центр одноименного района Харьковской области.

При впадении речки Балаклейки в Северский Донец в лесу была устроена засека. Далее, вниз по течению Северского Донца, надолбы на лесных полянах перемежались с засеками. В промежутке между устьями речек Балаклейки и Теплинки надолбами были перекрыты 2 поляны, общая протяженность надолб составляла 300 саженей (639 м), среди надолб стояли 2 караульные башни. Крайняя засека доходила до речки Теплинки, от которой до Савинского городка считалось 600 саженей.

Летом 1680 г. генерал Г. И. Косагов, планируя укрепления будущей «Новой черты», предлагал от устья речки Теплинки к Савинскому городку насыпать земляной вал[56]. Это предложение, как видно по последующим документам, не осуществилось. В строельных книгах П. И. Хованского здесь отмечаются лишь надолбы.

Следующим укрепленным городком на «русской стороне» Северского Донца был Савинский. По примерному подсчету Г. И. Косагова, летом 1680 г. в городке насчитывалось 200 черкасских дворов. Размеры деревянной крепости были невелики, артиллерией гарнизон не располагал. Современное название поселка — Савинцы, он находится в пределах Балаклейского района Харьковской области.

За устьем речки Теплинки, вниз по левому берегу Северского Донца, шла новая линия надолб на 400 са-

---

[54] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 8 об.
[55] Там же, книги Белг. ст., № 117, л. 500.
[56] Там же, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 7.

женях (852 м), эти надолбы стояли «против города Савинского»[57]. Далее до устья речки Каменки[58] рос лес. В 500 саженях ниже впадения речки Каменки в Северский Донец находился хорошо известный татарам Савинский перелаз. Берег Северского Донца от речки Каменки до Савинского перелаза был закрыт надолбами, позади надолб устроена была небольшая засека. Непосредственно у Савинского перелаза стояла деревянная башня «в остроге». От караульного острожка надолбы продолжались еще на 500 саженях (1065 м) до Волокового затона. Здесь левобережные укрепления Изюмской черты дополнялись засекой, устроенной на противоположной стороне Северского Донца.

Далее вниз по Северскому Донцу на 17 верстах (36,2 км) татарских перелазов не было. От Волокового затона до Лысой горки[59] по строельным книгам П. И. Хованского считалось 3 версты, от Лысой горки до Пришиба — 4 версты, от Пришиба до Зайцевой криницы — 5 верст, от Зайцевой криницы до Берецкого перелаза — 5 верст. Северский Донец делает у Лысой горки крутой правый поворот, но затем, поворачивая влево, широкой дугой огибает левобережные леса, территорию современного Изюмского охотничьего хозяйства. Небольшие леса сохранились здесь и на правобережье. Справа в Северский Донец впадают реки: Чепель, Беречка, Берека. На всем этом участке, на левобережье Северского Донца, искусственных препятствий для татарской конницы не требовалось. Левобережный лес являлся надежным естественным заслоном от татар. Но на правобережье в одном месте («против Пришиба») устроена была засека на 500 саженях (1,1 км).

Следующим опасным местом в русской обороне на Северском Донце являлся Берецкий перелаз, расположенный поблизости от устья р. Береки. До 1680 г. татары чувствовали себя здесь хозяевами положения, они переправлялись через Северский Донец и не боялись даже углубляться в левобережные леса. «Тотаровя ходят лесом промеж озер, потому что городов блиско нет», — доносил летом 1680 г. осматривавший эти ме-

[57] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 592.

[58] Среди притоков Северского Донца имеется несколько речек с названием «Каменка».

[59] У этого урочища находится современная деревня Лысогорка.

ста генерал Г. И. Косагов[60]. К осени 1680 г. картина коренным образом изменилась. Теперь у Берецкого перелаза стояла деревянная сторожевая башня. От башни к ближайшему озеру шел ров длиной 15 саженей (32 м). Позади этих передовых укреплений устроена была лесная засека протяженностью в 1 версту (2,1 км»[61]).

Вниз по берегу Северского Донца от Берецкого перелаза «до устья Солоной криницы и до пришибу»[62] считалось 3 версты (6,4 км). П. И. Хованский сообщает, что здесь, у пришиба, раньше «была Спевакова слободка». Ко времени строительства Изюмской черты слободки здесь уже не существовало, ее жители переселились выше по течению Северского Донца, к Андреевым Лозам. На поляне, на месте прежнего селения, стояли надолбы на 150 саженях (320 м), от края надолб отходила засека длиной в 300 саженей (640 м) к устью Антоновой криницы.

От Антоновой криницы густой лес рос по берегу Северского Донца вплоть «до Изюмского устья» на 4 верстах 100 саженях (8,7 км), здесь татарских перелазов не существовало. Г. И. Косагов летом 1680 г. рекомендовал устроить здесь засеку[63]. Это предложение, однако, как видно по строельным книгам П. И. Хованского, в 1680 г. не было осуществлено.

Следующим укреплением «Новой черты» был городок Изюм, находившийся поблизости от знаменитого Изюмского брода через Северский Донец, давшего название Изюмской сакме. Напомним, что в описываемое нами время (осенью 1680 г.) городок Изюм располагался на левобережье Северского Донца и представлял собой небольшую деревянную крепость в глубине обороны. От р. Северского Донца до городка Изюма «вверх по речке Изюму» считалась 1 верста и 60 саженей (2 км 258 м). Весной 1681 г. новый город Изюм с мощными укреплениями был сооружен на противоположном, пра-

---

[60] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 5—6.

[61] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 592.

[62] Слово «пришиб» в XVII в. обычно употреблялось как имя нарицательное. Пришиб — это поляна у реки. Позже оно нередко превращалось в имя собственное, в географическое название урочища. В Харьковской области есть несколько селений с названием «Пришиб».

[63] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 5.

вом берегу Северского Донца, — мы об этом расскажем в следующей главе.

Осенью 1680 г. на передней линии обороны выше устья и вдоль речки Изюма стояли надолбы на 300 саженях, среди них — караульная башня. Позади, в лесу устроена была засека. Изюмский брод находился ниже впадения речки Изюма в Северский Донец. Здесь построена была еще одна башня. Надолбы общей длиной в 850 саженей (1811 м) стояли «на дву пришибах»[64] вдоль берега Северского Донца и вдоль речки Изюма по направлению к устью Изюмца (Малого Изюмца)[65]. У устья Изюмца к надолбам примыкала засека длиной в 1 версту (2,1 км), отходившая от надолб в юго-восточном направлении.

Расстояние от устья речки Изюма до устья р. Оскола по берегу Северского Донца составляет (без учета мелких извилин реки) примерно 20 км. Здесь на левобережье Северского Донца рос лес, в основном сохранившийся и сейчас. В лесу в двух местах устроены были засеки, одна находилась против устья речки Каменки, другая — ниже, у очередного «пришиба», где прежде существовал татарский перелаз. На пришибе стояли надолбы на 450 саженях (958 м) и деревянная башня. Против устья р. Оскола лесная засека длиной в 300 саженей была устроена и на правом берегу Северского Донца.

У впадения р. Оскола в Северский Донец заканчивались донецкие укрепления «Новопостроенной черты». Укрепленная линия под острым углом поворачивала здесь на север и шла далее вверх по р. Осколу.

Общую протяженность укрепленной линии вдоль Северского Донца мы определяем приблизительно в 165 км. В отличие от западного участка Изюмской черты здесь не было насыпано земляных валов. Широкое распространение имели деревянные оборонительные сооружения: острожки, башни, линии надолб, а также лесные засеки. Серьезным препятствием для татар являлась и сама река — Северский Донец. Подавляющее большинство укреплений располагалось на левобережье Северского Донца, на правом берегу устроено было только несколько лесных засек. На левобережье Северского Дон-

---

[64] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 593.

[65] Это место находится в пределах левобережной части современного г. Изюма.

ца, на укрепленной линии находилось осенью 1680 г. 6 городов: Бишкин, Лиман, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинский и Изюм.

4. Укрепления Изюмской черты по р. Осколу (от устья до впадения в Оскол р. Валуя)

Осенью 1680 г., в то время, к которому мы приурочили географическое описание Изюмской черты, у устья р. Оскола находилось своеобразное острие Изюмской черты, ее крайняя южная точка. Здесь укрепленная линия круто поворачивала налево, ее деревянные и земляные укрепления продолжались в северном направлении, вверх по правому берегу р. Оскола.

Поблизости от устья Оскола берега реки были покрыты лесом, сохранившимся до наших дней. На восьмикилометровом участке между устьем р. Оскола и г. Царевом-Борисовом татарских перелазов не было. Надолбы здесь стояли лишь в одном месте, «на пришибе», недалеко от Царева-Борисова. Ширина пришиба (поляны в лесу у реки) по данным Г. И. Косагова равнялась 200 саженям[66]. Протяженность линии надолб осенью 1680 г. составляла 400 саженей (852 м), из них 100 саженей приходилось на «старые надолбы». Против надолб, ниже Царева-Борисова, небольшие лесные засеки были устроены на обоих берегах р. Оскола[67].

В документах 1680—1681 гг. (в строельных книгах П. И. Хованского, в описании г. Царева-Борисова Г. И. Косаговым летом 1680 г., в Белгородской сметной книге 1681 г.) содержится свидетельство о существовании моста через р. Оскол у Царева-Борисова. «По конец мосту» стояла деревянная башня с проезжими воротами.

В предыдущей главе мы рассказали об истории г. Царева-Борисова в XVI—XVII вв. Дважды за это время рождавшийся и быстро развивавшийся, он получил от судьбы несколько жестоких ударов и в 1680 г. являлся одной из рядовых крепостей Изюмской черты. По свидетельству Г. И. Косагова летом 1680 г. в городе насчитывалось 190 дворов русских людей и черкас, из этого количества 20 дворов принадлежало пушкарям.

---

[66] ЦГАДА, разр. вязки, № 9, ед. хр. 25, л. 2.
[67] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 594.

Но больших пушек при пушкарях не было, гарнизон располагал лишь 4 железными пищалями малого калибра. В городовой службе значилось 49 черкас. Основная часть черкас была записана в полковую службу и составляла царевоборисовскую сотню Харьковского полка.

В деревянной крепости, находившейся у впадения в Оскол Бахтина колодезя, имелось 4 башни, в том числе 2 проезжие и 2 глухие. Белгородская сметная книга 1681 г. сообщает о трех сменных караулах, выставлявшихся из Царева-Борисова. Первый караул из 2 человек стоял на мосту через р. Оскол, второй из 3 человек — на Северском Донце, против устья р. Каменки (выше устья р. Оскола), третий караул из 2 человек располагался на Бахтине колодезе. Около посада поставлены были надолбы в два ряда[68]. Любопытно отметить наличие среди казенного имущества в г. Цареве-Борисове 3 якорей[69] — своеобразного свидетельства судоходства на Нижнем Осколе.

В настоящее время на месте бывшего г. Царева-Борисова находится с. Червоный Оскол (Красный Оскол) Изюмского района Харьковской области. Около села устроена плотина, поднявшая уровень р. Оскола. В результате строительства плотины создалось Краснооскольское водохранилище, протянувшееся более чем на 70 км вплоть до г. Купянска. Новое «море» выпрямило прежние излучины р. Оскола, скрыло под водой прежние берега и «пришибы».

Мы уже говорили в главе II, что расстояние от Царева-Борисова до Валуек по левому берегу р. Оскола было определено Михаилом Опухтиным весной 1680 г. в 80 верст (170 км). Летом 1680 г. Аверкий и Михаил Опухтины определили расстояние между этими городами и по другому берегу — «правой стороной реки Оскола». Получилось 83 версты 505 саженей[70], или, применяя современные меры длины, около 178 км. Конечно, точность этого измерения (не 83 версты, а именно 83 версты 505 саженей), вызывает законные сомнения. Но в целом у нас нет оснований не доверять Опухтиным. По прямой линии между Царевом-Борисовом и Валуйками — около 130 км, но река, по которой проходили

[68] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 490—494.

[69] Там же, л. 494.

[70] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 97.

укрепления Изюмской черты, имела много изгибов, излучин. Об этом говорят и названия урочищ у р. Оскола: Двулучная лука, Озерская лука, Таволжанская лука.

Итак, принимаем расстояние по Изюмской черте между Царевом-Борисовом и Валуйками в 178 км. Поскольку от Валуйской крепости до впадения р. Валуя в Оскол считалось 1430 саженей[71] (около 3 км), а г. Царев-Борисов, как мы видели, отстоял от устья р. Оскола на 8 км, общая протяженность Оскольского участка Изюмской черты определяется в 183 км (8+178—3).

Участок по р. Осколу по сравнению с другими частями Изюмской черты осенью 1680 г. оказался наименее укрепленным. Этот факт объясняется как социально-географическими особенностями района (слабая заселенность, расположение в стороне от основных татарских степных дорог, меридиональное направление Изюмской черты в этом месте), так и конкретной историей сооружения Изюмской черты. Летом 1680 г., во время энергичного строительства укрепленной линии, сюда были посланы очень малые контингенты русских войск, да и эти войска затем были сняты с берегов р. Оскола и переброшены П. В. Шереметевым на Полатовский вал (см. главу II). Не удалось по-настоящему наладить строительство земляных и деревянных укреплений по р. Осколу и осенью 1680 г., когда П. В. Шереметева в роли руководителя строительства черты сменил П. И. Хованский. В результате новые укрепления на правом берегу Оскола выросли в 1680 г. лишь в двух местах: на Топольских перелазах и у Лысых гор. Возникшие до строительства Изюмской черты городки на р. Осколе между Царевом-Борисовом и Валуйками, как уже говорилось выше, оказались к 1680 г. весьма малолюдными.

Следующей за Царевом-Борисовом крепостью на Изюмской черте был городок Острополье (другие названия — Гороховец, Гороховатский городок, Гороховатка). От Царева-Борисова до Острополья по правому берегу р. Оскола, с учетом изгибов реки считалось 23,5 версты, или около 50 км. Осенью 1680 г. между Царевом-Борисовом и Остропольем практически не было искусственных военно-инженерных сооружений: препятствием для татар являлась сама река. Отметим, что в

[71] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 105.

последующие годы, когда слабые места Изюмской черты дополнялись новыми укреплениями, были начаты, но затем прекращены работы по сооружению «Царевоборисовского вала» севернее города. В описываемое же нами время этого вала еще не существовало.

Деревянный городок Острополье стоял «на горе»[72] при впадении в Оскол речки Гороховца. В Острополье проживало в 1680 г. лишь 38 семей черкас и русских. Аверкий Опухтин писал тогда в Разрядный приказ о необходимости присылки в Острополье «прибавочных людей», но его предложение не получило поддержки. Ныне на месте прежнего городка расположено с. Гороховатка Боровского района Харьковской области.

Между Остропольем и слободой Купенской по правому берегу Оскола осенью 1680 г. не существовало постоянных поселений. В 10 верстах 300 саженях (по измерению А. Опухтина) выше Острополья находился так называемый «Сеньков дол»; здесь на горе, на правом берегу Оскола, А. Опухтин предполагал построить караульный острожек, но свое намерение не осуществил. Вскоре у Сенькова дола возникла слобода Сеньковка; она упоминается как уже существующая в документе 1683 г.[73]

В 4 верстах выше Сенькова дола находился Осиновый перелаз, использовавшийся татарами во время набегов на южнорусские земли. Через этот перелаз, обходя леса в низовьях р. Оскола, татары не раз прорывались с востока в междуречье Оскол — Северский Донец. У Осинового перелаза в ходе строительства Изюмской черты в 1680 г. планировалось устройство «жилого города»[74]. А. Опухтин предлагал переселить сюда возникшую в 4 верстах севернее перелаза Купенскую слободу. Эти планы, однако, не осуществились.

Купенская слобода (или Купенский городок — современный г. Купянск Харьковской области) была основана украинцем Иваном Трофимовым, получившим в 184-м году (1675/76 г.) от Г. Ромодановского разрешение «призывать черкас» и селиться на р. Осколе, у Осинового перелаза. Как уже говорилось выше, осадчик обосновался не у опасной, известной татарам переправы

---

72 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 111.

73 Там же, книги Белг. ст., № 96, л. 148.

74 Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 96.

через р. Оскол, а севернее, на «усть-речки Купинки». Летом 1680 г. в слободе проживало только 8 черкасских семей.

Более крупным укреплением на р. Осколе был Двуречный городок (он называется также в документах слободой Двуречной). В 1678 г. городок подвергся опустошительному татарскому набегу, его население сократилось тогда в несколько раз. Летом 1680 г. А. Опухтин насчитал в Двуречном городке только 54 семьи русских людей и черкас. Сведения о населении, укреплениях и артиллерии Двуречного городка все эти годы включались в Белгородские годовые сметные книги. В 1681 г., по донесению атамана Никиты Силина, в городке стрельцов и пушкарей не было. Гарнизон состоял из 43 черкас городовой службы и располагал 1 пушкой и 2 затинными пищалями[75]. Ныне Двуречная является поселком городского типа, это — центр Двуречанского района Харьковской области.

К северу от Двуречного городка находились так называемые «Топольские перелазы» через р. Оскол, хорошо известные татарам. Здесь летом 1680 г. на правом берегу Оскола велись военно-инженерные работы под руководством Аверкия Опухтина. Земляной вал, построенный черкасами Острогожского полка, тянулся «по берегу» на 400 саженях (852 м), перекрывая главный Топольский брод. Поблизости, у другого татарского брода стояли надолбы. У Топольских перелазов устроены были и лесные засеки.

За Топольскими перелазами, в 9 верстах от Двуречного городка, находился Каменский городок (слобода Каменка). Основателем слободы, ее «осадчим» документы называют Ивана Данилова[76]. Первые поселенцы появились у устья речки Каменки в 1679 г.; видимо, тогда же началось строительство деревянного городка. Как и Купенская слобода, Каменка не стала к осени 1680 г. полноценной крепостью на Изюмской черте. Ныне с. Каменка относится к Двуречанскому району Харьковской области.

Севернее Каменского городка Изюмская черта пересекала современную границу УССР и РСФСР. В 8 вер-

---

[75] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 813—815.

[76] Там же, № 98, л. 149.

стах от Каменского городка, на правом берегу Оскола находились так называемые «Лысые горы», — это урочище постоянно упоминается в документах 1680 г. У Лысых гор черкасами Острогожского полка были построены деревянные и земляные укрепления. Мы не смогли, к сожалению, выяснить в деталях протяженность и состав укреплений Изюмской черты у Лысых гор, поскольку их описания в 1680 г. не было сделано.

Между Лысыми горами и г. Валуйками в состав Изюмской черты вошли отдельные валуйские укрепления, построенные ранее. На правом берегу р. Оскола, севернее речки Козинки, стояли надолбы в три ряда на 944 саженях[77] (2 км 11 м). На противоположном берегу р. Оскола, при устье р. Ураевой, располагалась весьма любопытная по своему назначению деревянная крепость — так называемый «Розменный городок». Здесь в течение всего XVII в. эпизодически устраивался размен пленных и проходил выкуп русских полоняников у татар. Около «Розменного городка» у р. Оскола стояли надолбы. При впадении р. Валуя в Оскол (в 3 км от г. Валуек) Изюмская черта отходила от берегов Оскола.

Подводя краткий итог описанию 183-километрового участка Изюмской черты по р. Осколу, вновь отметим незавершенность, а кое-где и полное отсутствие инженерных сооружений, слабую заселенность и слабую обороноспособность участка, особенно заметную в сравнении с другими частями Изюмской черты. Из пяти крепостей Изюмской черты, расположенных осенью 1680 г. на правом берегу р. Оскола, относительно лучшей была Царево-Борисовская. Городки Острополье и Двуречный лишь в определенной мере оправдывали свое назначение городов-крепостей «на черте». Два городка — Купенский и Каменский — в 1680 г. только строились и с большим трудом заселялись. Возведенные на правом берегу р. Оскола отдельные земляные валы, линии надолб и лесные засеки не составляли еще с существующими городками единого военно-инженерного комплекса.

---

[77] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 466 об.

5. Северо-восточная часть Изюмской черты (от устья р. Валуя до р. Тихой Сосны)

Северо-восточную часть Изюмской черты географически можно в свою очередь разделить на три отрезка. Первый — укрепления в низовьях р. Валуя, включая, естественно, и г. Валуйки; второй — Большой Валуйский лес в среднем и верхнем течении р. Валуя; третий — Полатовский земляной вал.

Важнейшим укреплением на первом отрезке являлся город, основанный еще в 1599 г. и называвшийся в описываемое нами время — «Волуйка», а сейчас — «Валуйки»[78]. До строительства Изюмской черты этот город был передовой русской военной крепостью, выдвинутой далеко на юг, в сторону татарских кочевий. Валуйки не раз подвергались жестоким нападениям татар; во время «Смоленской войны» 1632—1634 гг. город был полностью разрушен польско-литовским отрядом, но быстро возродился. «Литовское разорение» Валуек привело к утрате всех прежних воеводских документов, и этот факт ежегодно отмечался в XVII в. в Белгородских сметных книгах. Географическое положение Валуек требовало создания системы круговой обороны, и задолго до строительства «Новой черты» такие укрепления появились вокруг города, на расстоянии нескольких верст от него. Некоторые из этих укреплений вошли в 1680 г. в Изюмскую черту, другие, находившиеся к западу от города, оказались в тылу Изюмской черты и постепенно утратили свое значение.

Весьма прочными и надежными в Валуйках были укрепления самого города на правом берегу р. Валуя, сделанные из земли и дерева. Как свидетельствуют документы, в Валуйках существовал «земляной город». Основу его составлял земляной вал высотой в 2,5 сажени (5,3 м), с обеих сторон укрепленный дубовыми бревнами. Ширина земляного вала внизу, у поверхности земли составляла 3 сажени (6,4 м), вверху — 1 сажень (2,1 м). «По верху города нарублен облам, на обламах котки», — читаем мы в описании Валуек

---

[78] В книге мы всюду употребляем современное название города.

1681 г.[79] Дубовые бревна для обламов (навесов над крепостной стеной) и для «ослона» на валу были заменены новыми незадолго до сооружения Изюмской черты — в 1676 г.

Протяженность стен «земляного города» составляла 583 сажени (1142 м) без учета деревянных башен, которых было 11. В двух башнях — примерно в середине западной и восточной стен города — имелись ворота, сохранявшиеся и в XVIII в. и хорошо заметные на приводимом нами г. Валуек начала XVIII в. (см. рис. 3). В одной из «наугольных» башен находилась калитка «для проходу пеших людей». Остальные 8 дубовых шестистенных (шестиугольных в плане) башен были «глухими», непроезжими. За городской стеной находился ров глубиной 1,5 сажени (3,2 м) и шириной 4 сажени (8,5 м). Из крепости к р. Валую шел подземный ход. В 1681 г. валуйский гарнизон располагал 18 пушками, в том числе 10 железными и 8 медными[80].

В городовой службе в Валуйках в 1681 г. значилось 602 человека, в том числе стрелецкий и казачий голова — 1, подьячих, площадных дьячков и целовальников — 7, станичных атаманов и ездоков — 144, стрельцов конных и пеших — 135, казаков — 174, пушкарей — 26, затинщиков — 41, ямщиков — 20, черкас — 53, казенный кузнец — 1. Жили в городе и служилые люди полковой службы — валуйские солдаты, об участии которых в строительстве укреплений Изюмской черты мы говорили в предыдущей главе.

Особенностью социального состава валуйского населения было отсутствие дворян и детей боярских; здесь у южного рубежа России не существовало в XVII в. даже мелкого феодального землевладения, не говоря уже о крупном. Однако к 80-м гг. XVII в. место детей боярских в Валуйках стали занимать станичники. В Белгородской сметной книге 1681 г. сделана любопытная запись о том, что станичные атаманы и ездоки служат «вместо детей боярских»[81].

Ныне г. Валуйки является районным центром в Белгородской области.

Из прежних валуйских передовых укреплений, ле-

[79] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 462.
[80] Там же, л. 471 об.
[81] Там же, л. 470.

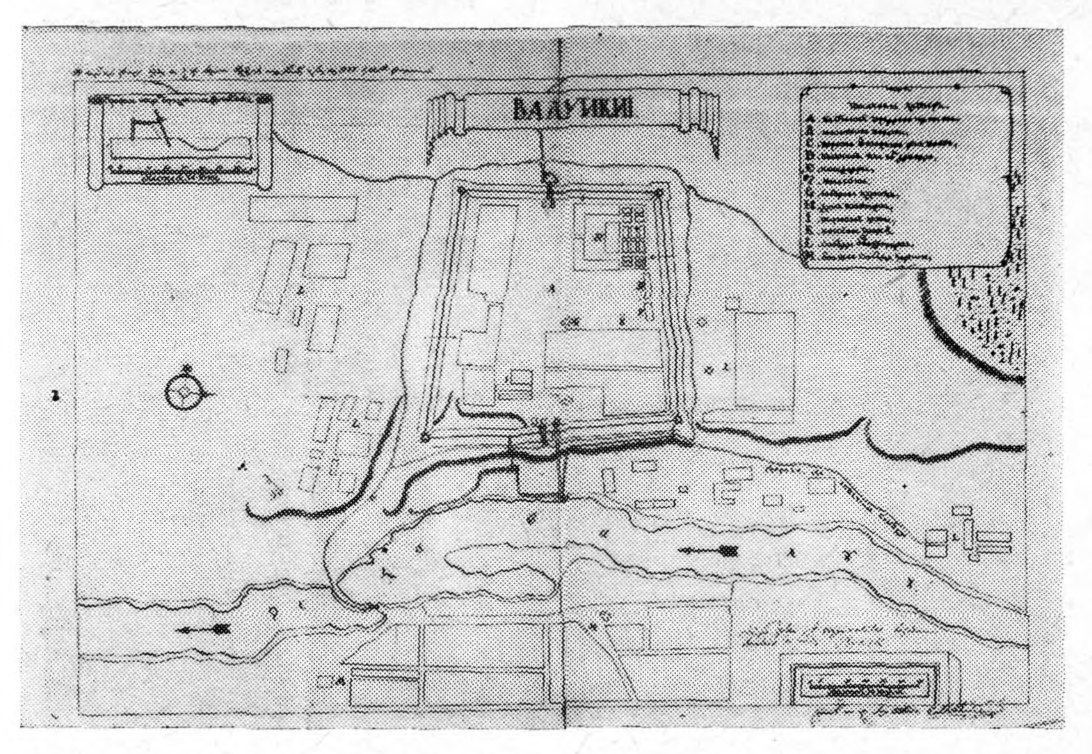

Рис. 3. Валуйки. План крепости начала XVIII в. Фотокопия. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 5, ед. хр. 10879).

жавших за пределами города-крепости, отлично вписалась в «Новую черту» линия из надолб и башен восточнее города. Она отходила «от Оскольского займища и болот» [82], ниже впадения в Оскол р. Валуя, в 3 верстах (6,4 км) от г. Валуек, шла сначала к северо-востоку, но затем склонялась к северу в виде слегка выпуклой дуги. К пойме р. Оскола примыкали надолбы длиной 250 саженей (532 м), доходившие до так называемой «Посольской дороги». Здесь стояла башня, за которой шли опять надолбы на 1070 саженях (2 км 279 м), сменявшиеся Проломной башней. Укрепления продолжались снова надолбами протяженностью 2200 саженей (4 км 686 м) и заканчивались Полатовской башней, находившейся в 2 верстах (4,3 км) северо-восточнее Валуек, поблизости от р. Валуя. Башня называлась «Полатовской», видимо, потому, что через нее шла дорога от Валуек в сторону речки Полатовки. Можно думать, что эта линия укреплений восточнее р. Валуя общей протяженностью около 8 км была создана главным образом для защиты валуйских городских полей и пригородных слобод. В каждой из трех указанных башен стояли «летом и зимой» конные стрельцы и казаки по 10 человек, сменяясь через 2 суток.

От Полатовской башни далее вверх по р. Валую укрепления продолжались уже по правому, западному берегу. Здесь до Большого Валуйского леса на расстоянии примерно в 12 км надолбы стояли в 9 местах «по татарским перелазам и бродам», общая протяженность надолб на правом берегу р. Валуя составляла 720 саженей (1534 м). Эти старые укрепления по правому берегу р. Валуя, как и предыдущие, географически вошли в «Новую черту». В описании 1681 г., однако, сообщается, что многие надолбы здесь «погнили» [83].

Если «полевые крепости» восточнее и севернее г. Валуек, построенные до сооружения «Новой черты» оказались в полном смысле слова «на месте» и включились «в черту», то аналогичные укрепления северо-западнее г. Валуек лишь частично, своим краем примкнули к «Новой черте». Эти укрепления в свое время защищали валуйские городские поля и пригородные слободы с северо-запада, со стороны Московской дороги. Здесь

[82] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 467.
[83] Там же.

стояли 2 башни и надолбы общей длиной 2474 сажени (5 км 270 м) от Большого Валуйского леса до поймы р. Оскола, до «Мухина озера». С постройкой «Новой черты» в 1680 г. эти укрепления оказались в тылу и могли сыграть свою роль в отражении врага только в случае прорыва татар через «черту».

Мы закончили описание укреплений на первом отрезке северо-восточной части Изюмской черты. Далее к северу по правому берегу р. Валуя раскинулся Большой Валуйский лес, практически непроходимый для крупных татарских отрядов. Все же в отдельных местах в лесу устроены были небольшие засеки и поставлены надолбы на полянах. Протяженность Изюмской черты в пределах Большого Валуйского леса по правому берегу р. Валуя до Полатовского земляного вала составляла приблизительно 25 км.

На стыке условно намеченных нами второго и третьего отрезков северо-восточной части Изюмской черты, на опушке Большого Валуйского леса, у южной оконечности Полатовского вала, должен был по правительственному плану стоять г. Новый Полатов. Города осенью 1680 г. еще, однако, не существовало. Он был только «обозначен».

Вопрос об устройстве и заселении г. Нового Полатова встал на очередь для еще осенью 1679 г., когда началось сооружение Полатовского земляного вала. Этот вопрос беспокоил дьяков Разрядного приказа и летом 1680 г., когда под руководством П. В. Шереметева завершалось возведение Полатовского вала. Опыт Белгородской черты показывал, что земляные валы являются надежным оборонительным сооружением в борьбе с татарскими набегами только при расположении русских городов непосредственно у вала, — вспомним, например, о переносе г. Белгорода к земляному валу осенью 1650 г.[84]

Разрядный приказ весной 1680 г. предполагал, что г. Новый Полатов будет заселен украинскими переселенцами. Но этого не произошло; протопоп Яков Мировицкий и осадчик Павел Тимофеев не привели для поселения у Полатовского вала обещанных ими черкас[85].

---

[84] См. Загоровский В. П. Белгородская черта, с. 135—138.
[85] См. об этом выше, в главе II.

Вторая попытка заселения г. Нового Полатова связана была с планом переноса туда г. Верхососенска с Белгородской черты и переселением всех верхососенцев в Новый Полатов. Жители Верхососенска постоянно жаловались на отсутствие воды и просили перевести их к р. Тихой Сосне. Летом 1680 г. дьякам Разрядного приказа из далекой Москвы казалось, что переселить всех верхососенцев к Полатовскому валу — дело нетрудное. Однако и эта попытка заселения г. Нового Полатова, встретив резкое возражение со стороны жителей г. Верхососенска, не осуществилась. В сложной внешнеполитической обстановке лета 1680 г. русское правительство не решилось возбудить недовольство целого (хотя и небольшого) города. Решение Разрядного приказа по поводу жителей г. Верхососенска гласило: «Неволею переводить их не велено, только велено сказать, буде они не похотят в то новое место, и им с прежнего места на реку Сосну, в то место, куда они хотят, города переносить ныне и впредь не дадут»[86].

Осенью 1680 г., в то время, к которому мы приурочили описание географических контуров только что построенной «Новой черты», постоянных поселений у Полатовского земляного вала не существовало. Позже на месте планируемого г. Нового Полатова возникла слобода Ливенка.

Полатовский земляной вал без преувеличения можно считать самым замечательным инженерным сооружением Изюмской черты. Протянувшийся на 13 038 саженях (27 км 771 м) вал во многих местах хорошо сохранился и производит величественное впечатление, напоминая о трудовых и ратных делах наших предков, являясь памятником боевой истории нашей страны. В предыдущей главе мы подробно рассмотрели историю возведения Полатовского вала. Напомним его размеры после постройки: высота вала — 2 сажени (4,3 м), ширина вверху — 1 сажень (2,1 м), ширина в основании — 3 сажени (6,4 м), ширина рва за валом — 3 сажени (6,4 м), глубина рва — 2 сажени (4,3 м).

Весь старинный Полатовский вал находится в пределах современного Красногвардейского района Белгородской области РСФСР. Высота вала сейчас, конечно,

---

[86] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 130.

меньше, чем в XVII в., она составляет примерно 5 м со стороны рва. В некоторых местах — поблизости от р. Тихой Сосны, у хутора Апухтина, у с. Котлярова — вал сохранился отлично, но в одном месте (у хутора Кравцова) прямо по валу проложена проселочная дорога, а кое-где (например, у с. Филькина) вал полностью распахан и уничтожен. Далеко не везде сохранились земляные выступы в сторону противника — «зубцы», отстоявшие один от другого примерно на 150 м, предназначенные для флангового обстрела наступавшего на вал врага и выдвинутые для этого за линию вала примерно на 5 м. Вал почти всюду идет прямо, его повороты, вызванные особенностями рельефа местности, в целом невелики.

Кроме Нового Полатова, как мы помним, на валу предполагалось построить еще один «жилой город». П. В. Шереметев и П. И. Хованский не построили у вала ни одного города, но все же получили царскую благодарность. Вместо «жилых городов» у вала было устроено 7 башен для размещения сменных караулов. Башни назывались также «городками». Первая и седьмая башни у концов вала являлись проезжими, остальные пять — «глухими». В документах 80-х гг. XVII в. иногда употребляются названия башен, в полной мере, видимо, не закрепившиеся: Верхососенская, Новооскольская, башня «против Вислого липяга», башня «против леска Грачевника», Осиновая, башня у Малиновых кустов, Усердская (мы перечислили башни по валу с юга на север). Названия первой, второй и седьмой башен объясняются составом сменных караулов, посылавшихся из соответствующих городов. До сих пор существуют названия отдельных урочищ у вала, употреблявшиеся в документах XVII в.: Малиновый лог, Осиновое, Бирючий лог.

Полатовский земляной вал заканчивался у р. Тихой Сосны, у Черемховой луки, восточнее г. Усерда, против современного с. Мало-Быкова. Здесь Изюмская черта подходила с юга к Усердскому участку Белгородской черты и соединялась с Белгородской чертой.

Перед тем, как подвести итог третьему, последнему отрезку северо-восточной части Изюмской черты, скажем несколько слов о г. Полатове. Как мы знаем, «Новая черта» прошла в стороне от г. Полатова (см. гла-

ву II). Оказавшийся после сооружения Изюмской черты в ближайшем русском тылу г. Полатов большой роли в обороне русских рубежей не сыграл.

Деревянные стены г. Полатова были построены в виде дубового острога и составляли четырехугольник общей длиной 280 саженей. Из трех городских башен одна была проезжей. «Посады» располагались вокруг крепости, за всеми четырьмя стенами и были защищены надолбами. Город стоял у речки Сенной и был с трех сторон прикрыт от степи Большим Валуйским лесом. В 1681 г. в Полатове значилось 277 человек в городовой службе, среди них 210 русских и 67 черкас. Гарнизон располагал 3 пушками и 3 затинными пищалями[87]. На месте прежнего города сейчас находится с. Полатовка Красногвардейского района Белгородской области.

Единственная сторóжа из Полатова в 1681 г. выдвигалась к «рогу» Большого Валуйского леса, в двух верстах от города. На одноименном с городом огромном земляном валу, южный край которого отстоял от Полатова на какие-то 9—10 км, не было в башнях ни одного сменного полатовского караула, не стояло ни одной полатовской сторóжи. Полатовские служилые люди не участвовали в обороне Полатовского вала. Это кажется парадоксом, но это было так. В башнях на валу должны были стоять жители Усерда, Верхососенска, Ольшанска, Нового Оскола[88], но отнюдь не Полатова.

Белгородские разрядные воеводы и в первую очередь князь П. И. Хованский, доложивший осенью 1680 г. в Москву о завершении «Новой черты», не догадались использовать для обороны вала гарнизон ближайшего города. Да и вообще оборона Полатовского вала, как мы уже видели и как увидим далее в главе IV, была организована в начале 80-х гг. XVII в. плохо.

Протяженность северо-восточной части Изюмской черты от впадения в р. Оскол р. Валуя до Черемховой луки у р. Тихой Сосны составляет по нашему подсчету 73 км. Все основные типы укреплений из земли и дерева мы видим здесь: земляные валы, надолбы, засеки. Здесь находилось и самое крупное инженерное сооружение Изюмской черты — Полатовский земляной вал. Осо-

---

[87] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 816—839.
[88] Там же, № 98, л. 140—141.

бенностью северо-восточной части Изюмской черты, объективно резко ослаблявшей и затруднявшей ее оборону, было отсутствие здесь городов с постоянным населением. Крайним восточным городом на «Новой черте» оказались Валуйки. Ни построить здесь новые планируемые города, ни перенести к Изюмской черте старые города Разрядный приказ к осени 1680 г. не сумел. Причины этого коренились главным образом в антинародной по своей сути социальной политике русского правительства, отражавшей интересы феодалов-крепостников центра России. О некоторых аспектах этой политики, применительно к территории у Изюмской черты, мы скажем в последней, четвертой главе нашего исследования.

Общая протяженность Изюмской черты от г. Коломака до р. Тихой Сосны составляет 530 км, мы определили это число как сумму описанных нами четырех частей Изюмской черты.

ГЛАВА IV

ИЗЮМСКАЯ ЧЕРТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

1. Угроза татарского набега и расстановка русских войск у «Новой черты» зимой 1680/81 года

етом 1680 г. турки и татары, как уже отмечалось выше, практически не беспокоили строителей Изюмской черты. Но последующие осенние и зимние месяцы оказались для населения южнорусской окраины более тревожным временем.

Сразу же после роспуска П. И. Хованским служилых людей Белгородского полка стали поступать в Москву и Курск вести о подготовке крымского хана Мурат-Гирея к новому набегу на русские земли. Много тревожных донесений шло от гетмана Левобережной Украины Ивана Самойло́вича, который слал сообщения в Москву с гонцами и через почту. И. Самойлович писал и непосредственно П. И. Хованскому, пересылая сведения, полученные от выходцев «из Крыма и Царьграда». Не понимая в полной мере, что татарские сакмы уже перекрыты «Новой чертой», гетман советовал русским людям прятать хлеб от татар [1]. У Изюмской черты стали появляться разбойничьи отряды калмыков. 26 сентября валуйский воевода М. А. Опухтин настиг в степи у речки Полатовки («на Полатовской россоши») отряд калмыков, подходивший перед этим к Валуйкам.

[1] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 562.

В бою русские служилые люди отбили у калмыков пленного валуйчанина Василия Суслова [2].

Сведения о намерениях турок и татар русское правительство, видимо, предполагало получить и от русских посланников Василия Тяпкина и Никиты Зотова. Решение об отправке этого посольства в Крым для переговоров о мире было принято 15 августа. В Тяпкин и Н. Зотов 1 октября 1680 г. пересекли Белгородскую черту у г. Вольного, а 6 октября, пройдя г. Новый Перекоп, по их словам, «пустились за новый вал» [3]. Посланников сопровождал возвращавшийся из Москвы крымский гонец Халил-Ага. 25 октября русское посольство прибыло в Бахчисарай.

В. Тяпкину и Н. Зотову пришлось нелегко. Переговоры в ноябре и декабре 1680 г. не раз прерывались по вине татар. Русские посланники во время переговоров фактически находились в заточении и подвергались издевательствам. Отметим, что В. Тяпкин и Н. Зотов ни в коей мере не выступали в роли просителей мира. Они представляли великую державу, и стольник Василий Тяпкин, получивший в связи с посольством титул «наместника Переяславского», гордо напоминал татарам о победах русских войск под Чигирином [4]. В декабре 1680 г. посланники «дознались подлинно, что хан велел кликать по всем крымским юртам и по ногайским улусам, чтоб готовились в войну». Передать эту весть в Россию, так же, как и другие сообщения из Бахчисарая, посланникам не удалось.

Предполагаемый крупный татарский набег, однако, не состоялся. Крымский хан Мурат-Гирей счел для себя выгодным заключить мир с Россией. Мирный договор был подписан 3 января 1681 г. в Бахчисарае. Но русских посланников еще более двух месяцев задерживали в Крыму. Только в апреле до Москвы дошли вести об успехе посольства и заключении мира с Крымским ханством и Турцией [5]. 9 апреля командующий южнорусски-

[2] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 543—544.

[3] Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850, т. 2, отд. 2, с. 572.

[4] Там же, с. 606.

[5] По вопросу о времени утверждения Турцией Бахчисарайского договора в литературе имеются расхождения (см. Бабушкина Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. — «Исторические записки». М., 1950, № 33, с. 161).

ми войсками В. В. Голицын послал из Севска в Москву первое сообщение о появлении на Левобережной Украине возвращавшихся из Крыма посланников. Письмо В. В. Голицына было вручено начальнику Разрядного приказа боярину М. Ю. Долгорукову 16 апреля[6], а 25 апреля с Василием Тяпкиным уже беседовал выехавший навстречу посольству русский дипломат Прокопий Возницын[7].

Вплоть до апреля 1681 г. ни русское правительство, ни русские воеводы на юге страны не знали о заключении мира. Возможность крупного татарского набега и весеннего наступления турецкой армии считалась, как мы видели, в это время весьма реальной. Тем более, что эпизодические набеги небольших татарских отрядов имели место и в январе и в феврале 1681 г.

Сейчас с позиций историка, изучающего Изюмскую черту, мы можем в какой-то мере пожалеть о том, что ни зимой 1680/81 г., ни весной 1681 г. татары не решились организовать крупный набег на русские земли. Такой набег, несомненно, показал бы прочность только что сооруженной новой русской укрепленной линии, выявил бы те огромные изменения, которые произошли на южной окраине России за короткий срок после январского набега татар в 1680 г.

Укрепления «Новой черты» хорошо были видны на месте, но в Разрядном приказе осенью 1680 г. в «Новую черту» еще не очень, как будто, верили. В этом плане характерно распоряжение царя Федора Алексеевича, составленное разрядным дьяком Ф. Шакловитым и посланное П. И. Хованскому 17 октября 1680 г. Царю, мол, «стало ведомо», что крымский хан с татарами вышел из Крыма и может пойти на Русь. Поэтому всюду в южнорусских городах нужно жить с великой осторожностью, организовать разведку «и по Новой черте в причинных местах на сторо́жах служилых людей держать перед прежним з большою прибавкою»[8]. Против требования об увеличении караулов на черте и проявления осторожности в городах, конечно, нельзя возразить. Но нас в данном случае интересует другой аспект пробле-

---

[6] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 338, л. 80—80 об.

[7] Сами посланники с связи с карантином были временно задержаны в Цареве-Борисове.

[8] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 552—553.

мы. Русское правительство считало само собой разумеющимся, что татары могут пройти через «Новую черту» и появиться перед русскими городами. «Новая черта» представлялась дьякам Разрядного приказа скорее не мощным военно-инженерным сооружением, а местом размещения русских сторóж.

Воевода Белгородского полка П. И. Хованский в своем ответе в Разрядный приказ подчеркнул роль «Новой черты» именно как военно-инженерного сооружения, для преодоления которого татары должны потратить много времени и сил. Неожиданно появиться в пределах южнорусских уездов, как это было в январе 1680 г., татары уже не могли. «А безвесно хану крымскому и иным неприятельским людем к твоим, великого государя, украинным городам, — пишет П. И. Хованский, — пройти немочно, потому что те месты, которыми хан с ордами под твои, великого государя, украинные городы приходил, и те все месты по твоему, великого государя, указу ныне мы, холопи твои, укрепили валом и деревянными крепостьми»[9]. П. И. Хованский сообщил также, что в Белгороде находятся 2 полка — рейтарский и солдатский, караульную же службу по «Новой черте» несут черкасы Харьковского и Ахтырского полков.

Недостаточное понимание в Разрядном приказе географических контуров и значения «Новой черты» проявилось и в царских грамотах воеводам отдельных русских городов, направленных осенью 1680 г. Вот соответствующее место из грамоты, посланной из Москвы воеводе г. Нового Оскола П. Быкову: «Крымской хан с крымскими татары хочет приходить для войны к нашим, великого государя, полевым и украинным городом ныне вскоре, таким же безвесным обычаем, как учинил разоренье в полевых же городех во 188-м году»[10]. Заметим, что подвергшиеся вражескому нападению в январе 1680 г. («во 188-м году») полевые города уже не являлись в конце 1680 г. открытыми для нападения, «полевыми» в полном смысле слова; они уже были защищены «Новой чертой». Этого дьяки Разрядного приказа не учли.

---

[9] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337.
[10] Там же, л. 353.

2 ноября 1680 г. П. И. Хованскому было послано из Москвы новое распоряжение: ему следовало перейти из Курска в Белгород[11], держать в Белгороде наготове 2 рейтарских полка и 1 солдатский, но из домов служилых людей полковой службы в другие полки не вызывать. 15 ноября приказание П. И. Хованскому было повторено, ему предписывалось находиться в Белгороде «со всем домом» и быть готовым к походу.

Кроме Белгорода, местом сосредоточения русских войск были избраны Чугуев и Валуйки, где должны были разместиться «сходные воеводы» П. И. Хованского — Г. И. Косагов и В. М. Дмитриев. Половина служилых людей городовой службы из городов Белгородского полка (дети боярские, стрельцы, казаки, пушкари) вызывались в Белгород, Чугуев и Валуйки. Городские воеводы должны были выслать ту половину, которая не участвовала в строительстве Полатовского вала и других крепостей Изюмской черты в 1680 г. Черкасы Харьковского и Ахтырского полков должны были «стоять обозом» по черте от г. Коломака до г. Царева-Борисова и находиться в подчинении генерала Г. И. Косагова[12]. Острогожский черкасский полк направлялся в Валуйки в подчинение воеводы В. М. Дмитриева, которому поручалось охранять черту от г. Царева-Борисова до р. Тихой Сосны. Для проверки быстроты действий воевод к ним были посланы подьячие Разрядного приказа. Все эти меры были намечены правительственными распоряжениями в ноябре 1680 г., документы свидетельствуют, что они в общем осуществились. Если придут «небольшие люди», то против татар должны были выступить воеводы Василий Дмитриев (из Валуек) и Григорий Косагов (из Чугуева) с черкасскими полками. Если же татар будет много, если «придут большие люди», то против врага должен был выступить сам П. И. Хованский с ратными

---

[11] Перевод П. И. Хованского в Белгород объяснялся не только военными причинами, но также неожиданным планом расширения территории Севского разряда и передачи Курска из Белгородского разряда в Севский. Сохранилась запись, сделанная 2 ноября: «Государь указал. К боярину и воеводе ко князю Петру Ивановичу послать грамоту, чтоб ис Курска ехал в Белгород для того, что Курск велено отдать Севску» (ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 618).

[12] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 111, л. 9.

людьми «всех городов»[13]. Одновременно с усилением обороны «Новой черты» русские войска были направлены на защиту Киева, туда двинулось несколько стрелецких приказов[14].

Заметим, что формальный командующий всеми южнорусскими войсками боярин В. В. Голицын находился зимой 1680/81 г. в Севске, но заметной роли в управлении армией, располагавшейся у «Новой черты», не играл. В январе 1681 г. В. В. Голицын доносил в Москву о том, что воевода г. Орла Никита Спесивцев не выполняет его распоряжений[15], — факт сам по себе достаточно симптоматичный.

Гетман И. Самойлович продолжал распространять вести о предстоящем наступлении татар. 1 декабря он писал в Москву, что турки и татары готовы к войне, «что нынешним зимним времянем хотят приходить на сю сторону Днепра татаровя войною, а по весне сам салтан турской с войски и хан крымской с ордою намерены войною приходить под Киев»[16]. Но татарские приходы оказались не столь крупными и опасными, как можно было думать. При этом татарские отряды даже не пытались прорваться через «Новую черту». Не состоялся и поход татар под Киев.

13 января 1681 г. группы татар подходили к Изюму и Цареву-Борисову, захватили пленных. В погоню за татарами Г. И. Косагов послал часть «своего полку»: чугуевцев, салтовцев и черкас Харьковского полка[17]. 16 февраля татарский отряд («человек сто») вновь подошел к Цареву-Борисову[18]. В феврале небольшие группы татар появлялись под Савинским городком: об этом доносил Г. И. Косагову в Чугуев сотник Сава Леберчин, обратившийся, кстати, к Косагову по-европейски: «Мой генерал!»[19]. Косагов сообщил Хованскому, что, охраняя черту, он выступил с войском в поход «и был в Змиеве,

[13] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 337, л. 355—381.

[14] Там же, столбцы Белг. ст., № 999, л. 71.

[15] Там же, л. 83—84.

[16] Там же, столбцы Сев. ст., № 337, л. 565.

[17] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 111, л. 34.

[18] [Гумилевский Ф.] Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 1858, кн. 5, с. 60.

[19] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 113, л. 8.

и в Ондреевых Лозах, и в Балаклеи и в Савинском городке»[20].

Отсутствие крупных татарских нападений в начале 1681 г. дало возможность русскому правительству осуществить удобный и уже проверенный прием, а именно — использовать собранные на юге войска для строительства укреплений. Оказалось возможным приступить к строительству около городка Изюма нового большого города, о котором летом 1680 г. писал генерал Г. И. Косагов. Город стали строить, однако, не совсем там, где предлагал Г. И. Косагов, не на левом, а на правом берегу Северского Донца, напротив левобережного городка Изюма. Инициатором строительства нового Изюма, наряду с генералом Г. И. Косаговым, был харьковский полковник Григорий Донец, намеревавшийся, видимо, с помощью новой крепости еще более расширить свои владения и распространить свою власть на новые тысячи черкас.

Строителями Изюмской крепости стали русские служилые люди и черкасы Харьковского полка, собранные под общим командованием Г. И. Косагова. В справке Разрядного приказа, составленной весной 1681 г., читаем: «Да ныне вновь строит городок генерал и воевода Григорей Касагов, а людей в тот городок велено призывать и населять харьковскому полковнику Григорью Донцу»[21]. Г. Донец доносил Г. Косагову, что поскольку ему «велено строить на Изюме город большой и в тот город призывать на вечное житье всяких чинов черкас», он 20 февраля вышел из Харькова в Изюм во главе отряда из 500 казаков Харьковского полка[22].

Крепость была заложена 6 марта 1681 г.[23] Вскоре стало ясно, что здесь за Северским Донцом, у знаменитого Изюмского кургана, вырастает не «городок», как думали сначала в Разрядном приказе, а настоящий большой город.

---

[20] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 111, л. 34.

[21] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 339, л. 226.

[22] [Гумилевский Ф.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, т. 5, с. 9.

[23] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 363.

2. Бегство крепостных крестьян к Полатовскому валу летом 1681 года

Любимец царя Федора, боярин Михаил Юрьевич Долгоруков, оттеснив к зиме 1680/81 г. своих соперников в Москве, стал одним из руководителей русского правительства. В качестве начальника Разрядного приказа он руководит южной окраиной страны, городами Белгородского полка. Автор статьи о М. Ю. Долгорукове в «Русском биографическом словаре», называет его «ловким придворным, но слишком плохим правителем»[24]. Анализ документов, вышедших из Разрядного приказа в конце 1680 г. и в 1681 г., полностью подтверждает такую оценку М. Ю. Долгорукова. Из Разрядного приказа выходят в это время противоречивые постановления, нередко отменяются только что принятые воеводские назначения и распоряжения. Юго-восточные русские города и укрепленные линии волжского Правобережья (Ломовская, Симбирская) то вдруг передаются из приказа Казанского дворца в Разрядный приказ, то снова изымаются из ведения Разряда[25]. На короткий срок создается новая военно-административная единица на юге страны — Тамбовский разряд; перекраивается территория уже существующих Севского и Белгородского разрядов.

Не вполне последовательная политика проводится в это время и по вопросу о «призывании» черкас к «Новой черте». П. И. Хованский разрешил было атаману Василию Ливенцу призывать «на вечное житье» к Полатовскому валу черкас «из-за Днепра»[26]. Но Разрядный приказ 17 февраля 1681 г. принял решение, согласно которому приглашать черкас «по Новопостроенной черте в городы: в Полатов и в ыные в тамошние вышеписанные места [имеются в виду берега р. Оскола ниже Валуек, район Валуек и Полатовский вал. — *В. З.*]

---

[24] См. Русский биографический словарь, том «Дабелов-Дядьковский». СПб., 1905, с. 553. Позже, после смерти царя Федора Алексеевича в борьбе придворных группировок М. Ю. Долгоруков поддержал Нарышкиных и десятилетнего Петра I. 15 мая 1682 г. он был убит восставшими стрельцами.

[25] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 350—353.

[26] Там же, № 983, л. 15.

на вечное житье» можно было только из собственно российских мест[27], тогда как «в малороссийские городы для призванья черкас посылать никово не велено отнюдь никоторыми делы»[28]. Приехавший в Москву атаман Василий Ливенец добился в апреле 1681 г. больших льгот для черкас-переселенцев, которые пойдут к Полатовскому валу, в том числе разрешения жить им в течение 15 лет без русских воевод[29]. 20 апреля 1681 г. состоялось очередное решение русского правительства: «Построить город черкасами у Полатовского вала»; при этом запрет на призыв черкас с территории Украины фактически отменялся[30].

В этой обстановке среди широких слоев южнорусского населения стали распространяться слухи о восстановлении царем права крестьянского перехода, о разрешении крепостным крестьянам переселяться к «Новой черте», где они получат, мол, полную свободу и большие льготы.

Атаман Василий Ливенец не сумел летом 1681 г. призвать черкас к Полатовскому валу. Своеобразное народное движение оттеснило атамана на второй план. Как видно по документам, В. Ливенец решил переждать события в старом Полатове. А около Полатова летом 1681 г. собрались массы русских людей, главным образом беглые крестьяне.

25 июня 1681 г. старооскольский воевода князь Федор Шаховской писал в Белгород П. И. Хованскому, что по дорогам через Старооскольский уезд большими группами идут к Полатовскому валу беглые крестьяне. Вскоре П. И. Хованский доносил в Москву: «Нынешним недавним временем в Полатове твоих, великого государя, дворцовых волостей романовских, и мокренских и скопинских[31], и помещиковых и вотчинниковых беглых крестьян собралось многолюдство большое, а вменяя де воровски, те беглые крестьяне говорят, буд-

---

[27] Например, из городов Ахтырского и Харьковского полков можно было призывать тех черкас, которые там не служат, а живут «в захребетниках».

[28] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 983, л. 13—14.

[29] Там же, № 1530, л. 167.

[30] Там же, л. 164—165.

[31] Имеются в виду царские «вотчинные города» Романов и Скопин, а также принадлежавшее царю село Мокрый Боярак Лебедянского уезда.

то по твоему, великого государя, указу дана им воля и льгота на многие годы. И живут де те беглецы, около Полатова, построясь слободами и на станах шелашами и обозами»[32].

Вера крестьян в хорошего царя, обычная для российских народных движений эпохи феодализма, проявилась и в описываемом нами эпизоде. Любопытно, что крестьяне указывали точный срок дарованной, мол, им царем свободы: до 1 сентября 1681 г. В одном из документов о беглых крестьянах Новосильского уезда сообщается следующее: «Те крестьяня говорят, бутто присланы во все городы великого государя грамоты: велено им, крестьяном, дать всем свобода и выходить им из-за помещиков своих и вотчинников сентября до 1 числа 190-го году»[33].

Начавшись в Новосильском уезде, крестьянское движение распространилось на более южные районы территории Белгородского разряда. 28 июня 1681 г. была послана из Москвы царская грамота с печатью воеводе г. Нежегольска, которую, переписав, следовало пересылать по Белгородской черте с запада на восток: из Нежегольска в Корочу и далее в Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск и Острогожск[34]. Правительство сообщало, что новосильские крестьяне, «покиня домы свои, а иные села и деревни, в которых они жили, помещиков своих дворы пожгли» и, собравшись «человек по сту и больше», пошли в украинные города. Воеводам городов Белгородской черты предписывалось «воров переимать всех», из каждой группы повесить по 2 человека, остальных — бить кнутом, при необходимости — «промышлять боем» над беглецами[35]. План правительства — задержать беглецов на Белгородской черте не осуществился. Беглецы пересекли Белгородскую черту и дошли до Новой, Изюмской черты.

Воевода Белгородского полка П. И. Хованский, не всегда достаточно активный в борьбе с татарами, про-

---

32 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 983, л. 544.

33 Там же, л. 6.

34 ЦГАДА, ф. 1149, ед. хр. 59, л. 1. Поскольку Острогожск был последним городом в списке, грамота осталась в нем и сохранилась в фонде Острогожской приказной избы.

35 ЦГАДА, ф. 1149, ед. хр. 59, л. 9.

тив безоружных русских крестьян действовал более энергично. Для разгона появившихся у Новой черты беглых крестьян он послал полковника-иноземца Табияса Альбрехта с наиболее надежными войсками — «московскими стрельцами Белгородского жилого приказу»[36]. П. И. Хованский приказал из-под Полатова крестьян разогнать, провести сыск, захваченных беглых крестьян пытать, трех человек повесить, причем одного из них — у Полатова, а двух — на дорогах.

Сделав свое дело, Т. Альбрехт вернулся в Белгород. Полатовский вал по-прежнему остался без постоянного населения, без постоянных защитников. Царское правительство не использовало отличную в военном отношении возможность заселения и укрепления важнейшего участка Изюмской черты. Не использовало потому, что отражало в полной мере интересы феодалов-крепостников.

Как изменилась обстановка на южной окраине России за 40—50 лет! В 30-х гг. XVII в., во время строительства Козловского земляного вала, под угрозой постоянных татарских вторжений были не только «полевые города», не только пограничный Тульско-Рязанский край, но и центральные подмосковные земли. Тогда русское правительство в интересах обороны страны, ради защиты феодального землевладения в центре, пошло на уступку угнетенному классу, согласившись записать многих бывших крепостных крестьян в число детей боярских г. Козлова[37]. Теперь же район русско-татарских столкновений переместился с берегов Оки на многие сотни километров к югу. Возможный прорыв татар через Полатовский вал практически не создавал угрозы русскому феодальному землевладению. К тому же

[36] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 983, л. 546. Говоря о формировании и структуре Белгородского полка (см. главу I), мы упоминали о включении в состав Белгородского полка московских стрельцов. Эти стрельцы, поселенные в Белгороде, продолжали, однако, называться «московскими».

[37] См. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, с. 300—303; Загоровский В. П. Формирование и заселение Козловского уезда в XVII веке. — Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969, вып. 3, с. 98—102.

с татарами был заключен мир, и «Новая черта» правительству М. Ю. Долгорукова, вообще неустойчивому в вопросах южной политики, видимо, не казалась столь важной. За несколько десятилетий заметно ужесточилось и крепостническое законодательство. Соборным Уложением 1649 г. был установлен бессрочный сыск беглых крестьян, массовые сыски беглых проводились на обширных территориях, в том числе и на южной окраине[38]. Вопрос о возможном привлечении пришедших к Полатовскому валу крестьян к охране вала в описываемое нами время уже просто не мог быть поставлен! События лета 1681 г. под Полатовом наглядно показали, что классовые интересы русской феодальной верхушки оказались несравнимо весомее русских военных интересов в районе «Новой черты».

3. Строительство нового города Изюма

Наиболее крупным военно-инженерным мероприятием на «Новой черте» летом 1681 г. было строительство г. Изюма за Северским Донцом. Строительные работы начались еще ранней весной до получения известий о подписании В. Тяпкиным и Н. Зотовым Бахчисарайского мира, продолжались все лето и были завершены осенью.

В 1681 г. после постройки г. Изюма в Разрядном приказе была сделана следующая запись: «город Изюм, а в нем 3 города: Большой, да Меньшой да Замок»[39]. Общая протяженность стен «трех городов» (деревянных и земляных, обложенных деревом) составляла в 1681 г. 1756 саженей (3 км 740 м), в новом Изюме было построено 23 башни. Любопытно, что одну из башен сделал «с поместий» сам руководитель строительства генерал Г. И. Косагов[40].

Раньше других частей Изюмской крепости в 1681 г. было завершено строительство «Меньшого города», расстояние вокруг него по донесению Г. И. Косагова со-

[38] См. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л., 1962, с. 84—87.

[39] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 420.

[40] Там же, л. 423.

ставляло 334 сажени (711 м)[41]. Из этого количества на 8 башен приходилось 49 саженей, на стены 285 саженей. Русские служилые люди сделали в «Меньшом городе» 3 башни и 154 сажени стены, казаки Харьковского полка — 5 башен и 131 сажень стены. Высота стен, построенных в виде дубового стоячего острога, составляла 2 сажени, за стенами выкопан был ров глубиной также в 2 сажени. Из башен 7 были глухими (непроезжими) и лишь одна — проезжей, она соединяла «Меньшой город» с «Большим городом». Кроме этого, в стене, примыкающей к Северскому Донцу, была устроена «прохожая фортка».

«Большой город» занимал обширную территорию между Изюмским курганом и «Меньшим городом», с двух других сторон он примыкал к Северскому Донцу и озеру. «Большой город» являлся «земляным», основным его укреплением был земляной вал, среди которого располагались проезжие и глухие башни.

Не так просто разобраться во всех топографических деталях Изюмской крепости 1681 г. Краевед Н. Т. Дьяченко в книге «Изюм», вышедшей в 1963 г., писал, что Малый город, имевший длину стен с башнями в 334 сажени, располагался непосредственно на Изюмской горе[42] (ее современное название — Кременец). На самом же деле «на Изюмской горе» (выражение Г. Донца), или, что то же самое, «на Изюмском большом кургане» (выражение Г. Косагова), в 1681 г. был построен не «Меньшой город», а «Замок» (по Г. Косагову) или «Сторожевой городок» (по Г. Донцу). Он имел одну проезжую и 2 глухих башни. Длина его дубовых стен с башнями составляла 175 саженей.

В документах подчеркивается, что все три части Изюмской крепости в 1681 г. соединялись между собой и представляли единое целое. Схематическое изображе-

---

[41] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 363. Г. И. Косагов особо подчеркнул, что измерения в Изюме сделаны трехаршинной саженью. Мы обращаем на это внимание потому, что в донесении полковника Г. Донца то же расстояние определено в 310 саженей (ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 840—846).

[42] Дьяченко М. Т. Изюм. Историко-краеведческий очерк. (На укр. языке). Харьков, 1963, с. 18.

ние Новой Изюмской крепости для того времени мы приводим ниже (см. рис. 4).

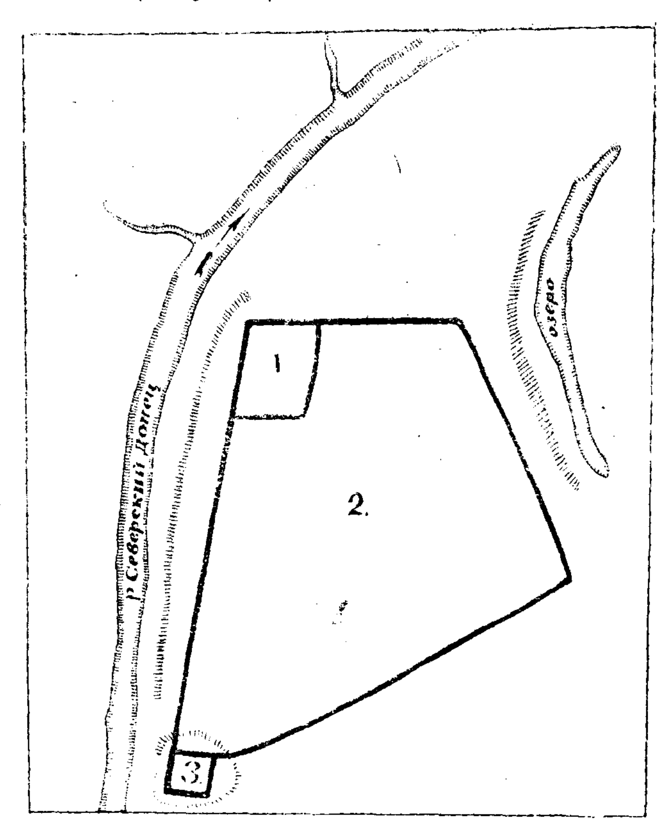

Рис. 4. Схематический план укреплений г. Изюма, построенных в 1681 г. 1 — Меньшой город; 2 — Большой город; 3 — Замок на Изюмском кургане.

В первой половине XVIII в. Изюмская крепость была перестроена. Ее разделил новый земляной вал с бастионами. Размер прежнего «Большого города» уменьшился более чем вдвое. Прежний «замок» на Изюмском кургане оказался как бы отрезанным от остальной крепости, после чего название «замок» перешло к бывшему «Меньшому городу». Все это выясняется при сопоставлении документов конца XVII в. с планом Изюмской

крепости 1740 г., сохранившемся в ЦГВИА[43] и воспроизводимом нами (см. рис. 5). Укрепление на Изюмском кургане названо на плане «Верхним Маяцким редутом». Отходящий от него земляной вал, ограждавший когда-то часть бывшего «Большого города», значится на плане как «Старая разореная линия». Показаны и подписаны «Нововозведенные бастионы», прежний «Меньшой город» (его окружность по масштабу равняется примерно 334 саженям) назван «Замком».

Харьковский полковник Г. Донец весьма активно набирал черкас в новый Изюм. Осенью 1681 г. по донесению Г. Донца в Изюме уже числилось 218 черкас городовой службы. Гарнизон располагал 3 пушками и 4 затинными пищалями. Изгиб Северского Донца дал возможность соорудить за городом своего рода передовую линию укреплений из надолб и засек общей длиной в 693 сажени, которая шла от берега Северского Донца через Изюмскую гору к Засечному бояраку и далее снова к Северскому Донцу[44].

Во время строительства Изюма русскими и черкасами поблизости изредка появлялись отряды татар. Отметим, что генерал Г. И. Косагов, остававшийся «сходным воеводой» П. И. Хованского, находился обычно в Чугуеве. 15 апреля 1681 г. П. И. Хованский приказал Г. И. Косагову выступить из Чугуева «к Соленому для промыслу над неприятельскими людьми»[45]. Одновременно по распоряжению Г. Донца против татар быстро двинулся из Савинского городка «Харьковскому полку наказный полковник» Гаврила Могилка[46] с черкасами. Г. И. Косагов шел очень медленно; 27 апреля «меж Савинска и Изюма» он встретился с черкасами, возвращавшимися после погони. Г. Могилка сообщил генералу, что татар было 300 человек, что он гнался за татарами до р. Кальмиуса и что татары ушли к Азову.

Летом 1681 г. произошла очередная смена командо-

---

[43] ЦГВИА, ф. 349, оп. 13, ед. хр. 10 729.

[44] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 117, л. 840—851.

[45] ЦГИА УССР, бывш. Харьковский филиал, ф. 353, ед. хр. 111, л. 69.

[46] Г. Могилка временно, «по наказу», командовал частью черкас Харьковского полка в связи с убытием в Изюм Г. Донца и считался поэтому «наказным полковником».

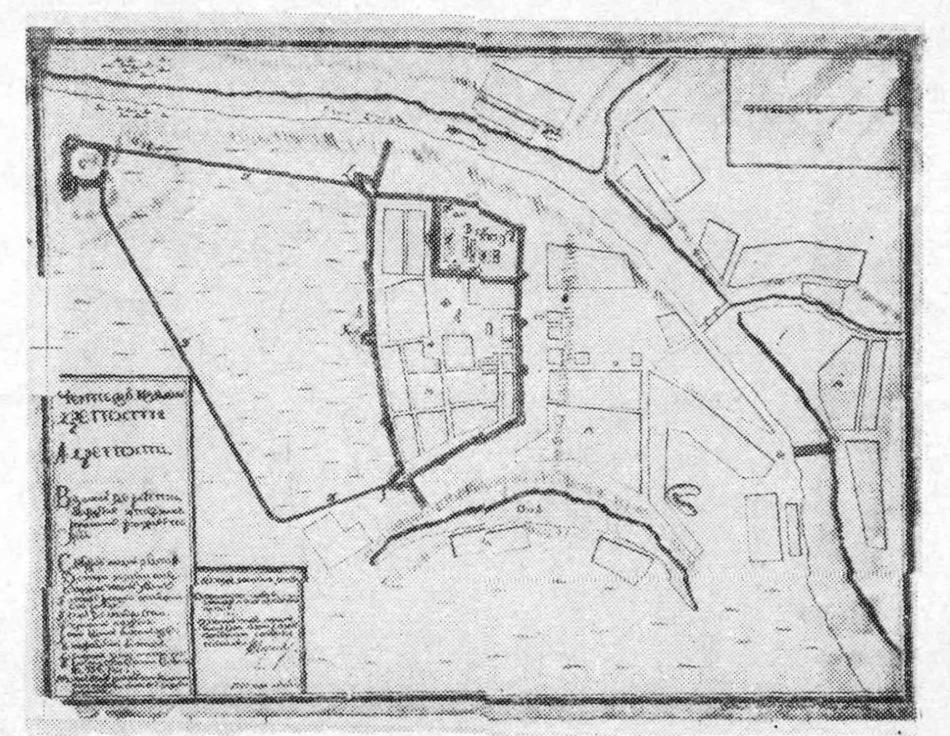

Рис. 5. План Изюмской крепости первой половины XVIII в.

вания русскими войскамй на юге страны. Сначала в Севск «на князь Васильево место Васильевича Голицына» предполагалось назначить крупного русского вельможу, боярина Ивана Борисовича Репнина. В мае 1681 г. в Разрядном приказе было составлено несколько черновых вариантов наказов И. Б. Репнину. Имелось в виду передать в подчинение И. Б. Репнина, кроме Севского, также Белгородский и Тамбовский разряды [47].

Назначение И. Б. Репнина так и не состоялось. Этот факт можно связать с продолжавшейся в Москве борьбой придворных группировок и попыткой боярской знати закрепить за собой в 1681 г. руководящее положение в управлении страной [48]. 18 июля 1681 г. в Севск на место В. В. Голицына был назначен человек менее высокого ранга — думный дворянин Леонтий Неплюев. Пятый пункт царского наказа новому воеводе Севского полка гласил: «А по вестям ему, думному дворянину и воеводе, быть в сходе з бояриноm и воеводою со князем Петром Ивановичем Хованским в товарищах. А боярин и воевода князь Петр Иванович ныне в Белгороде» [49]. Этим указом Севск терял традиционное лидерство на южной окраине России; воевода Севского полка оказывался в подчинении у воеводы Белгородского полка.

В. В. Голицын, получивший в качестве командующего южноруской армией после заключения Бахчисарайского мира царскую благодарность и новые земельные пожалования, 1 августа 1681 г. наконец-то мог отправиться в Москву [50]. Почти двухлетнее пребывание В. В. Голицына на юге, естественно, не давало ему возможности активно участвовать в московской политической борьбе. Теперь такая возможность представилась, и В. В. Голицын использовал ее в полной мере. В годы правления Софьи (1682—1689) В. В. Голицын, являясь сторонником Милославских и фаворитом правительницы, как известно, сосредоточил в своих руках руководство важнейшими государственными делами России.

---

[47] ЦГАДА, столбцы, Сев. ст., № 339, л. 93—94, 279—283.

[48] См. Очерки истории СССР, с. 327—328.

[49] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 339, л. 42.

[50] Там же, столбцы Белг. ст., № 999, л. 268; столбцы Сев. ст., № 338, л. 105—109.

Кроме г. Изюма, в 1681 г. русские служилые люди и черкасы под общим руководством генерала Г. И. Косагова исправили и поставили заново по черте надолбы на 8 верстах 460 саженях, исправили во многих местах лесные засеки, починили 65 саженей земляных валов. Строельные книги вновь построенных и отремонтированных в 1681 г. военно-инженерных сооружений по Изюмской черте Г. И. Косагов послал 1 ноября 1681 г. в Разрядный приказ.

4. Краткий обзор военно-инженерных работ на Изюмской черте в 1682—1685 гг.

После заключения Бахчисарайского мирного договора можно было временно не опасаться похода к русским рубежам лишь самого крымского хана. Набеги же отдельных татарских отрядов на пограничные русские места продолжались.

Сооружение Изюмской черты изменило в определенной мере географию этих набегов. Татары всегда стремились найти на южнорусской окраине наиболее уязвимые места, возможно быстрее и легче захватить полон, обойтись при этом без преодоления деревянных и земляных укреплений. Объективно ухудшилось положение русского населения двух оставшихся за «Новой чертой» городов: Маяцкого и Тора (Соленого). Ухудшилось потому, что города и уезды к северу от «Новой черты» (районы Чугуева, Змиева, Харькова, Богодухова, даже Полатова) уже были защищены чертой и стали практически недоступными для небольших татарских отрядов. Татарам не просто было захватить полон и на самой Изюмской черте. Лишь район Маяцкого и Тора оставался неприкрытым от татарских вторжений. Именно сюда пытаются проникнуть в первую очередь грабительские отряды татар.

8 марта 1682 г. татарский отряд неожиданно появился под г. Маяцким. По донесению воеводы г. Маяцкого Михаила Люшина татар было 500 человек, по мнению находившегося в Изюме харьковского полковника Григория Донца и «Торских озер атаманов» И. Москвитина и Т. Новороцкого — 600[51]. Выше уже говори-

[51] ЦГАДА, столбцы, Белг. ст., № 1013, л. 108—110.

лось о том, что жители Маяцкого не могли заниматься земледелием. Основой существования многих «маячен» (так документы XVII в. называют жителей этого города)была заготовка дров и продажа их соледобытчикам на Торских соляных озерах. Татары напали на такой «дровяной табор» и захватили в плен его обитателей. М. Люшин писал, что в разрушенном татарами лагере служилые люди затем нашли «письма пленных людей»[52]. Воевода, однако, не переслал эти документы вместе с официальным донесением в Москву.

В это время вновь назначенный воевода г. Тора Михаил Мезенцев, не зная о появлении татар, выехал из Изюма в Тор с небольшой охраной из изюмских черкас. В группе Мезенцева было 50 человек — русских и черкас. Татары, напав неожиданно, захватили в плен всех этих людей, в том числе воеводу М. Мезенцева и начальника охраны есаула В. Макуху. Трагедия произошла у речки Макатихи («на дороге, что ездят с Изюма на Торские озера, на Мокатихе»)[53].

Погоня за татарами, организованная по приказу харьковского полковника Г. Донца, не принесла успеха. Уходя из-под Тора, татары «разделились надвое», большая их часть ушла к Азову, меньшая — в Крым. Из числа русских и украинских пленников с дороги удалось убежать лишь крестьянину М. Мезенцева Давыду Кременеву. Всего татары увели в неволю из-под Маяцкого и Тора 174 человека[54]. Полковник Г. Донец доносил в Москву, что у татар было 7 знамен и что в их отряде находились турецкие янычары.

В Курске П. И. Хованский «выговаривал» за этот набег оказавшимся там крымским гонцам. Те отвечали, что набег был совершен без ведома хана, что они сообщат об этом хану и хан, несомненно, сурово накажет

---

[52] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1013, л. 109.

[53] Интересно заметить, что эта же речка Макатиха определяется рядом исследователей как место другого, также трагичного для русских и куда более известного военного столкновения, — битвы князя Игоря Северского с половцами (см. Гетманец М. Ф. По следам князя Игоря. — «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1976, т. 31, с. 305—326).

[54] ЦГАДА, столбцы, Белг. ст., № 1013, л. 116.

виновных. Это была, как нетрудно понять, обычная отговорка.

Первый мирный год после окончания русско-турецкой войны, как мы видим, не был «мирным» в полном смысле слова для населения юга России. 1681-й год оказался и неурожайным, во многих местах «хлеб не родился»[55]. Давало себя знать и многолетнее, чуть ли не беспрерывное отвлечение служилых людей юга от их хозяйств для участия в походах и строительстве укреплений «Новой черты». В марте 1682 г. в Разрядном приказе была сделана следующая характерная запись: «А по черте и в черте во всех городах ратные всяких чинов люди, также и властелинские, и помещиковы и вотчинниковы крестьяне прошлых лет от полковых ратных подъемов гораздо оскудели»[56].

26 февраля 1682 г. в Разрядном приказе было принято решение о возобновлении строительных работ на Новой черте. Основные работы предполагалось провести на наименее укрепленном участке: между Царевом-Борисовом и Валуйками. Руководителем работ вновь назначался опытный генерал Г. И. Косагов, который становился как и в предыдущие годы, «сходным товарищем» воеводы Белгородского разряда П. И. Хованского. Постановление гласило: «В Цареве-Борисове быти с полком генералу и воеводе Григорью Ивановичю Касагову для береженья от приходу воинских людей, и промеж Царева-Борисова и Валуйки строить по черте всякие крепости»[57]. В Москве составили расчет служилых людей, вызывавшихся в Царев-Борисов к 1 мая 1682 г. Таких было 3298 человек: черкасы Сумского и Ахтырского полков (соответственно 700 и 550 человек), рейтары, солдаты и служилые люди ряда южных городов, а также «донские и яицкие казаки»[58]. В подчинение Г. И. Косагову временно переходил Харьковский полк Г. Донца, все города по Новой черте и два оставшихся города «за чертой»: Маяцкий и Тор (Соленый).

---

[55] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1167, л. 226.

[56] Там же.

[57] Там же, № 1009, л. 345.

[58] Имелись в виду записанные в службу в южнорусских городах бывшие вольные казаки, сохранявшие некоторое время свое наименование.

В мае 1682 г. началось строительство земляного вала к северу от Царева-Борисова, сразу же замедлившееся из-за появления татар. 25 мая татарский отряд появился у г. Тора и увел в плен 14 человек. Генерал Г. И. Косагов снял с вала третью часть служилых людей, выступил в поход за татарами, но их не догнал и 1 июня вернулся в Царев-Борисов[59]. Вновь стали распространяться слухи о подготовке татар к большому набегу.

3 июня 1682 г. состоялось решение о прекращении всех военно-инженерных работ по Новой черте, принятое от имени царей Ивана и Петра: «Царевоборисовское и волуйское валовое дело для нынешних крымских вестей отставить»[60]. Можно все же думать, что главной причиной прекращения работы были не «крымские вести», а неустойчивое политическое положение в Москве в результате стрелецкого восстания. 16 июня дьяк Разрядного приказа Федор Шакловитый отозвал генерала Г. Косагова из Царева-Борисова[61].

1682-й год на южной окраине России ознаменовался резким усилением классовой борьбы. Волнения и выступления крестьян, мелких служилых людей, донских казаков прошли во многих местах юга страны[62]. Некоторые из этих выступлений были связаны с восстанием московских стрельцов, другие вспыхнули независимо от него.

В апреле 1682 г. умер царь Федор Алексеевич. В Москве продолжалась ожесточенная борьба за власть придворных феодальных группировок, приведшая осенью 1682 г. к торжеству партии Милославских и царевны Софьи. Князья Иван и Андрей Хованские — отец и брат строителя Изюмской черты П. И. Хованского были казнены[63], а П. И. Хованский на долгое время лишен чинов и отстранен от дел. Попытка сооружения но-

---

59 ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1009, л. 415—416.

60 Там же, л. 357.

61 Там же, л. 364—365.

62 См. Черепнин Л. В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. — Исторические записки. М., 1938, № 4, с. 41—75.

63 См. Богоявленский С. К. Хованщина. — Исторические записки. М., 1941, № 10, с. 180—221.

вого земляного вала на Изюмской черте, севернее г. Царева-Борисова, предпринятая в этом же году, была, как мы видели, прекращена. В более поздних документах сообщается, что вал начали делать «Белгородцкого разряду многих городов служилые люди, которые были в полку генерала Григорья Ивановича Косагова», но затем генералу «учинилась перемена», и все работы прекратились[64].

В 1683—1685 гг. воеводой Белгородского полка был молодой боярин А. С. Шеин[65]. 15 июня 1683 г. он распорядился произвести осмотр и ремонт «Новопостроенной черты», поскольку «валы во многих местех обволились и рвы засыпались»[66]. Соответствующие распоряжения были направлены воеводам семи городов: Усерда, Змиева, Полатова, Валков, Верхососенска, Царева-Борисова и Валуек. Ремонт укреплений проводился служилыми людьми этих городов, в нем участвовали также черкасы.

В ходе переписки с воеводами Усерда и Полатова летом 1683 г. А. С. Шеин решил, что участие в ремонте черты должны принять, кроме жителей указанных семи городов, также новооскольцы и ольшанцы. Усердский воевода Я. Козловский донес А. С. Шеину, что в четырех острожках из семи на Полатовском валу нет караулов, «а довелось де было в вышеописанных четырех городкех стоять для береженья новооскольцам, верхососенцам да ольшанцам». Кое-где около пустых караульных острожков Полатовский вал был размыт, зубцы на нем обвалились.

Получив это донесение, А. С. Шеин послал письма в Новый Оскол, Верхососенск и Ольшанск, требуя поврежденные места Полатовского вала «починить и зделать вновь против прежняго тех же городов людьми, каких чинов в тех местех наперед сего делали»[67]. Такой приказ выполнить было невозможно, потому что в

---

[64] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 98, л. 148.

[65] Алексей Семенович Шеин (1662—1700) — впоследствии видный сподвижник Петра I, главнокомандующий сухопутными войсками в Азовском походе 1696 г., генералиссимус. Чин боярина А. С. Шеин получил в 20-летнем возрасте, в 1682 г.

[66] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 98, л. 139.

[67] Там же, л. 141 об.

сооружении Полатовского вала участвовали жители десятков русских и черкасских городов, а не только Нового Оскола, Верхососенска и Ольшанска. Воевода г. Верхососенска Григорий Мясной писал в ответ А. С. Шенну: «Делали тот вал от Вислого бояраку до Сосны-реки московских чинов и розных городов всяких чинов люди, а кто в котором месте делал, того де в Верхососенском в приказной избе ведомости по Новопостроенной черте нет»[68].

Починка укреплений Изюмской черты была произведена в 1683 г., говоря современным языком, выборочно. Воевода Белгородского полка А. С. Шеин в связи с этим получил царскую благодарность «за службу по Новой черте»[69].

В 1684 г., во время воеводства А. С. Шеина, на территории Белгородского разряда было осуществлено (хотя и не доведено до конца) еще одно большое военно-инженерное мероприятие: укрепления Изюмской черты были продлены на юг от г. Изюма до р. Тора (р. Торца). Целью строительства этих укреплений была защита «от приходу воинских людей» Торских соляных промыслов, двух еще остававшихся «за чертой» русских городов: Маяцкого и Тора, а также Святогорского монастыря. Новые укрепления должны были образовать своеобразный треугольник, вершиной которого был бы г. Изюм, южным основанием — р. Тор, восточной боковой стороной — р. Северский Донец до устья Тора, западной боковой стороной — Черкасский боярак и земляные валы в степи, между г. Изюмом и р. Тором. Строить крепости по первоначальному замыслу должны были черкасы Харьковского и Ахтырского полков, а также черкасы городовой службы. Одновременно предполагалось перенести городок Маяцкий к устью р. Тора[70].

Харьковский черкасский полк активно участвовал в строительстве новых укреплений, тогда как ахтырцы уклонялись всеми правдами и неправдами. Поведение черкас Ахтырского полка понятно: новые укрепления южнее Изюма находились далеко от Ахтырки и никакой конкретной защиты землям ахтырских черкас не дава-

[68] ЦГАДА, книги Белг. ст., № 98, л. 147.

[69] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 727.

[70] Там же, л. 627—628.

ли. Ахтырский полковник Иван Перекрестов доказывал Разрядному приказу, что ахтырцам надо строить не эти укрепления; а земляной вал и другие крепости от Коломака к городку Рублеву [71].

Сохранились «строельные книги» новых укреплений, подписанные в ноябре 1684 г. харьковским полковником Григорием Донцом. Любопытно отметить, что за 16 лет российской службы полковник Г. Донец так и не освоил русской грамоты. В его автографе русские слова написаны латинскими буквами: «K sim stroennym knijgam harkouski polkounik Grygorij Donec ruku prylozyl» [72].

Харьковские черкасы по расчету Разрядного приказа должны были сделать в 1684 г. деревянных и земляных укреплений на 18 верстах, они сделали укреплений на 11 верстах 766 саженях. При впадении р. Тора в Северский Донец («где было перенесть Маяцкой») построен был «земляной городок» с 6 башнями [73]. В строельных книгах Григория Донца городок называется Казацкой Пристанью. Название это, однако, не привилось; ныне здесь находится поселок с названием «Райгородок». В ноябре 1684 г. у Казацкой Пристани стоял казацкий караул в составе 20 человек, а осадчик Семен Бровка уже успел «призвать» в новый городок 5 черкасских семей и попа [74].

От Казацкой Пристани, по долине р. Тора («низодолом») к Торским озерам насыпан был земляной вал, за валом установлены надолбы. Высота вала составляла в отдельных местах 2 сажени (4,3 м), в других — $1^1/_2$ сажени (3,2 м). У брода через р. Тор земляные валы были устроены на обоих берегах реки, «потому что у того броду торских жителей над водою татарове бира-

---

[71] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 618—619. Позднее этот вал, продолживший Изюмскую черту в западном направлении, был построен; в середине XIX в. его кратко описал Ф. Гумилевский (см. [Гумилевский Ф.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, т. 2, с. 268—269).

[72] Там же, разр. вязки, № 11, ед. хр. 57, л. 2—5 об. Г. Донец называет книги не «строельными», а «строенными».

[73] Там же, столбцы, Белг. ст., № 1530, л. 628, 680.

[74] Там же, разр. вязки, № 11, ед. хр. 57, л. 2 об.

ли безпрестанно». Западнее г. Тора, по направлению к речке Голой Долине, а также западнее речки Голой Долины в сторону Черкасского боярака вал был только намечен. Черкасский боярак подходил с севера к р. Тору, здесь, по мнению Г. Донца, «пристойно быть городу, прозванием Черкасскому»[75]. Ныне при впалении в р. Тор (она называется здесь — «Сухой Торец») речки Черкасской (Черкасского боярака) находятся села Знаменка и Черкасское.

Далее укрепления отходили от р. Тора к северу, вдоль Черкасского боярака. Здесь в степи между р. Тором и р. Северским Донцом было насыпано 6 небольших земляных валов (длиной в 60, 220, 231, 115, 304 и 706 саженей), устроены засеки в оврагах и в Теплинском лесу. Крайний северный вал подходил к Северскому Донцу «у Пристена Донецкого», выше г. Изюма. Однако степной промежуток у верховьев речки Каменки (между четвертым и пятым валами в нашем перечне), выделенный черкасам Ахтырского полка, остался неукрепленным[76]. Как сообщается в строельных книгах Григория Донца, в этом месте на 5025 саженях «вал не учинен»[77].

Разрядный приказ решил в 1685 г. работ по сооружению земляных валов в торско-изюмском треугольнике не продолжать. 23 января 1685 года в Курск воеводе А. С. Шеину была отправлена царская грамота. В ней сообщалось о том, что «доделывать вал промеж Торских озер и Изюма не велено»[78].

М. А. Голицын, сменивший в 1685 г. А. С. Шеина в должности воеводы Белгородского полка, вел долгую переписку с Разрядным приказом по вопросу о перенесении г. Маяцкого к устью р. Тора. Любопытна такая деталь. Жители Маяцкого городка — русские и черкасы, — прося об оставлении города на прежнем ме-

---

[75] ЦГАДА, разр. вязки, № 11, сд. хр. 57, л. 4.

[76] На карте Изюмского полка, составленной в 1737 г. геодезистами В. Домадыровым и Е. Гурьевым (находится в библиотеке Академии наук в Ленинграде), показан земляной вал на левом берегу р. Голой Долины. Как можно думать, он был построен позже вместо вала вдоль Черкасского боярака.

[77] ЦГАДА, разр. вязки, № 11, ед. хр. 57, л. 5 об.

[78] Там же, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 629.

сте, противопоставляли себя тем черкасам, которые селятся слободами и получают от правительства льготы: «А в Маяцком сведены они на вечное житье, а не на слободу»[79]. Правительство не стало настаивать на переносе Маяцкого городка.

«Вечный мир», заключенный между Россией и Польшей в 1686 г., привел к новому обострению русско-турецких и русско-татарских отношений. Мы не ставили задачи в данной работе проследить роль и значение Изюмской черты в защите южных границ России во время Крымских походов В. В. Голицына, в промежутке времени между Крымскими походами В. В. Голицына и Азовскими походами Петра I. Это — особые вопросы, выходящие за пределы данного исследования, к которым, однако, мы надеемся еще вернуться. За хронологические рамки нашей работы выходит и формирование Изюмского черкасского полка и вопрос о заселении земель у Изюмской черты в конце XVII — начале XVIII в. Мы считаем целесообразным кратко сказать лишь об отношении русского правительства к переселенцам.

После сооружения Изюмской черты русское правительство стремилось направить переселенцев-черкас именно на черту; сами же переселенцы, естественно, хотели обосноваться в более спокойных местах, на территории, уже защищенной «Новой чертой». В этом плане типичным является эпизод, связанный с попыткой устройства слободы на р. Волчьих Водах, в 5 верстах выше городка Волчьи Воды (нынешнего Волчанска). Осенью 1676 г., когда еще не было и речи о «Новой черте», житель городка Волчьи Воды, казак Харьковского полка Аким Захарьин получил разрешение устроить новую слободу на указанной реке, «на Царевоборисовском броду под Толстою лукою ниже Валуйского брода». Ему поручалось «призывать русских людей беспомесных и черкас, которые отойдут — сын от отца, и брат от брата, и племянник от дяди»[80]. Место это находилось за Белгородской чертой, Изюмской черты еще не существовало, и в сложной обстановке русско-турецкой войны устроить слободу не удалось.

[79] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 683.

[80] Там же, № 1017, л. 95—96.

В 1683 г. осадчик А. Захарьин с двумя товарищами приехал в Москву и появился в Разрядном приказе, где подал новую челобитную. Он напоминал о полученном ранее разрешении и сообщал, что если правительство даст черкасам льготы, он призовет на р. Волчьи Воды к Царевоборисовскому броду 1000 семей, «а станет де он призывать на житье черкас Харьковского полку городов, да из Белагорода руские люди, которые не в службе, в те места перейдут на житье многие». Осадчик сказал, что к Волчьим Водам уже приезжали черкасы «для досмотру селидобных мест»[81].

А. Захарьин, видимо, надеялся на благоприятное для него решение дела. Подьячие Разрядного приказа даже составили справку о том, какие подарки давались прежде в Москве осадчикам, получавшим официальное распоряжение правительства об устройстве новых поселений. Но на этот раз осадчик получил в Москве отказ: устраивать новые поселения на р. Волчьих Водах ему было запрещено, поскольку эта река оказалась теперь «в черте». А Захарьину было сказано, что он может основывать поселения только на Изюмской черте, «черкас называть и слободы строить на Новой черте меж Царева-Борисова и Волуйки или меж Царева-Борисова и Коломка»[82]. 8 октября 1683 г. соответствующее распоряжение по этому вопросу, подготовленное думным дьяком Василием Семеновым, было послано воеводе Белгородского полка А. С. Шеину.

В 80 и 90-х гг. XVII в. русское правительство продолжает поощрять переселение черкас к «Новой черте» и участие украинских переселенцев в охране черты. Разрядный приказ считал возможным, чтобы русские воеводы находились лишь в нескольких городах Изюмской черты; большинство же городов Изюмской черты не только могло быть укомплектовано черкасскими гарнизонами, но и иметь черкасское управление. После завершения строительства Изюмской черты в Разрядном приказе была сделана следующая запись: «По черте городы, в которых без воевод быти немочно: Валки, Змеов,

[81] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1017, л. 97.

[82] Там же, л. 104.

Булыклея, Царев-Борисов»[83]. Заметим, что правительство считало возможным селить на Изюмской черте лишь черкас; появление же русских вольных поселенцев у черты, а тем более на территории, защищенной «Новой чертой», категорически запрещалось.

---

[83] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 136. В списке не указаны Валуйки, видимо, потому, что наличие городского воеводы в Валуйках считалось традиционным и само собой разумеющимся. Валуйки были не «черкасским городом».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

течение четырех — пяти десятилетий, охватывающих конец XVII в. и начало XVIII в., Изюмская черта, защитившая от татарских вторжений территорию к югу от Белгородской черты площадью в 30 тысяч квадратных километров, была нужна и важна для России. Не все было хорошо организовано и устроено на Изюмской черте. Но «Новая черта» продолжала жить и развиваться, исправлялись размытые вешними водами участки земляных валов, заменялись сгнившие надолбы, строились новые городки и острожки.

Атаман Василий Ливенец и его сын Дмитрий все же «призвали» в 80-х гг. XVII в. черкас к Полатовскому валу и основали у южной оконечности Полатовского вала городок Новый Полатов, или Ливенцеву слободу[1].

Довольно крупные военно-инженерные работы на

---

[1] Позже, в конце XVIII в., екатерининским указом слобода была превращена в г. Ливенск, существовавший, однако, недолго. Ныне это поселение носит название: «село Ливенка».

Изюмской черте велись в 1690 г. Под руководством харьковского полковника Григория Донца были построены и заселены два новых городка «на черте», южнее р. Мжи. Осенью 1690 г. Г. Донец доносил тогдашнему воеводе Белгородского полка Борису Петровичу Шереметеву о том, что он «на черте меж Гомолченского ровня и Волкового лесу построил жилой городок прозванием Нововолковой» и что в городке он поселил уже 100 черкасских семей[2]. Городок Нововалковой — не что иное, как нынешняя Тарановка (см. географическое описание соответствующего места Изюмской черты в главе III). В том же году Г. Донец «на своей отчинной Водолажской земле» устроил другой новый городок, который получил название «Новая Водолага». Рассмотрев донесение Г. Донца и присланный им чертеж, Б. П. Шереметев писал в январе 1691 г. в Москву: «А по тем книгам и по чертежу харьковскому полковнику Григорью Донцу довелось жить и город построить на Новопостроенной черте, на Новой Водолаге, для того, что тот город будет в черту, в крепость и в оборону»[3].

С 1692 г. на Изюмскую черту стали регулярно выдвигаться рейтарские и солдатские полки Белгородского разряда[4]. Эпизодические попытки татар прорвать «Новопостроенную черту» имели место и в 90-е гг. XVII в. и в первые десятилетия XVIII в., но, как правило, успеха татарам не приносили. Изюмская черта практически стала ненужной для России лишь в 30-х гг. XVIII в., в связи с постройкой «Украинской линии» между Днепром и Северским Донцом и военными успехами России в Приазовье.

Мы не раз уже подчеркивали тесное сотрудничество русского и украинского народов в ходе строительства Изюмской черты, которое сейчас, через триста лет после описываемых событий, при изучении архивных документов выявляется очень ярко. Изюмская черта укрепила военное, политическое и экономическое могущество России. Но она в первую очередь защитила от татарских набегов пришедших в Россию переселенцев с Ук-

---

[2] ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 8—9.

[3] Там же, л. 9.

[4] Там же, № 1406, л. 1043. Полки стояли «по Новопостроенной черте в Соленом, и в Мояцком городе и в иных».

раины, и это понимали уже современники Изюмской черты. В марте 1686 г. один из руководителей Разрядного приказа думный дьяк Василий Семенов составил краткую справку о последовательности и целях строительства «Новой черты». В документе сообщалось: «Со 185-го году... от прежней черты, от Усерда к Полатову-городку через Кальмиюскую сакму в защиту Новому Осколу, и Верхососенскому, и Усерду и иным тамошним городом зделано вновь валу и крепостей на 15 верстах. А от Полатова ведены крепости ж к Волуйке, а от Волуйки положена черта вновь к Цареву-Борисову и к Валкам на 200 верстах и больше в защиту новопостроенным черкасским городом [разрядка наша. —*В. З.*] Харьковского полку, которые построены вновь за Белогородцкою чертою»[5].

Земляные валы Изюмской черты, сохранившиеся до наших дней на сопредельных территориях РСФСР и УССР, являются историческим памятником давнего и славного сотрудничества русского и украинского народов. Сооружение Белгородской черты в сложных социальных и военно-политических условиях России XVII в. было боевым и трудовым подвигом главным образом русского народа. Сооружение Изюмской черты — в равной мере подвиг двух братских народов: русского и украинского.

[5] ЦГАДА, столбцы Сев. ст., № 407, л. 20—21.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМГ	— Акты Московского государства.
Белг. ст.	— Белгородский стол Разряда.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
Карты ген. меж.	— Фонд карт и планов генерального межевания в ЦГАДА.
Поместн. ст.	— Поместный стол Разряда.
Прик. ст.	— Приказный стол Разряда.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
Разр. вязки	— Разрядные вязки.
Сев. ст.	— Севский стол Разряда.
ТВУАК	— Труды Воронежской ученой архивной комиссии.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА УССР	— Центральный государственный исторический архив Украинской ССР.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Принятые сокращения: ат.—атаман, воев.—воевода, ист.—историк, полк.— полковник

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Принятые сокращения: г.— город, городок; д.— деревня; с.— село.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИБ № 481

Владимир Павлович Загоровский

ИЗЮМСКАЯ ЧЕРТА

Редактор
В. А. Муконина

Художник
А. Г. Лось

Технический редактор
О. В. Нагаева

Корректоры
Т. Н. Карабут, М. Г. Щигрёва

ЛЕ 07348. Сдано в набор 11.01.80. Подп. в печ. 24.04.80. Форм. бум. 84×108/32. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 2000. Заказ 8387. Цена 1 р. 20 к.

Издательство Воронежского университета
Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Типография издательства «Коммуна»
Воронеж, пр. Революции, 39

